

Министерство внутренних дел Российской Федерации
СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

В.В. Пономарева

**ВЕЛИКОБРИТАНИЯ XVII – НАЧАЛА XXI ВВ.:
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**

Монография

Красноярск
СибЮИ МВД России
2006

ББК 67.3
УДК 34

Рецензенты: С.А.Дробышевский – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Юридического института Красноярского государственного университета;
Н.В.Маслодудова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России

Пономарева, В.В.

Великобритания XVII – начала XXI вв.: государство и право : монография / В.В.Пономарева ; Сибирский юридический институт МВД России. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2006. – 116 с.

Основанная на изучении источников права и многочисленных трудов российских и зарубежных ученых, а также широком использовании оригинального материала и результатов собственных научных исследований монография кратко и в доступной форме рассказывает о государственно-правовом пути одной из ведущих капиталистических стран – Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в XVII – начале XXI вв. на фоне широкого контекста развития национальных правовых систем стран Запада.

Предназначена курсантам и студентам юридических вузов, преподавателям и аспирантам, специалистам в области сравнительного правоведения и всем, кто интересуется историей государства и права зарубежных стран.

© Сибирский юридический институт МВД России, 2006
© В.В.Пономарева, 2006

Оглавление

| | |
|---|-----|
| Введение | 4 |
| Глава 1. Великобритания Нового времени | 5 |
| 1.1. Английская буржуазная революция..... | 5 |
| 1.2. Становление конституционной монархии в Англии XVIII века | 21 |
| 1.3. Великобритания в XIX в. | 32 |
| Глава 2. Возникновение буржуазного права и его развитие в XIX – начале XX вв. | 40 |
| Глава 3. Великобритания Новейшего времени | 75 |
| Глава 4. Основные изменения англосаксонского права в XX-начале XXI вв. | 89 |
| Заключение..... | 108 |
| Библиографический список | 109 |

ВВЕДЕНИЕ

Период XVII-начала XXI вв. в истории Великобритании, как, впрочем, и других стран Западной Европы, распадаясь на самостоятельные этапы нового и новейшего времени, тем не менее представляет собой нечто цельное, поскольку это время становления и утверждения современного государственно-правового режима, основанного на политической демократии, правовой свободе и гражданском равенстве.

Основными социально-правовыми процессами XVII-начала XXI вв. стали: формирование капиталистической экономики и частного предпринимательства, основанного на частной собственности; формирование гражданского общества, свободного от традиционных государственных, феодальных, сословных и религиозных ограничений.

Такое кардинальное преодоление старых порядков средневековья в Великобритании охватило весь XVII в, когда Великую смуту 1640-1650-х гг. продолжила Славная Революция 1688-1689 гг. Первые буржуазные революции нового времени были связаны с религиозными спорами и исканиями времен Реформации.

История Великобритании XVIII и XIX вв. – это становление и законодательное оформление конституционной монархии. Конституционализм стал главным принципом государственно-правовой организации капиталистического общества эпохи свободной конкуренции. Характерным явлением в правовой истории нового времени стали систематизация и кодификация права. Идеология Просвещения заложила основы европейского политического и правового мышления XX в.

Великобритания заняла доминирующие позиции в Европе, став поистине «мастерской мира». Это проявилось в зарождении системообразующих государственно-правовых институтов, оказавших определяющее влияние на развитие стран Европы и Азии. Великобритания как наиболее мощная западная держава сформировала огромную колониальную империю. Борьба за преобладание в мире, империализм не только деформировали политико-правовую историю Европы, но и породили мировые войны XX в.

Политико-правовые процессы новейшего времени в истории Великобритании разнообразны и разнородны. Это возрастание политического значения исполнительных структур власти, сближение правового развития Великобритании и стран континентальной Европы, а также возникновение новых форм международно-правового сотрудничества (например, Европейское сообщество).

ГЛАВА 1. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

1.1. Аí ãëèéñéàÿ áóðæóàçí àÿ ðááíëřòëÿ

Í ðááííññëèè ðááíëřòëè. Конец XVI – первая половина XVII вв. были отмечены бурным ростом торговли и мануфактур. Однако динамичное развитие капиталистических отношений в юго-восточной части Англии существенно тормозилось архаичными секторами экономики северо-западных графств. Проникновение капиталистических отношений в аграрный сектор по своим темпам и социальным по следствиям превосходило аналогичные процессы в промышленности. Крестьянство находилось в тяжелом положении, с одной стороны, испытывая гнет лендлордов, с другой – разоряясь в связи с ломкой средневекового аграрного строя, огораживанием, исчезновением общинных земель. Недовольство выражала и часть землевладельцев-аристократов, тяготившаяся поборами, связанными с рыцарским держанием. Сословно-корпоративная политика промышленных монополий и ограничений, осуществлявшаяся правящей династией Стюартов, оттесняла новое дворянство (джентри) и владельцев мануфактур от выгод внешней и колониальной торговли, препятствовала свободному развитию внутреннего производства.

Государственный аппарат абсолютизма, несмотря на рост и усложнение структуры, оказался неспособным управлять страной согласно сложившемуся праву и в интересах модернизирующихся слоев общества. В практику вошла продажа должностей и дворянских титулов. Недовольство всех слоев английского общества вызывали принудительные займы, хронический дефицит финансов и коррупция. Традиционное британское самоуправление, особенно городское, постепенно отмежевывалось от абсолютистской администрации.

Важной предпосылкой английской буржуазной революции стали религиозные противоречия, ибо реформация, окончательно оформленная в период правления Елизаветы Тюдор, была половинчатой. Английская церковь, освобожденная от верховенства папы римского, была подчинена монарху. Епископы и иные духовные лица, назначавшиеся королем, фактически становились его чиновниками – с церковных кафедр оглашались королевские указы либо обрушивались упреки на слушников монаршей воли. Участие в культе государственной англиканской церкви становилось принудительным. Были расширены полномочия Высокой комиссии, осуществлявшей цензуру, рассматривавшей с 1613 г. любые религиозные дела, даже жалобы жен на неверность мужей.

В то же время с XVI в. в Англии, особенно на севере, и в Шотландии настроения, оппозиционные официальной церкви и

властям, проявились в росте популярности религиозного движения – пуританизма, в основе которого лежало учение женева реформатора Жана Кальвина. Пуритане настаивали на «очищении» церкви от католических обрядов. Требование «дешевой» церкви означало удаление из храмов украшений, образов, алтаря, цветных стекол и пр. Пуритане рассматривали торгово-промышленную деятельность как «божественное призвание», а обогащение – как признак особой избранности и проявление милости Бога. Они настаивали на полном самоуправлении церковных общин, провозглашая частичное освобождение человека из-под власти государства. Однако зависимость пуритан от власти общины и новой морали (аскетизм, осуждение азартных игр, роскоши, праздности, отсутствие свободомыслия, религиозная нетерпимость) была жесткой.

Правящий класс прекрасно понимал, что религиозная оппозиция, по сути, является оппозицией власти. Так, выступая в 1604 г. на церковной конференции в Гемптон-Корте, король Яков I заявил, что «нет епископа – нет короля», и угрожал «вышвырнуть из страны» упорствующих пуритан или «сделать с ними еще что-нибудь похуже». В результате из Англии в Голландию, а затем и Америку хлынул поток пуритан, спасавшихся от громадных штрафов и тюрем.

Ряд неудачных внешнеполитических решений Стюартов, попытки примирения с католической Испанией на династической основе, брачный союз с католической Францией, разрыв торговых и финансовых отношений с протестантской Голландией, тайные соглашения о послаблении католическим священникам при королевском дворе – все это вызывало опасения тюдоровской знати, владевшей землями, конфискованными у католической церкви и монастырей в ходе реформации XVI в., и небывалый рост общественной оппозиции.

Кризис отношений абсолютистской государственности и общества обрел форму открытого противостояния короны и парламента.

Ἐπίθετέον ἐπίτιυ ἐ ἰαδέαι αἰ οἶ. В начале XVII в. противостояние государственных властных структур (парламента, центральных и местных органов управления) и монарха достигло особой остроты. В такой ситуации королевский двор стал главенствующим звеном в системе политических учреждений, на которые мог опереться новый монарх, добиваясь укрепления своего авторитета. Яков I стремился восстановить двор как инструмент государственного управления. В результате расстановки политических сил, сложившейся после смерти Елизаветы Тюдор, Яков I Стюарт не смог сразу подчинить своему влиянию ни Тайный Совет, ни другие властные институты. Неудачные попытки распространить

свое влияние на традиционные правительственные структуры, продвинуть своих соотечественников-шотландцев в Тайный Совет и на государственные посты были компенсированы изменениями, осуществленными в королевском дворе. Двор стал одним из средств для инкорпорирования шотландских ставленников монарха в английскую административную и социальную структуры. Актуализация служебного потенциала придворных должностей и структурные реорганизации королевского двора позволили превратить неформальное влияние ближайших королевских слуг в официальные властные полномочия, которые имели тенденцию выхода за пределы королевского двора. Яков I старался придать ограниченному кругу ближайших слуг статус социально-политической элиты государства, вытесняя тем самым из королевского окружения как тюдоровскую аристократию, так и провинциальных джентри.

Карл I, сменивший в 1625 г. на троне Якова I, продолжил абсолютистскую линию своего отца. Не стоит забывать, что это вполне соответствовало общеевропейской тенденции появления большого количества национальных монархических государств, усиления и централизации государственной власти, становления абсолютизма в странах Западной Европы.

Яков I и Карл I придерживались принципа «божественного права короны» и стремились к упрочнению королевских прерогатив за счет сокращения влияния парламента, практическое влияние которого на дела государства в начале XVII века оказалось минимальным. С 1611 по 1640 гг. палата общин в общей сложности не заседала и двух лет.

Однако неудачи внешней и внутренней политики резко усилили оппозиционные настроения в обществе и в парламенте. С 1614 г. парламент по своему составу становится на $\frac{2}{3}$ пуританским. Основным занятием парламента стало принятие резолюций о своем политическом приоритете, что приводило, как правило, к быстрым роспускам правительств. Попытки Карла I найти компромисс с парламентом закончились неудачно.

В 1626 г. парламент отказал короне в субсидиях в связи с недовольством войной с Испанией и правительством королевского фаворита – лорда Бэкингема. Конфликт заключался в том, что проблемы внешней и внутренней политики понимались по-разному «двором» и «страной», на локальном и национальном уровнях, парламентариями – провинциальными джентри и государственными деятелями. Именно этим объясняется нежелание джентри в графствах разделять то бремя расходов на государственные нужды, которое в начале XVII в. навязывала им центральная власть.

17 марта 1628 г. Дж. Элиот – один из лидеров парламентской оппозиции – заявил, что «речь идет не только о нашем имуществе и владениях, на карту поставлено все, что мы называем своим, те права и привилегии, благодаря которым наши предки являлись свободными». Палата общин приняла Петицию о правах. В ней, ссылаясь на ст. 39 Великой хартии вольностей 1215 г., говорилось, что «ни один свободный человек не может быть схвачен, заключен в тюрьму, лишен своей земли». Более того, авторы Петиции о правах дополнили это положение своими словами: «... никто не может быть лишен своей собственности, или вольностей, или доходов». Здесь, наряду с земельной собственностью, была включена как неприкосновенная собственность предпринимателей и купцов. Авторы Петиции протестовали также против сбора налогов без разрешения парламента.

Крайняя нужда в деньгах заставила Карла I утвердить 7 июня 1628 г. Петицию о правах. Однако вскоре король, опираясь на поддержку англиканской церкви, аннулировал ее значение. В 1629 г. распустил парламент и в течение следующих 11 лет установился режим беспарламентского правления. Правительство лорда Страффорда, нового министра Карла I, не считалось ни с традициями, ни с соглашениями Петиции о правах. Пуританская оппозиция подверглась преследованиям властей, тысячи пуритан бежали из страны. В результате «великого исхода» в 1630-1640 гг. из Англии эмигрировали 65 тыс. человек, из них 20 тыс. – в североамериканские колонии, Новую Англию. В 1636 г. попытки принудительного введения в Шотландии англиканства привели к вооруженному восстанию, переросшему в открытую англо-шотландскую войну.

Военные неудачи и отсутствие средств вынудили Карла I созвать 13 апреля 1640 г. новый парламент, от которого он потребовал 12 финансовых субсидий. Парламентарии (большинство комонеров составляли джентри графств) выдвинули встречные требования. В результате палата общин была распущена 5 мая 1640 г. В историю парламент вошел под названием Короткий парламент. Собрание для ведения шотландской войны провинциальное джентри представило петицию о плохом состоянии королевства. Острота противостояния «двора» и «страны» стала одной из предпосылок буржуазной революции середины XVII в.

Àîëëé îàðëàì áí ò è îîëëòè:áñëéá ðáóîðì ù 1640-1650-ò ãã
Утечка капиталов из страны, эмиграция в Америку наиболее предприимчивых торговцев и промышленников-пуритан, политика правительственных монополий и налогов обернулись сокращением производства, спадом торговли и ростом безработицы. Поражение в англо-шотландской войне, отсутствие денег, недовольство не

только простолюдинов, но и, прежде всего, части пэров, финансистов и купцов Сити вынудили Карла I созвать парламент, вошедший в историю как Долгий парламент, действовавший с 1640 по 1653 гг. С момента его созыва – 3 ноября 1640 г. – начинается конституционный период английской буржуазной революции, завершившийся бегством короля из Лондона и началом первой гражданской войны 22 августа 1642 г.

Деятельность Долгого парламента стала главной политической формой политических преобразований в стране. В его состав входили 516 членов палаты общин и 150 пэров. Самую значительную часть депутатов составляли новые джентри. В палате общин тон задавали депутаты парламентской оппозиции 1628 г. – Гримстон, Пим, Бэгшоу.

С вынужденного согласия монарха коммонеры разрушили основные инструменты абсолютизма и приняли меры к тому, чтобы сделать впредь невозможным беспарламентское правление. Положение англиканской церкви стало первым объектом обсуждения парламентом и вынужденных уступок короны. Рассмотрев явные злоупотребления и нарушения прав и свобод (так, трем авторам памфлетов против епископов решением Звездной палаты были обрезаны уши за «клевету и оскорбительные речи»), приговоры Звездной палаты были отменены, ее деятельность признана «вредной». Властью парламента ей было предписано выплатить осужденным значительные компенсации.

В начале 1641 г. парламентарии обсудили петицию (а затем и билль) «О корнях и ветвях». В результате епископальная власть была уничтожена, а епископы изгнаны из палаты лордов, что существенно изменило баланс сил в парламенте в пользу палаты общин.

Парламент провозгласил свою независимость от короны. Трехгодичный акт от 15 февраля 1641 г. установил, что король не может править без парламента более трех лет, а распустить парламент – ранее 50 дней со дня его созыва. При несогласии короля парламент мог быть созван другими лицами (пэрами, шерифами) либо собраться самостоятельно. Тем самым парламент из королевского превращается в орган национального представительства.

Кроме этого, парламент попытался создать ответственную перед правительством администрацию. Парламент добился осуждения архиепископа Лода, некоторых придворных сановников и главы королевской администрации графа Страффорда, обвиненного в государственной измене в порядке импичмента. Слабовольный Карл I утвердил «Акт осуждения», и в мае 1641 г. Страффорд был казнен. В завершение борьбы за верховенство парламентом были приняты решения о ликвидации Звездной палаты и Высокой комиссии.

Долгий парламент сократил судебные полномочия короны, ликвидировав суды королевской прерогативы, суды справедливости (кроме лорда-канцлера), и ограничил юрисдикцию Тайного Совета. Взамен были подтверждены полномочия судов общего права, исторически находившиеся в поле влияния статутного права парламента. Тем самым парламент обеспечил свое главенство в сфере юстиции. Летом 1641 г. парламент подтвердил свое исключительное право в налогообложении.

В условиях обострения внутренней обстановки в стране, падения престижа парламента, начавшегося восстания в Ирландии, парламентарии инициировали конституционное закрепление проведенных преобразований. 1 декабря 1641 г. палата общин незначительным большинством в 11 голосов приняла «Великую ремонстрацию», 204 статьи которой содержали перечень злоупотреблений короны. В ней депутаты отстаивали признание монархом «основных законов и начал управления королевством», осуждали порочную политику монополий, налогообложения без согласия депутатского корпуса и самостоятельность распоряжения имуществом короны, подтверждали упразднение епископата и церковных судов. Преимущество юрисдикции судов общего права рассматривалось как гарантия обеспечения «законов и свобод королевства».

Монарх, вернувшийся из Шотландии, был вынужден утвердить предъявленную петицию, что означало признание определенного политического равновесия в стране, возможности мирным путем решить назревшие вопросы.

Однако, утвердив соответствующие акты, монарх выждал момент, чтобы покончить с лидерами оппозиции. Он усилил дворцовую охрану, назначил преданного короле коменданта Тауэра, который не замедлил направить жерла крепостных орудий на Вестминстер, где заседал парламента. Карл I издал декларацию о защите короны от посягательств парламента и о сборе армии. 4 января 1642 г. монарх в сопровождении военного отряда прибыл в парламента, чтобы лично арестовать пятерых лидеров оппозиции. Это было воспринято как нарушение привилегий парламента, а преследуемые депутаты укрылись под защитой лорд-мэра Сити Лондона и горожан.

Неудачная попытка расправиться с лидерами парламентарской оппозиции привела короля к потере контроля над восставшей столицей. В январе 1642 г. он вынужденно покинул мятежный Лондон и перебрался с двором на север под защиту феодальных лордов. На этом закончился «конституционный» период революции. В стране наступило двоевластие, выходом из которого стала гражданская война между роялистами («кавалерами») и круглоголовыми – сторонниками парламента.

22 августа 1642 г. король поднял свой штандарт над крепостью Ноттингем и объявил войну парламенту. Это было начало первой гражданской войны, закончившейся только в 1646 г.

В период гражданской войны парламент принял меры к организации новой государственной администрации. Был создан исполнительный комитет парламента (7 пэров и 48 коммонеров), верховенство парламента заявлено в постановлении палаты общин о подчинении Тайного совета (1642 г.), соответственно которому Тайный совет должен был назначаться с согласия парламента. В ходе гражданской войны был создан ряд комитетов: комитет безопасности (1642 г.), уполномоченный раскрывать заговоры роялистов; комитет по ассигнованиям (1642 г.); комитет обоих королевств (Англии и Шотландии) (1644 г.); комитет по секвестрам имуществ роялистов (1644 г.); комитет по штрафам родственников «пассивных роялистов» (1643 г.). В 1643 г. парламент возобновил государственную печать, юстиция действовала от имени парламента. Палата по делам опеки была упразднена в 1646 г., что уничтожило организационно-правовые основы феодального землевладения.

Фактически с 1642 г. в Англии установилась республика, основанная на законодательном и судебном верховенстве парламента и подчинении исполнительной власти парламенту.

Следует подчеркнуть, что с самого начала гражданской войны в парламенте существовали принципиальные противоречия, которые привели к образованию группировок, отражавших два главные течения в пуританизме: пресвитериан – парламентаского большинства, опиравшегося на умеренно настроенную верхушку буржуазии (главным образом, это были дельцы Лондона) и индепендентов – меньшинства, выражавшего интересы мелких и средних дворян – джентри. Для первых война была лишь средством добиться некоторых уступок и соглашения с королем, вторые были настроены более решительно.

Политические противоречия сказались и на ходе военных действий. Лидеры пресвитериан, в том числе главнокомандующий граф Эссекс, вели войну столь неохотно, что, несмотря на численный перевес, парламентаская армия потерпела поражение в первом крупном сражении, что дало возможность королевской армии обосноваться в Оксфорде. Однако наряду с пресвитерианской линией войны и в парламенте, и в армии все отчетливее проявлялась более решительная – индепендентаская. Ее лидер – Оливер Кромвель (коммонер, капитан кавалерийского отряда) – основной причиной поражений считал отсутствие в армии дисциплины и плохое моральное состояние в целом.

9 декабря 1644 г. Кромвель и индепенденты провели через парламент билль о коренной реформе в армии. Вместо территори-

альных отрядов милиции и наемников была создана единая регулярная армия «нового образца», рекрутируемая на основе принудительного набора. На офицерские должности был открыт доступ простолюдинам. Командирами стали: извозчик Прайс, сапожник Хьюсон, котельщик Фокс. Новая армия (22 тыс. чел.), охваченная революционным порывом и пуританским энтузиазмом, сыграла решающую роль в исходе гражданской войны. В решающих битвах с королевской армией при Марстон-Муре (2 июля 1644 г.) и у Нейсби (14 июня 1645 г.) именно кавалерия Кромвеля решила исход сражения. Карл I, сдавшийся шотландцам в апреле 1646 г., был фактически продан ими парламенту.

Важным шагом парламента в период гражданской войны стало упразднение Палаты по делам опеки, а вместе с тем и феодальных основ землевладения. Земли епископов, короля и его сторонников – роялистов (преимущественно на северо-западе Англии) были конфискованы и распроданы. В результате значительная часть земельной собственности перешла в руки буржуазии и джентри. Все это способствовало замене феодального аграрного строя северо-запада Англии буржуазным. Новый статус этих земель был закреплен актом об отмене «рыцарского держания»: 24 февраля 1646 г. все феодальные повинности и обязанности крупных землевладельцев в пользу короля отменялись (хотя обязанности и подчиненный статус мелких свободных держателей и арендаторов были сохранены). Тем самым феодальные держания превращались в свободные держания «на общем праве», фактически речь шла о передаче земли в частную собственность.

Èíí ôëëëò ì äæäó àðì èáé è ì àðëàì áí òíì. К началу 1647 г. в революционном лагере царили раздор и разногласия между четырьмя более или менее организованными силами: парламентом, армией, дельцами Сити и народными массами (в основном Лондона и его предместий). Причем парламент и Сити, т.е. большинство пресвитериан и меньшинство индепендентов, считали, что основные цели революции достигнуты. Поэтому весной 1647 г. парламент принимает решение о роспуске армии. Однако солдаты отказались сложить оружие, пока не будут удовлетворены их требования и даны гарантии «народной свободы».

Напуганные угрозой неповиновения армии пресвитериане и индепенденты объединились, Кромвель выступил за подчинение армии парламенту. Отметим, что индепенденты к 1647 г. уже раскололись на две группировки: гранды (господа) – высшие офицеры парламентской армии и левеллеры (уравнители) – республиканцы, пользовавшиеся большим влиянием у народных масс лондонских предместий. Не доверяя грандам, армейские левеллеры

избрали в каждом полку агитаторов (это были Джон Лильберн, Уильям Уолвин, Ричард Овертон), к которым постепенно переходило руководство воинскими частями. Угроза политической изоляции побудила Оливера Кромвеля возглавить движение солдат.

Недовольство низов, в том числе армейских, имело объективные причины. В 1646-1647 гг. страну постигли засуха и неурожай. Грабежи со стороны обеих армий вынудили крестьян создавать отряды самообороны. Из-за спада в промышленности в Лондоне и ряде других городов выросла безработица. Недовольство народных масс нашло свое выражение в действиях армии: 2-4 июня 1647 г. она захватила в плен короля и в августе 1647 г. предприняла марш на Лондон. В результате из парламента были изгнаны лидеры пресвитериан.

Противоречия в военной среде со всей остротой проявились на Совете армии в Патни, проходившем 28 октября – 11 ноября 1647 г. Кромвель и гранды отстаивали «традиционную конституцию» с двухпалатным парламентом и королем, наделенным правом вето, и решительно воспротивились индипенденскому проекту создания парламентской республики с однопалатным, ежегодно переизбираемым парламентом, и введению всеобщего избирательного права для мужчин. По приказу О.Кромвеля Совет армии прервал работу, неповиновение отдельных полков было подавлено, гранды восстановили контроль над парламентской армией.

В это время Карл I, с которым пытались договориться и пресвитериане, и индипенденты, вступил в тайный сговор с шотландцами и бежал из плена. Весной 1648 г. вспыхнула вторая гражданская война, вынудившая примириться индипендентов и левеллеров. 17-19 августа 1648 г. в битве при Престоне армия шотландцев и роялистов была разгромлена. Парламентская армия вновь заняла Лондон и окончательно очистила палату общин от пресвитерианского большинства. 6 декабря 1648 г. полковник Прайд с отрядом драгун занял подступы к Вестминстеру. Проверая по списку комонеров, входивших в зал палаты общин, он задержал 140 известных пресвитериан. В результате индипенденты получили большинство в палате общин (так называемая «прайдова чистка»). 6 января 1649 г. состоялся суд над королем. По сути, это был трибунал, действовавший на основе революционного правосознания, а не общего права. 30 января 1649 г. Карл I «как изменник и тиран» был публично обезглавлен. Политическая власть перешла в руки индипендентов.

Èí äáí áí äáí ò ñèàÿ ðáííí óáééèèà. 19 мая 1649 г. Англия была провозглашена республикой – Commonwealth – Содружеством и Свободным государством Англии, Уэльса и Ирландии. Народ объ-

являлся источником законной власти. Верховная власть в индипендентской республике принадлежала палате общин, ибо палата лордов разделила судьбу монархии. Королевское звание было упразднено. Исполнительную власть в своих руках сосредоточил государственный совет, состоявший из армейских грандов и их парламентских сторонников.

Однако в действительности республика оказалась индипендентской олигархией. Безработица, солдатские грабежи и реквизиции, засуха и высокие цены на хлеб ускорили процессы превращения крестьян и ремесленников в пауперов. Народные выступления и угроза восстаний побудили О.Кромвеля к решительным действиям: лидер левеллеров Дж.Лильберн был брошен в тюрьму; восстания солдат в Ланкашире, Дербишире, Сомерсетшире, отказавшихся отправиться в Ирландию, были подавлены; колония диггеров, безземельных батраков, под предводительством Дж. Уинстенли приступивших в апреле 1649 г. к совместной обработке земли на пустоши холма Св.Георгия в 30 милях от Лондона, была разогнана.

Затем последовал роспуск 20 апреля 1653 г. «охвостья» Долгого парламента.

Собравшийся в июле 1653 г. новый парламента, названный Малым, или Бербонтским, не был избран, но назначен Госсоветом из числа членов индипендентских конгрегаций, рекомендованных местными индипендентскими властями. Однако и Малый парламента под влиянием радикально настроенных коммонеров неожиданно для его создателей встал на путь реформ: введения гражданского брака, отмены церковной десятины, создания комитета для кодификации права. Попытки уничтожить известный волокитой и взяточничеством суд лорда-канцлера, уменьшить налоговое бремя, сократить численность армии окончились роспуском Бербонтского парламента через пять месяцев после его созыва.

Первая буржуазная революция середины XVII века, вошедшая в историю Англии как «Великий мятеж» закончилась. Путь к режиму военной диктатуры был открыт.

Ἰδὶὸἀέὸἰδαὸ Ἐδἰὶ ἀαἰῦ. С 1653 по 1659 г. в стране установился протекторат О. Кромвеля. По сути это был режим военной диктатуры.

В ходе буржуазной революции возникла идея создания писанной конституции. Еще в 1647 г. Совет армии предложил зафиксировать права и полномочия парламента в письменном законе. В первой (и единственной до сих пор) английской конституции, названной «Орудие управления», принятой 16 декабря 1653 г. Госсоветом, формально провозглашалось разделение властей между лордом-протектором «Свободного государства Англии, Шотландии и

Ирландии» (особая статья закрепляла эту должность за О. Кромвелем пожизненно), Государственным советом и палатой общин.

Согласно конституции высшая законодательная власть сосредотачивалась в руках лорд-протектора и однопалатного парламента. Избирательный ценз в 200 фунтов стерлингов в 100 раз превышал существовавший до революции так называемый «40-шиллинговый фригольд». Круг избирателей оказался ограничен представителями средней и крупной буржуазии и нового дворянства.

Высшая исполнительная власть де-юре вручалась лорд-протектору и Госсовету, члены которого назначались де-факто главой государства. В перерывах между парламентскими сессиями лорд-протектор командовал вооруженными силами, осуществлял дипломатические сношения с другими странами, назначал высших должностных лиц. В действительности вся полнота власти сосредотачивалась в руках диктатора.

Следует подчеркнуть, что объем полномочий лорда-протектора превышал prerogatives абсолютного монарха Карла I, ибо ст. 27 конституции разрешила правительству взимать налоги на содержание армии, военно-морского флота, покрытие издержек государственного аппарата. Таким образом, «Орудия управления» решительно перечеркнули весь многовековой парламентский опыт Англии, связанный с взиманием налогов не иначе как с согласия парламента и служивший орудием палаты общин в ее сношениях с монархами.

Под давлением генералитета страна в 1655 г. была разделена на 17 военных округов во главе с генерал-майорами. Выборы в парламент в 1656 г. прошли под значительным давлением правительства. В 1657 г. О.Кромвель получил право назначить своего преемника и назвал имя собственного сына.

После смерти О.Кромвеля 3 сентября 1658 г. к власти пришел Ричард Кромвель, не обладавший ни талантами, ни умом отца. В армии с ним не считались даже те, кто еще вчера пресмыкался перед его отцом.

Выборы в парламент в 1658 г. проводились уже по историческому законодательству, а не согласно «Орудия управления». Оживление народных движений, страх перед повторением «Великого мятежа» создали предпосылки для роста монархических настроений во всех слоях английского общества, стремления к реставрации династии Стюартов. В 1659 г. Р.Кромвеля вынудили отречься от звания лорд-протектора, парламент был распущен военным советом, а власть в стране перешла к Комитету безопасности. В этих условиях генерал Монк, роялист, командующий английской армией в Шотландии, совершил военный переворот: его войска

марш-броском вступили в Лондон и начались переговоры с наследником престола Карлом II Стюартом.

Парламентский конвент, собравшийся в 1660 г. вместо парламента, принял решение об уничтожении республиканского строя, парламентского единовластия и восстановлении монархии: «по древним основным законам королевства власть в нем принадлежит и должна принадлежать королю, лордам и общинам».

Daño àáààöëÿ ì ííàðòèè Ñòràðòíá á 1660-1668 ã Переговоры с королем-эмигрантом Карлом II и его двором в г. Бреде (Голландия) об условиях реставрации были успешными. Бредской декларацией от 4 апреля 1660 г. Карл пообещал политическую амнистию всем, кто в течение 40 дней признает новый порядок, свободу вероисповедания, неприкосновенность права собственности на имущества (прежде всего земельные), приобретенные в ходе революции.

21 мая 1660 г. Карл II торжественно въехал в Уайтхолл, а Великобритания вновь стала монархией. Реставрация монархии повлекла за собой восстановление исторической избирательной системы, палаты лордов, палаты общин, англиканской церкви и пр.

Прибыв в Англию, монарх подтвердил также ряд важнейших конституционных актов: Великой хартии вольностей 1215 г., Петиции о правах 1628 г., статут об исключительном праве парламента утверждать налоги и др. В свою очередь Карл II получил от парламента так называемый Цивильный лист – гарантированные ежегодные доходы (более 1 млн. ф.ст.), позволявшие содержать королевский двор и администрацию.

Однако Карл II нарушил свои обещания. Вполне закономерно, что реальная политика монархии была иной: 29 участникам процесса над Карлом I были вынесены смертные приговоры (труп Кромвеля, Айртона выкопали и повешали рядом с телами других царубийц). В нарушение права собственности некоторым роялистам возвращались конфискованные либо проданные в ходе революции поместья, права мелких землевладельцев подверглись проверке, парламент по несколько лет не созывался, католическая церковь усиливала свои позиции в стране и вела «охоту на ведьм». Были введены запреты на самовольные религиозные собрания более 5 человек под угрозой уголовной ответственности.

Монарх поддерживал группировку тори в парламенте и при дворе, что также обостряло ситуацию. Известный английский историк Томас Маколей писал: «... Тогда наступили дни, о которых нельзя вспоминать не краснея, дни холопства без преданности... Принципы свободы поднимались на смех каждым придворным зубоскалом и предавались анафеме...».

Нарушение монархом принципа свободы вероисповедания привело его к открытому конфликту с большинством членов парламента, которые единодушно поддерживали англиканскую церковь. С 1673 г. в парламенте сложилась организованная оппозиция королю под общим лозунгом «законного правления». Лидер оппозиции граф Шефтсбери заявил: «Мой принцип – это король, но король, подчиняющийся закону».

Голосами объединившихся умеренных тори и вигской оппозиции парламент принял 26 мая 1679 г. Habeas Corpus Act – закона «О лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями». Это было важнейшее событие периода реставрации 1660-1668 гг. Акт урегулировал особую досудебную процедуру, цель которой заключалась в определении правового положения лица, находящегося под стражей.

Отметим, что правовой институт habeas corpus был известен еще в начале XV в. Попытки устранить недостатки этой процедуры предпринимались английским парламентом и ранее. Актом 1679 г. был окончательно урегулирован сложный юридический механизм, обеспечивавший права лица, находившегося в предварительном заключении, в том числе право внесения залога, устанавливаемого судом в каждом конкретном случае, и освобождения из-под стражи до судебного разбирательства.

Пункт 5 статута обязывал каждое должностное лицо (начальника тюрьмы, надзирателя) выдать задержанному копию предписания суда об аресте в течение 6 часов либо доставить его в суд для определения меры пресечения. Нарушение института habeas corpus должностными лицами наказывалось значительным штрафом (100 фунтов) в пользу заключенного, повторное нарушение – двойным штрафом и отстранением от должности.

Непосредственное значение акта 1679 г. заключается в законодательном оформлении института habeas corpus, введении ответственности лиц, виновных в неисполнении предусмотренных актом предписаний, создании гарантии для членов парламента (прежде всего оппозиции) и их приверженцев от преследований королевской власти.

Позднее, наряду с Великой хартией вольностей 1215 г., Habeas Corpus Act 1679 г. приобрел значение одного из основных конституционных документов Англии, содержащих ряд юридически действенных гарантий неприкосновенности личности.

Поляризация парламентариев и образование парламентских группировок – тори и вигов произошли при решении вопроса о престолонаследии (Карл II был бездетен). Habeas Corpus Act был утвержден Карлом II при условии, что виги и умеренные тори не

будут противиться коронации непопулярного герцога Йоркского, младшего брата короля, известного своей приверженностью католицизму.

В феврале 1685 г. Карл II умер, приняв католичество перед смертью, на престол под именем Якова II вступил герцог Йоркский. Однако его притязания на абсолютную власть, отречение от протестантства и принятие католичества, издание Акта о веротерпимости в 1687 г., возвращение ко двору иезуитов, назначение католиков на придворные и государственные посты, лишение некоторых городов самоуправления, присвоение монархом права «замораживать» законы, принятые парламентом, наконец, гипотетическая угроза восстановления католической церкви – все это вызвало открытое недовольство во всех слоях английского общества и создало предпосылки для повторения «Великого мятежа» 1640-х гг.

Немаловажным внешним фактором оказался тесный союз с католической Францией и разрыв экономических связей с протестантской Голландией, власти которой были готовы оказать парламентской оппозиции любую помощь, вплоть до военной.

Ñëääí àÿ ðááíëþöëÿ 1688-1689 ãã è áá íîñëääñò àëÿ. Открытый конфликт с монархом был вызван церковными событиями. В 1688 г. большинство английских епископов отказались сами и призвали рядовых священнослужителей отказываться читать королевскую декларацию о веротерпимости и новых правах католиков в стране, сославшись на то, что парламент не дал своего согласия. Семь англиканских епископов были арестованы и брошены по приказу короля в Тауэр. Англиканская церковь также перешла на сторону политической оппозиции.

В августе 1688 г. представители парламентской оппозиции пригласили Вильгельма Оранского, штатгальтера Голландии, женатого на дочери Якова II Марии, принадлежавших к протестантской конфессии (что вполне устраивало политически влиятельные круги Англии), занять престол с помощью оружия. В сентябре 1688 г. Вильгельм высадился на английском побережье во главе 13-тысячной армии, предварительно получив согласие и финансовые субсидии Генеральных штатов Нидерландов. Армия отказалась поддержать Якова II Стюарта, который, потеряв поддержку практически всей политической элиты Англии, оставался в полной политической изоляции на протяжении нескольких недель. Напуганный участием отца, он был вынужден бежать во Францию. В декабре 1688 г. Вильгельм Оранский вступил в Лондон.

Государственный переворот получил политико-правовое оформление. В январе 1689 г. был созван парламент, наделенный учредительными полномочиями – Конвент. Однако правящий

класс Англии извлек уроки из бурных событий середины XVII века и сумел избежать повторения социальных потрясений «Великого мятежа» 1640-х гг. Группировки «двора и страны», тори и виги, сумели объединиться. После бурных дискуссий виги уступили тори, отказавшись от идеи низложения бывшего короля Якова II. Конвент постановил, что монарх своими действиями разорвал политический договор с нацией, которая вынужденно пригласила на престол ближайшего из династии. Поэтому Вильгельм и Мария унаследовали английскую корону вместе, хотя фактическим правителем становился Вильгельм. Многочисленные взаимные гарантии и оговорки парламента и монархии по отношению друг к другу были закреплены в ряде законодательных постановлений.

События 1688-1689 гг. получили название Glorious Revolution – Славной Революции 1688-1689 гг., прошедшей без участия широких народных масс в форме государственного переворота, в результате которого в Англии установилась новая форма правления – конституционная монархия.

Славная революция исторически была закономерным и логическим завершением общего процесса преобразования феодальной абсолютной монархии в Англии в новую буржуазную конституционную монархию, при которой прерогативы короны были ограничены полномочиями парламента, институтами политической свободы и самостоятельной юстиции. В результате Славной революции сложился компромисс между земельной и финансовой аристократией, чьи интересы в парламенте представляли тори и виги. Этот компромисс оказался настолько «долгоиграющим», что обеспечил стабильное политико-правовое развитие страны на протяжении XVIII-начала XIX вв.

Конвент принял 13 февраля 1689 г. Декларацию прав, переименованную осенью того же года в Билль о правах. Закон содержал важнейшие конституционные гарантии, которые должны были предохранить Англию от попыток реставрации абсолютизма: приостановления либо отмены монархом действия законов, назначения и сбора налогов без утверждения парламентом, содержания постоянной армии без парламентского согласия.

В Билле о правах указывалось, что обращение «с ходатайствами к королю составляет право подданных и всякое задержание и преследование за такие ходатайства незаконны». В нем также указывалось, что «не допускается ни требование чрезмерных налогов, ни наложение чрезмерных штрафов или жестоких и необычных наказаний».

Билль о правах значительно расширил права суда присяжных и установил гарантии против произвольной смены присяжных заседателей правительством.

Ряд статей Билля о правах касался условий парламентской деятельности. В частности, предусматривалось, что «свобода слова, прений и всего того, что происходит в парламенте, не может дать повод к преследованию или быть предметом рассмотрения в каком-либо суде или месте, кроме парламента».

В заключение следует отметить, что особенности двух буржуазных революций в Англии XVII в. состоят в переходе от феодальной монархии позднего средневековья к буржуазной конституционной монархии нового времени. Результаты английских революций были столь значительны и многообразны, что предопределили не только развитие собственно английского общества, но и оказали колоссальное влияние на европейский и североамериканский континенты.

Результаты английских революций нашли свое отражение во взглядах английского мыслителя эпохи раннего Просвещения Джона Локка (1632-1704), автора работы «Два трактата о государственном правлении» (1680 г.). Дж.Локк – создатель доктрины «разделения властей» – считал, что государство получает от людей столько полномочий, сколько необходимо для того, чтобы каждый имел возможность обеспечивать, сохранять и реализовывать гражданские интересы: жизнь, здоровье, свободу и «владение такими внешними благами, как деньги, земли, дома, домашняя утварь». Он полагал, что суверенитет народа выше суверенитета созданного им государства. Поэтому в отношении правителей-деспотов народ обязан «воззвать к небесам» и применить силу. Весьма важна мысль Дж. Локка о том, что режим свободы, «главной и великой цели», может быть достигнут путем равномерного распределения властных полномочий в государстве.

Итак, первым государственным институтом, на котором сказались революционные перемены, оказалась власть монарха. С упразднением Звездной палаты прекратилась королевская юрисдикция в уголовных и гражданских делах. Монархия становилась в полном смысле конституционной – ограниченной законами, принятыми парламентом. Однако процесс становления конституционной монархии развивался медленно и трудно. Даже с «божественным правом королей» как в теории, так и на практике не было покончено. Якобитское движение сторонников абсолютизма, неоднократно предпринимавшее попытки путем заговоров, интервенции и государственных переворотов восстановить на троне династию Стюартов, было окончательно разгромлено лишь в 1745 г.

1.2. Νομίματα και επίσημα όργανα της Βίττωρς α Αίμας XVIII αμας

На фоне переворотов и революций в странах континентальной Европы XVIII в. в условиях длительных и напряженных войн, реальной опасности вторжения наполеоновской армии на Британские острова, организации Францией «континентальной блокады» правящим кругам Объединенного Королевства удалось отстоять национальные интересы страны и сохранить внутривластическую стабильность парламентской формы правления. Что касается последнего, то немаловажно подчеркнуть, что, по мнению абсолютного большинства современников и историков, это был самый прогрессивный государственно-правовой режим в странах Западной Европы того времени.

На рубеже XVII-XVIII вв. в Англии действовали четыре важных конституционных закона (Habeas Corpus Act, Билль о правах, Трехгодичный акт, Акт об устройении), содержавшие фундаментальные конституционные положения права. К числу важнейших положений английской конституции относились суверенитет парламента, большая часть парламентских процедур, некоторые нормы о конституционном статусе монарха, положения, определяющие правотворческие прерогативы судов, подзаконность королевской власти (начало этого принципа – «Бог и право выше монарха» – сформулировано английским юристом Генри Брактоном еще в XV в.). Считается, что эти положения сформировались на основе правовых конституционных обыкновений за весь период конституционной практики государства. Эти обыкновения, вне сомнения, рассматриваются как один из действующих источников права Объединенного Королевства.

Структура политической элиты Великобритании не была однородна. Она включала более широкий круг лиц, которые могли быть избраны в парламент и попасть в «коридоры власти» (джентри, пэры, отчасти финансовая буржуазия и крупные предприниматели), и, собственно, правящую олигархию – британскую аристократию, которая являлась непосредственным субъектом публичной власти, т.е. имела возможность не только участвовать, но и оказывать определяющее влияние на механизм принятия решений органами центральной исполнительной и законодательной ветвей власти.

Политическая элита не была четко отделена от остального общества. Отсутствие закрытого сословия английского дворянства определялось тем, что, согласно правилу первородства, младшие дети пэров не наследовали титулы и поместья, а вливались в непривилегированные слои общества. В то же время политическая элита

пополнялась преуспевающими семьями финансистов, промышленников, купцов, поставщиков, ибо в Британии XVIII в. власть и собственность были тождественны. На дворянском гербе Фуллеров были изображены клещи, а девиз гласил: «Carbon et forcipibus» («Углем и клещами»). Юриспруденция, медицина, церковь стали «мостом» между политической элитой и наиболее состоятельной, предприимчивой, образованной частью остального общества.

В этой связи следует подчеркнуть более закрытый характер правящей олигархии. В отличие от стран западной Европы в Англии отсутствовали закрепленные законом привилегии аристократии. Тем не менее пэры обладали исключительным правом членства в палате лордов и Тайном Совете – формально юридически единственном правительственном институте, существующем на основании закона.

Важнейшим инструментом, посредством которого правящая олигархия выражала свою волю, был парламент.

Ἰὰ δέει ἀί ο. Элитарная сущность английского парламентаризма XVIII в. была закреплена законодательно. Во-первых, трехгодичный акт 1694 г. был отменен, срок полномочий парламента актом 1707 г. увеличивался до 7 лет, что сделало парламент еще более независимым от избирателей. Во-вторых, был отменен запрет акта об устройении 1701 г. на совмещение членства в палате общин с занятием государственных должностей. Однако актом 1706 г. было установлено, что назначенный на государственную должность коммонер, если хотел сохранить членство в палате общин, должен был быть переизбран. В-третьих, круг лиц, наделенных пассивным избирательным правом, оказался сужен, поскольку актом 1710 г. имущественный ценз был увеличен. Кандидат в депутаты должен отныне иметь годовой доход от недвижимости 500 фунтов стерлингов в сельской местности и 300 фунтов стерлингов в городах.

Итак, господство аристократической олигархии в обеих палатах парламента обеспечивалось высоким избирательным цензом и средневековой избирательной системой. Главной опорой титулованной знати оставались так называемые «карманные» и «гнилые» местечки, малочисленное население которых посылало своих представителей в палату общин согласно королевским грамотам, полученным еще в эпоху средневековья. Аристократия сумела потеснить в палате общин и буржуазию, и провинциальное мелкое и среднее дворянство, установив контроль над 1/3 мест в палате общин. Коррупция и патронаж стали нормой политической жизни и гарантировали господство «просвещенной олигархии» в британской политике. Усиление влияния аристократии в парламенте было важным фактором, повлиявшим на баланс социальных сил, ле-

жащий в основе стабильности государственно-правового устройства Великобритании, а также на характер политической борьбы в стенах парламента и вне его.

Политическая система XVIII – начала XIX вв. К середине XVIII в. торизм сошел с национальной политической сцены, превратившись в оппозицию провинциальных землевладельцев правительственному курсу. Большая часть джентри, составлявшие социальную базу торийской группировки, перешла в пассивную оппозицию, изредка выступая против тех мероприятий правительства, которые откровенно шли вразрез с ее интересами. Не имея сколько-нибудь значительного противодействия, вигское господство приобрело черты олигархического управления, принцип которого определялся формулой: «люди, а не меры», власть же делилась между несколькими аристократическими кланами. Контроль за выборами депутатов, раздача государственных должностей, синекур, пенсий позволяли успешно манипулировать деятельностью парламента. В Англии второй половины XVIII в. отсутствовала четко выраженная партийная система.

Í îíàðð. Политическая система Британии XVIII – начала XIX вв. сохраняла за монархом значительные, конституционно закрепленные полномочия и прерогативы. В XVIII в. сложился исторический титул британских монархов – «Божьей милостью король британцев, защитник веры». Хотя именно в это время окончательно были восприняты принципы, устанавливающие политическую и юридическую безответственность короны («король не может ошибаться» и «монарх не может делать зла»), монарху в полном объеме принадлежала исполнительная власть. Королевский двор сохранял общегосударственное значение и выступал особой, но неотъемлемой частью центральной администрации. Монарх считался главой государства, его особа была священна и неприкосновенна. Считалось, что монарх всегда находится в сфере действия закона, а его особа – в гражданском состоянии совершеннолетия. Монарх был главой англиканской церкви, следовательно, по-прежнему государство и официальная церковь составляли единое целое. Наконец, *de jure* корона являлась неотъемлемой частью парламента и в качестве таковой обладала законодательными прерогативами: ей принадлежало право законодательной инициативы и право наложения вето на парламентарские законопроекты.

С 1702 г. на британском престоле находилась Ганноверская династия. В отличие от своих предшественников Георг III играл активную роль в политике. Рассматривая себя в качестве болингброкского «короля-патриота» и обладая весьма значительными формально-юридическими полномочиями и прерогативами, монарх лишил вигских олигархов основных средств политического влия-

ния – патронажа и коррупции, что способствовало возвращению части торийской группировки в состав правящей элиты страны. Виги и, в меньшей степени, тори были вынуждены выработать новые методы политической борьбы и формулировать свое партийное кредо. В итоге в конце XVIII – начале XIX вв. постепенно обозначился процесс оформления двухпартийной системы и раскола правящего класса на тех, кто настаивал на сохранении status quo, и тех, кто был готов принять и приспособиться к меняющимся социально-экономическим реалиям Англии, растущей политической активности широких слоев народа. Составной частью процесса становления политических партий была как эволюция структурных элементов британской политической системы XVIII в., то есть парламентских фракций, группировок и коалиций, так и преодоление негативного отношения к партии как к политическому институту, прочно ассоциировавшемуся с понятием «фракция».

Исходное качество фракции как носителя групповых интересов надолго определило негативное отношение к ней общественного мнения Британии. Слово «фракция» (fraction) произошло от лат. fractio – разламывание, еще римские авторы употребляли слово «fractio» для обозначения политической группы, решившейся на разрушительные, зловерные действия. В дальнейшем образовался прочный тандем двух понятий, а переход к четкому пониманию и принятию этих различий и в теории, и на практике был медленным и болезненным. Осуждение фракций и партий оказывалось тесно связанным с низкой оценкой компетенции народа в политических вопросах, распространенной в широких слоях общества боязнью перемен к худшему и растущей надеждой на власть предержавших.

Источниками активного неприятия фракций и партий служили господствовавшие в английском Просвещении XVIII в. идейно-политические воззрения на государство как унитарное, в котором партиям не было места, ибо они рассматривались как силы, провоцирующие кризисы и раскалывающие общество. Государственный деятель Генри Болингброк, как и многие современники, разделявшие его убеждения, считал партию политическим злом, а фракцию – самой худшей из всех партий, поскольку фракции всегда подчиняют общественные интересы личным или групповым, преследуя собственные цели, тогда как общий интерес приносится в жертву. Английский философ Д.Юм писал, что фракции разрушают правительство, делают бессильными законы и порождают яростную вражду в государстве.

Таким образом, в феномене партий, фракций и парламентских группировок англичане XVIII в. видели требовавшую решения проблему национального масштаба, которая на этом уровне

вырисовывалась как проблема представительства общественных интересов в органах государственной власти и соотношения групповых и общественных интересов в деятельности парламента.

Í ĩĕĭ ĩĭ ĩ-ĕÿ äĕääü äĭñöääðñòää è éääéĭáò ĭ ĕĭ ĕñòðĭá Общеизвестно, что статуты 1689 г. и 1701 г. ограничили полномочия главы государства в законодательной и судебной областях. Эти изменения, однако, прямо не коснулись исполнительной власти монарха. На протяжении всего XVIII в. и де-юре, и, что не менее важно, де-факто король оставался ее главой. Он назначал и увольнял должностных лиц; использовал денежные средства, предоставляемые парламентом; раздавал всевозможные разрешительные грамоты, например, даровал избирательные права. Как верховный глава флота и армии он издавал постановления и приказы, без которых ни один солдат или корабль не трогался с места, осуществлял руководство внешней политикой страны, имел право объявления войны и заключения мира, обладал правом законодательной инициативы и важнейшим правом созыва и роспуска парламента.

В начале XVIII в. монархи – Вильгельм, Мария и Анна – фактически руководили заседаниями кабинета министров. Ситуация изменилась в 1717 г., поскольку Георг I прекратил посещать заседания кабинета министров, что объяснялось элементарным незнанием английского языка. Весьма нелестную характеристику королю дал Г.Честерфилд: «Георг I был добропорядочным тупым немцем, он не хотел и не мог играть роль короля... Англия была для него чересчур велика». Существование сильнейшей зависимости и Георга I, и Георга II от вигской олигархии, господствующей в парламенте и правительстве, не породило конституционного прецедента, ибо достоверно известны посещения и Георгом I, и Георгом II заседаний кабинета министров в 1718, 1721, 1729, 1753 гг.

На протяжении всего XVIII в. английские монархи обладали значительной самостоятельностью в выборе членов правительства. Например, в 1710 г. королева Анна, несмотря на значительное преобладание вигов в палате общин, уволила вигов из кабинета министров и назначила новых министров-тори. Вместе с тем глава государства не мог пользоваться правом назначения и увольнения советников исключительно по своему усмотрению. В 1727 г. вступивший на английский престол Георг II уволил Роберта Уолпола, пользующегося неограниченной поддержкой палаты общин, и назначил первым лордом казначейства своего протеже – Спенсера Комптона. Но вскоре был вынужден вернуть Р.Уолпола к власти, так как С.Комптону не удалось провести через парламент желательный для короля Цивильный лист. В 1746 г. назначенный Георгом II новый кабинет министров сумел продержаться всего два

дня. Однако необходимость учитывать мнение парламента при назначении на министерские должности относилась только к высшим должностным лицам государства: к первому лорду казначейства, первому лорду адмиралтейства, государственному секретарю Севера и Юга и т.д. Представление о том, что в XVIII в. в английской конституционной практике начинает устанавливаться важное правило, согласно которому король назначал на основные должности в кабинете только лиц, имеющих поддержку большинства палаты общин, противоречит политической практике той эпохи.

Изменению отношений кабинета министров с королем способствовало и признание в первые десятилетия XVIII в. принципа неответственности монарха, выражающегося в формуле «король не может быть не прав». Принцип неответственности монарха являлся общим для ряда отраслей английского права, и прежде всего для конституционного, и означал, что король не несет ответственность за политические ошибки и акты, даже если они противозаконны.

Неответственность главы государства в области исполнительной власти начинает формироваться еще в период абсолютизма, поскольку ее идеологическим обоснованием послужила феодальная теория божественной власти королей. Однако последовательно проводить принцип неответственности монарха было невозможно до тех пор, пока король оставался юридически и фактически главой исполнительной власти. Еще в 1689 г. в «Постановлении обеих палат парламента о вакантности престола» депутаты прямо обвинили Якова II в попытке «ниспровергнуть конституцию королевства, поправ основные законы...».

Признание неответственности самого короля за проведение политического курса страны соответствовало политической целесообразности, ибо укрепляло политико-правовую стабильность парламентского режима. Неудивительно поэтому, что принцип стал быстро укрепляться. Уже в 1701 г. палата общин, несмотря на сильнейшее недовольство договором о разделе испанской монархии 1698 г., заключенным королем единолично, перенесла всю ответственность на Сомерса и Галифакса, то есть лиц, которые его лишь оформили. В обращении, представленном 16 апреля 1701 г. Вильгельму III, парламентарии просили удалить этих лиц из Тайного Совета, причем в числе прочих нарушений обвиняли их в том, что они осмелились в свою защиту прикрываться священным именем короля.

Гораздо большее практическое значение для ограничения королевской прерогативы и усиления взаимосвязи кабинета с парламентом имело другое положение «Акта об устройении» 1701 г., гласившее, что не допускается ссылка на указ монарха о помиловании, скрепленный большой печатью Англии, против импичмента, ини-

цированного нижней палатой парламента. Таким образом, глава государства окончательно потерял право помилования высших должностных лиц, осужденных парламентом, а члены правительства на протяжении XVIII-начала XIX вв. все больше ориентировались на политику, требуемую парламентом, что, в конечном счете, действительно содействовало становлению принципа парламентской ответственности правительства. Подтверждением служит получившая скандальную известность отставка лорда Темпла в 1783 г. с постов обоих государственных секретарей одновременно.

Следствием установления принципа неответственности короля явился постепенный перенос политической ответственности за руководство государственными делами на министров. Между тем преждевременно говорить об ослаблении королевской власти применительно к XVIII в.

Действительно, в XVIII в. глава государства перенес основную деятельность из кабинета министров в свой собственный кабинет, откуда он еще долгое время оказывал определяющее влияние на управление государственными делами и, в частности, на положение находившегося у власти правительства, поскольку монарх обладал прерогативами назначения и увольнения министров, имел право совещаться с отдельными членами кабинета (как номинального, так и действительного), а также с членами палаты лордов, входившими в высший орган исполнительной власти – Тайный Совет.

Аксиомой политической практики XVIII-начала XIX вв. было следующее правило: для кабинета министров абсолютно необходимо было иметь поддержку и расположение монарха. Именно этим обстоятельством можно объяснить ту относительную легкость, с которой вступивший на английский престол Георг III отстранил от власти вигскую олигархию, «великих правящих семей» – Кавендишей, Расселов, Ховардов, находившихся у власти беспрерывно со времени Георга I.

Таким образом, кабинет министров оставался в XVIII в. органом, зависящим от воли монарха, хотя и обладавшим известной долей самостоятельности, важнейшие полномочия монарха в исполнительной области еще не перешли под его контроль, Тайный Совет оставался формально юридически высшим органом исполнительной власти, но фактически его полномочия постепенно присваивались правительством на протяжении всего XVIII в.

Существенной особенностью политико-правового статуса монарха второй половины XVIII в. явилось использование в полном объеме полномочий главы государства Георгом III, в 1760 г. ставшим английским королем. Это был первый монарх Ганноверской династии, который интересовался делами Англии больше,

нежели делами немецкого княжества Ганновер. Не обладая особыми талантами, он был человеком решительным, упорным и очень работоспособным. Георгом III оказывал огромное влияние на формирование и деятельность правительства, особенно велико было значение его личного участия в управлении государством в период правления кабинета министров Ф. Норта 1770-1782 гг. В течение 12-летнего нахождения у власти Ф. Норта Георг III регулярно инструктировал первого министра о том, как управлять ходом парламентских дебатов, внушал, какие предложения должны быть приняты или отвергнуты парламентом.

Если юридически королевские прерогативы оставались неизменными, почему столь значительно различие в фактическом положении, занимаемом королевской властью в первой и во второй половине XVIII в.? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение для понимания сущности политико-правового режима Великобритании XVIII века. Королевская власть в 1760-1770-е гг. получила временное преобладание над парламентом и кабинетом. Именно в это время, 6 апреля 1780 г., парламент принял знаменитую резолюцию Даннинга о том, что влияние короны «усилилось, продолжает возрастать и должно быть уменьшено».

Среди полномочий монарха важнейшими были право вето и правомочие назначения и отставки высших должностных лиц. Право вето, как известно, последний раз было применено в 1707 г. Анной. Анализ законодательства конца XVII – начала XVIII вв. позволяет констатировать, что ограничения королевских прерогатив весьма существенные в сфере законодательства и правосудия, мало коснулись ее правомочий в сфере управления. Первые монархи Ганноверской династии по ряду как объективных, так и субъективных причин не полностью использовали эти обширные полномочия. Вступивший в 1760 г. на английский престол Георг III в полном объеме применял свою власть при управлении государственными делами. В течение последующих пятидесяти лет он правил государством, не выходя за рамки закона, конституционных соглашений и политической этики своего времени.

Конечно, Георг III должен был назначать на важнейшие кабинетные должности политиков, способных получить поддержку палаты лордов и палаты общин. Однако, используя обострение противоречий между соперничавшими за власть лидерами парламентских группировок, монарх подчас мало считался с мнением парламента при выборе конкретных министров. Так, в 1766 г. был отправлен в отставку кабинет министров Рокингама, в 1783 г. – коалиционное правительство Фокса-Норта, в 1801 г. – У.Питт-мл., в 1807 г. – кабинет министров Гренвилла-Фокса, располагавшие поддержкой парламентского большинства.

Монарху принадлежало право предварительного разрешения рассмотрения того или иного вопроса в правительстве. «Дела не выносились на рассмотрение кабинета без королевского согласия...». Кабинеты Рокингама (1782 г.), Шелбурна и Фокса-Норта (1783 г.) попытались рассматривать дела без получения предварительной королевской санкции, неудивительно, что они просуществовали недолго. Право монарха давать инструкции членам кабинета министров, ставить главу государства в известность о всяком более или менее важном шаге, осуществляемом кабинетом министров, было бесспорным, ибо король был вправе потребовать от любого высшего должностного лица известной ему информации. Так, в декабре 1800 г. Георг III узнал о мерах правительства Уильяма Питта-мл. относительно эмансипации католиков, тогда как официально информация была представлена главе государства 1 февраля 1801 г. У.Питт-мл., занимавший этот пост на протяжении долгих 17 лет, был немедленно отправлен в отставку. Система управления по департаментам позволяла монарху осуществлять прямое вмешательство в дела управления.

К 1782-1784 гг. соперничавшие парламентские группировки вигов и тори объединились против чрезмерного усиления личного влияния монарха на процесс принятия политических решений высшими органами государственной власти. Государственный механизм Великобритании требовал реформирования, что было признано большинством депутатского корпуса, представлявшего не только правящий класс, но и интересы нации в целом.

Тем не менее право назначения и увольнения высших должностных лиц формально юридически сохранилось за главой государства. Это подтвердила палата лордов своей резолюцией от 4 февраля 1784 г.: «Несомненно, что право назначения высших должностных лиц исполнительной власти принадлежит исключительно Его Величеству», поскольку «если прерогатива назначения министров будет узурпирована палатой общин, то это приведет к потере значения короны как уравнивающей силы, а это, в свою очередь, может привести к анархии». Однако фактическое использование этого важнейшего королевского правомочия осуществлялось с согласия ведущих политиков, умонастроения палаты общин и согласования с первым министром.

Последний известный случай использования королем этого права имел место в 1807 г., когда он отправил в отставку вигский кабинет, поддерживаемый большинством депутатского корпуса в палате общин. «В настоящем случае, – заявил лорд Гренвилл, глава правительства, в палате лордов 26 марта 1807 г., – имевшее место изменение администрации являлось результатом не отставки, а

осуществления королевской прерогативы». Тем самым особое значение получил вопрос о праве выбора кандидатуры первого министра монархом.

Согласно общей теории конституционного права главу правительства мог выбирать глава государства, парламент либо кабинет министров. Единственная попытка оспорить правомочие главы государства выбирать первого министра была сделана в 1783 г. и в дальнейшем не повторялась.

Активная деятельность Георга III в управлении государственными делами привела к значительным осложнениям в применении принципа «король не может быть неправ». Георг III пользовался советами должностных лиц, не являющихся членами действительного кабинета министров. В этих обстоятельствах министры, непосредственно осуществляющие внутри- и внешнеполитический курс, нередко вынуждены были принимать на себя ответственность за советы, данные другими тайными советниками. Лорд Ф. Норт не мог ни отказаться от ведения военных действий, ни уклониться от ответственности за политическое поражение, ибо он действовал по приказу монарха. Так, Ф.Норт заявил в парламенте 12 января 1784 г., что пэр или тайный советник, давая совет, «должен взять печать и стать министром; совет и ответственность должны идти рука об руку».

Вместе с тем в конце XVIII в. перед лицом коалиции парламентских группировок, возглавляемой У.Питтом-мл., с усилением позиции кабинета министров и особенно позиции первого министра, сфера личного усмотрения главы государства становится более ограниченной. К началу XIX в. сфера полномочий первого министра распространялась уже на все основные акты (письменные и даже устные), посредством которых осуществлялась прерогатива английского монарха. Последовательное развитие принципа *the king can do no wrong* (монарх не может быть неправ) привело к формированию нового – *the king cannot act alone* («король не может действовать один»).

Таким образом, установление принципа «король не может действовать один» определенно сузило сферу личного усмотрения монарха в области управления государственными делами и, соответственно, расширило полномочия кабинета министров в этой области. В соединении с рядом факторов это позволило правительству в 1825 г. в отношениях с монархом выступить как единое целое. Кабинет министров предложил Георгу IV признать латиноамериканские республики, король же, не одобрявший эту меру, потребовал, чтобы члены правительства представили ему свои мнения отдельно. Однако на состоявшемся 28 января 1825 г. засе-

дании кабинета было подтверждено, что «кабинет предложил только один совет, принятый единогласно».

Несовершенство ганноверской модели парламентаризма ставило главу государства с весьма специфическими проблемами. Поддержки монарха, как правило, было достаточно, чтобы держать высших должностных лиц и высокопоставленных чиновников столько, сколько глава исполнительной власти считал нужным, либо до тех пор, пока они сами не настаивали на отставке. Если же чиновники отстранялись монархом от занимаемых должностей, это расценивалось как королевский произвол и проявление деспотизма. Теоретически сущность королевской власти XVIII в. заключалась в том, что монарх не должен был представлять интересы ни одной политической группировки. На практике, приводя к власти ту или иную парламентскую группировку, фактические полномочия главы государства гарантировали завоевание парламентского большинства и лояльность депутатского корпуса. Такое соотношение сил по линии правительство – оппозиция не оставляло последней шансов даже на малейший успех в течение ближайших 7 лет.

В условиях ганноверской модели парламентаризма, когда система сплоченных дисциплинированных партий отсутствовала, политика носила преимущественно локальный характер; монарх, соединявший полномочия в сфере исполнительной и законодательной власти, являлся наиболее устойчивым элементом политической системы, обладал значительными полномочиями в выборе первого министра, влиял на отдельных парламентариев и результаты избирательных кампаний. Таким образом, влияние главы исполнительной власти на депутатский корпус и ход избирательных кампаний отражало объективные обстоятельства, а именно: отсутствие соответствующих конституционных и политических механизмов «сдержек и противовесов» в политической системе Великобритании, особенности перехода от ганноверской парламентской системы к вестминстерской модели парламентаризма, становление которой завершается во второй трети XIX в.

Итак, борьба парламента и монарха на протяжении XVIII-начала XIX вв. велась не вокруг фундаментальной проблемы баланса сил исполнительной и законодательной ветвей власти, но вокруг реализации властными структурами Великобритании своих полномочий, поскольку монарх являлся главой исполнительной власти, и правомочие главы государства назначать и отправлять в отставку высших должностных лиц, включая министров, как правило, выбранных из рядов депутатского корпуса, было конституционной аксиомой. Последняя попытка назначить на пост премьер-министра, не располагавшего парламентским большинством, дати-

руется 1834 г. Показательно, что законное право Вильгельма IV не было оспорено парламентариями и лидер консервативной партии Роберт Пиль, выступив с тронной речью, не получил вотума недоверия, иначе это означало бы неуважение королевской прерогативы. Но было очевидно, что подобный политический шаг обречен, ибо «ганноверская система» уже стала архаизмом, кабинет министров Р.Пила вышел в отставку несколько месяцев спустя.

Таким образом, правовой статус и полномочия британского монарха XVIII-начала XIX вв. характеризовались определенной независимостью исполнительной ветви власти в рамках системы разделения и взаимодействия властей ганноверской модели парламентаризма, что отличало (и, кстати, до сих пор отличает) Великобританию от государств с парламентской формой правления в строгом смысле слова.

1.3. А́ае́е́е́и́а́д́е́о́а́и́е́у́ а́ XIX а́

Ñîöèàëüíî-yéîíîî è÷áñèèá îðááíîññèèèè ðáóîîðîî. XIX век считается «золотым веком Великобритании». Три фактора – промышленный переворот, наполеоновские войны и колониальная экспансия – оказали решающее влияние на все стороны жизни британского общества. Возникли фабрики и заводы – характерные элементы промышленного капитализма. Изменилась экономическая география страны: сельская Англия превращалась в страну городов. По образному выражению Фернана Броделя, «душой взлета английского Севера» стали Лидс, Манчестер, Шеффилд, Бирмингем, Ливерпуль.

Основная статья британского экспорта – английский хлопок – завоевывал внешние рынки один за другим, стимулируя огромный рост производства и обеспечивая колоссальные прибыли промышленникам. «Век угля и железа» открыл для английской металлургии новые районы: прогрессировала, утверждалась Черная Страна в Стаффордшире. Собственников угольных шахт охватило «безумие каналов». Чтобы облегчить доставку угля на рынки сбыта, они энергично занимались их строительством. Плодами промышленного переворота воспользовалась преимущественно английская буржуазия.

Промышленный переворот сопровождался глобальной социальной трансформацией английского общества, усилением социального контраста, значительным снижением уровня жизни и ухудшением условий труда фабричных и заводских рабочих. Безработица, нищета, инфляция и порождаемые ими народные волнения стали неизбежным следствием ранних этапов индустриализации. Глубокие социально-экономические перемены в Англии по-

родили социально-многослойные движения протеста (стихийные протесты, буржуазный радикализм и демократическое движение), направленные против господства правящих кругов. Им ставились в вину все противоречия английского общества, критиковалась система правления, порожденная событиями Славной Революции 1688-1689 гг.; борьба объективно велась за буржуазно-демократические преобразования, реформу избирательного права. Однако программа мирного завоевания реформ дополнялась призывами левых демократов под очевидным и мощным воздействием французского опыта, к проведению революции и установлению республиканской формы правления в Британии. Весь XIX в. прошел под знаком борьбы за парламентскую реформу.

Èçàèðààéïí àÿ ðàôîðî à 1832 ã Первый удар по архаичной сословно-корпоративной избирательной системе был нанесен в 1829 г., когда католики получили право избираться в палату общин и занимать государственные должности. Проект парламентской реформы в 1830 г. был подготовлен вигами. Ее проведение стало возможным благодаря активным действиям рабочих, вышедших на улицы с оружием в руках. Сопrotивление палаты лордов было окончательно сломлено королем, пригрозившим, чтобы добиться численного перевеса голосов в верхней палате, использовать свою прерогативу присвоения реформы сторонникам пэрского звания. Лорды были вынуждены уступить, и в июне 1832 г. Билль о реформе был утвержден. Статут 1832 г. положил начало перехода от представительства корпораций к территориальному представительству населения, депутатские места стали предоставляться в примерной зависимости от численности горожан. Общее количество мест в палате общин осталось прежним, однако проведено их перераспределение: 56 «гнилых местечек» лишились права представительства в парламенте, 30 «гнилых местечек» впредь могли посылать по одному депутату вместо двух. Крупные промышленные города северо-запада Англии получили право парламентского представительства.

Статут 1832 г. ввел новые избирательные цензы: достижение гражданского совершеннолетия и уплата налога на бедных. Активное избирательное право предоставлено мужчинам, достигшим 21 года, уплачивающим налог на бедных и имеющим недвижимость (в графствах – землю, в городах – строения), дающую не менее 10 фунтов годового дохода. Ценз оседлости был ограничен 6 месяцами. Впервые право голоса получили держатели земли – копигольдеры (арендаторы), но с более высоким имущественным цензом в 50 фунтов.

В результате либеральной реформы 1832 г. число избирателей увеличилось в 1,5 раза – до 652 тыс. человек. Парламентская

реформа 1832 г. явилась компромиссом «земельного» и «промышленного» интересов, обеспечила более широкое представительство в палате общин финансовой и промышленной буржуазии. Однако значительная часть предпринимателей, служащих, рабочий класс, ставший заметной социальной силой страны после промышленного переворота, не получили право голоса.

Важным следствием реформы 1832 г. стало зарождение политических партий – либеральной и консервативной. В отличие от своих предшественников (парламентских группировок тори и виггов) партии имели постоянных членов, местные партийные организации, которые выполняли важные функции составления избирательных списков и регистрации избирателей.

Реформа 1832 г. дала толчок преобразованию центрального государственного аппарата. Так, усилилась роль министерства внутренних дел и министерства торговли. Упразднение должностей – синекур, сохранявшихся со времен средневековья, реорганизация государственного аппарата привели к существенному расширению и более эффективной деятельности центральной администрации.

В графствах и приходах положение не изменилось и власть мирового судьи и лендлорда остались неизменными. В городах же была проведена реформа городского самоуправления, в частности, созданы советы городов, управлявшие городским имуществом, заведовавшие полицией, издававшие постановления для охраны общественного порядка.

Èçàèðàòàéùí àÿ ðàóîîðì à 1862 ã Более радикальный характер имела избирательная реформа 1862 г. На ее проведение значительное влияние оказало массовое чартистское движение 1830-1840 гг. В программах и хартиях этого политического рабочего движения важное место занимало требование всеобщего избирательного права для мужчин. В 1838 г. чартисты выработали первую национальную петицию о народной хартии, однако попытка участников движения представить петицию в парламент была пресечена властями. В мае 1842 г. чартисты внесли в палату общин вторую петицию, подписанную 3,3 млн. человек, но она была отвергнута парламентариями. 10 апреля 1848 г. чартисты в третий раз пытались штурмовать парламент, однако массовая народная демонстрация в поддержку хартии была разогнана войсками. Репрессии правительства против чартистов и экономический подъем сняли остроту многих социальных проблем. Тем не менее опыт чартистского движения и участие тред-юнионов – профессиональных рабочих союзов, объединявших хорошо оплачиваемых высококвалифицированных рабочих в борьбе за избирательную рефор-

му, размах народного движения в 1850-1860-х гг. были одной из причин принятия парламентом проекта парламентской реформы, предложенного лидером консерваторов и главой кабинета министров Бенджамином Дизраэли в 1862 г.

В результате принятия парламентом статута 1862 г. еще 38 подобных местечек были лишены представительства, а квоты для крупных промышленных городов, напротив, увеличены. В графствах вводились избирательные округа, которые получили право на квоту депутатских мест. Был снижен имущественный ценз до 5 фунтов стерлингов для собственников, для землевладельцев либо копигольдеров с доходом не ниже 12 фунтов стерлингов в год.

Наиболее важным новшеством реформы 1862 г. была оговорка о том, что непосредственным плательщиком налога на бедных считается тот, кто вносит этот налог, как многочисленные арендаторы небольших квартир, не самостоятельно, а через домовладельца. Таким образом, в списки избирателей попали не только домовладельцы, но и жильцы – мелкая буржуазия, ремесленники, рабочие.

Хотя 2/3 мужского населения по-прежнему были лишены права голоса, сохранялось открытое голосование, неравномерное распределение избирательных округов, тем не менее, в результате реформы 1862 г. общее число избирателей было увеличено на 1 миллион. В социальном отношении право быть представленными в палате общин получили земельные собственники, предприниматели, служащие, интеллигенция, городские торговцы и рабочие. По университетским округам (Оксфорд, Кембридж) избирательное право предоставлялось лицам, имевшим ученое звание (master).

Èçàèðàò àéüü àÿ ðáóîîðì à 1884-1885 ãã В конце XIX в. парламент принял ряд законов, направленных на демократизацию избирательного права. В 1872 г. в связи с утверждением обязательного начального образования либеральное правительство, стремясь пресечь практику подкупа избирателей, провело билль о введении тайного голосования. Статутом 1883 г., который ограничивал избирательные издержки и обязывал избирательных агентов к публичной отчетности, были установлен перечень и усилено наказание за избирательные преступления.

В 1884-1885 гг. была проведена третья реформа, призванная исправить недостатки двух первых, в частности, устранить пестроту избирательных цензов.

Право голоса было предоставлено всем собственникам земли либо иной недвижимости (с доходом не менее 10 фунтов) и практически всем квартиросъемщикам. Избирательное право распространилось в равной мере на жителей и графств, и городов.

Уравнение в правах населения графств и городов завершилось в 1885 г. новым перераспределением депутатских мест в палате общин: 105 местечек лишились права представительства, города с населением менее 57 тыс. получили по одному месту, более крупным городам число мандатов было увеличено.

Были сформированы избирательные округа с представительством, пропорциональным численности населения: стандартный округ – 15-65 тыс. жителей – избирал двух депутатов, большой – свыше 65 тыс. – трех. Одновременно был отменен принцип «двойного голосования», когда избиратель, обладавший в городе собственностью, не мог голосовать в графстве. Исключение составили лишь английские университеты.

В результате реформы 1884-1885 гг. число избирателей увеличилось вдвое.

Ī ādēāi āi ō űēāy dāōī dī ā 1911 ā По своему социальному составу палата лордов оставалась оплотом аристократии и консервативной партии и, оставаясь в меньшинстве в палате общин, сохраняла возможность отклонить любой законопроект, получивший поддержку либерального большинства нижней палаты.

В политической элите появляются предложения о полной ликвидации палаты пэров либо ее реформировании. В результате острой парламентской борьбы появился билль о парламенте 1911 г. Сообразно статуту 1911 г. принятие финансовых биллей отныне не требовало согласия палаты пэров, тогда как характер билля определялся спикером палаты общин. Остальные законопроекты, трижды последовательно одобренные большинством палаты общин и соответственно дважды отклоненные палатой лордов, после третьего одобрения направлялись, минуя палату пэров, на утверждение монарху при условии, что между вторым чтением в первой сессии и последним чтением в третьей сессии прошло не менее двух лет. Этим же статутом 1911 г. срок парламентских полномочий был сокращен с 7 до 5 лет.

Успех проведения реформы парламента 1911 г. был связан не только с партийной борьбой либералов и консерваторов, но, прежде всего, с усилением позиций кабинета министров по отношению к парламенту и окончательной потерей титулованной аристократией своего исключительного статуса правящей элиты. Великобритания в полной мере стала государством, управляемым буржуазными партиями либералов и консерваторов.

Ādēō āi űēāy ēi ĩ ādēy. Англия и империя... Эти два понятия неразрывно связаны в истории Великобритании XIX в.

Британская империя была крупнейшей и включала колониальные владения во всех частях света: в Европе – Ирландию,

Мальту и Гибралтар, в Азии – Индию, Цейлон и Малайзию, в Америке – Канаду и Южную Америку, а также Австралию, Новую Зеландию и пр. Колонии служили источником первоначального накопления капитала, а позднее – поставщиками сырья и рынком сбыта товаров из метрополии. В обиход европейских народов вошли колониальные товары, из колоний в Европу пришли три самых распространенных продукта питания – рис, кукуруза и картофель; большое распространение на Западе получили восточная философия, религия, медицина. Наличие огромных колониальных владений оказало непосредственное влияние на мировоззрение, экономическую и политическую жизнь англичан, породило тезис о «бремени белого человека» относительно привнесения «отсталым» народам достижений западной цивилизации и прогресса. Тем не менее проповедь либеральных идей «христианства, цивилизации и коммерции» не помешала метрополии прибегать к силе оружия для поддержания эффективности системы колониального управления.

Высшая законодательная власть в Британской империи принадлежала парламенту и правительству, издававшим «приказы короля и Совета» – нормативные акты для колониальных владений. Должность государственного секретаря по делам колоний появилась в 1768 г., однако до середины XIX в. система управления колониями не была упорядочена, а Министерство колоний было создано лишь в 1854 г. Экспансионистскую политику осуществляли не только такие видные государственные деятели, как Б. Дизраэли, но и авантюристы – Сесил Родс, полковник Лоуренс и др.

Система косвенного управления владениями отличалась гибкостью и зачастую колониальный режим поддерживался без громоздкого аппарата, опираясь на местную правящую элиту. На протяжении XIX в. применительно к общему делению колоний на «завоеванные» и «переселенческие» были выработаны два типа управления. «Завоеванные» колонии, как правило, с «цветным» населением, управлялись от имени короны британским правительством и не обладали политической автономией. Губернатор – высший правительственный чиновник, назначенный метрополией, наделялся законодательной и исполнительной властью, а «представительные органы» при нем играли роль совещательных органов, выражая интересы незначительной прослойки местных жителей. Обычно в «завоеванных колониях», например в Индии, устанавливался режим расовой дискриминации, социального и национального угнетения.

Захват и подчинение Индии, занимавшей особое место в колониальной системе Великобритании, был осуществлен еще в XVII в. Ост-Индской торговой компанией. Торговый аппарат ком-

пании, наделенный многочисленными привилегиями, фактически превратился в аппарат управления Бенгалией, Бомбеем и Мадрасом. Согласно парламентскому акту 1773 г. все дела кампании перешли в ведение Совета директоров, а губернатор Бенгалии получил должность генерал-губернатора Индии. Хотя в конце XVIII в. деятельность компании была подчинена специальному контрольному совету во главе с министром по делам Индии, двойная система управления и судопроизводства (посредством органов британской короны и Ост-Индской компании) сохранилась вплоть до начала 1860-х гг. Восстание сипаев и индийских солдат на британской службе, жестоко подавленное метрополией, обусловили реформу управления Индией и передачу ее в непосредственное подчинение британской короне. Английская королева Виктория стала императрицей Индии, а в состав кабинета министров была введена должность государственного секретаря по делам Индии. Наконец, подъем освободительного движения начала XX в. подтолкнул английский парламент принять статуты 1861 г. и 1892 г., несколько расширившие представительство коренных жителей в совещательных органах при колониальной администрации.

Иной тип управления сложился в «переселенческих» колониях, где значительную часть населения составляли белые переселенцы из Европы, – в Австралии, Новой Зеландии, Капской земле, Канаде, Новой Англии. Долгое время эти территории по форме управления мало отличались от иных колоний, однако со временем они обрели политическую автономию. В середине XVIII в. в «переселенческих» колониях возникли представительные органы самоуправления, не имевшие реальной политической власти, ибо в руках назначаемых метрополией генерал-губернаторов оставалась высшая законодательная, исполнительная и судебная власть.

В ряде провинций на территории Канады в середине XIX в. был учрежден институт «ответственного правительства». Местная ассамблея получила право вынесения вотума недоверия и роспуска совета при губернаторе, игравшего роль колониального правительства. На протяжении второй половины XIX в. «переселенческие» колонии добились расширения самоуправления и особого правового статуса доминиона. Акт о действительности колониальных законов 1865 г. признавал недействительными акты колониальных законодательных органов, если они противоречили нормам английского общего права, актам британского парламента либо изданным на их основании приказам и положениям. В то же время легислатуры получили право учреждать суды и издавать акты, регламентирующие их деятельность.

В 1867 г. парламент Великобритании принял Акт о Британской Северной Америке – конституцию Канады, послужившую об-

разцом для последующих конституций британских доминионов. В единый федеральный доминион «Канаду» статут 1867 г. объединил территории Квебека, Онтарио, Новой Шотландии и Нью-Брансуика. Подобным образом в 1901 г. был создан Австралийский Союз, объединивший несколько самоуправляющихся колоний на территории Австралии. Здесь, как и в Канаде, двухпалатный парламент состоял из сената и палаты представителей, избираемых населением каждого штата. В 1907 г. и 1909 г. правовой статус доминиона получили Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз. Отметим, что австралийские аборигены и лица афро-азиатского происхождения были лишены избирательных прав.

К началу XX в. усилилась английская экспансия в Азии и на Арабском Востоке. Афганистан, Кувейт, Иран были превращены в протектораты – полукolonии, их суверенитет был ограничен навязанными метрополией договорами о присутствии британских колониальных войск. Одновременно Великобританией были захвачены огромные территории в Африке – Нигерия, Сомали, Кения, Гана.

Широкое внедрение норм английского общего права, «права справедливости», статутного права, постановлений и распоряжений Министерства колоний началось во второй половине XIX в., когда потребовалось обеспечить безопасность собственности и личности британских подданных, устойчивость товарообмена, а колонии становились торговыми «партнерами» метрополии. В начале XX в. тесные экономические связи и система льготных тарифов не превратила империю в экономически замкнутый блок, а вопрос о большей централизации посредством установления прямого колониального представительства в Вестминстере или учреждения специального имперского парламента не раз поднимался в палате общин, но не нашел широкой поддержки. Важно, что строители империи еще в XIX в. заложили в ее структуру концепцию деволуции власти от Лондона к колониям. Жесткого контроля со стороны метрополии, как это делала Франция в подчиненных ей странах, здесь не было.

На рубеже XIX-XX вв. итогом осмысления накопленного колониального опыта стала концепция «нового империализма», в которой сохранение империи предполагалось через налаживание взаимовыгодного сотрудничества метрополии и «переселенческих» колоний, укрепление военного контроля коронных колоний с афро-азиатским населением, захват новых колоний не по экономическим, но по военным соображениям.

ГЛАВА 2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ БУРЖУАЗНОГО ПРАВА И ЕГО РАЗВИТИЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Эпоха буржуазных революций XVII-XIX вв., движение народных масс, пушки революционных армий и реформы наиболее дальновидных правителей способствовали утверждению новых социальных отношений, что повлекло за собой становление буржуазного права. Сохраняя определенную преемственность с правовыми системами средневековья, право нового времени формировалось на совершенно иных принципах: юридического равенства, законности, свободы. На смену средневековому полиюридизму пришли унифицированные национальные правовые системы. Право приобрело светский характер, освободившись от влияния церкви. Закон стал главным источником права, а правоведение преобразовалось в юридическую науку. Право обратилось к человеку; признание и защита личных, а затем политических и социальных прав и свобод человека стало ядром всей системы правового регулирования; с этим связана и гуманизация юридических норм в XIX – начале XX вв. Открытость буржуазного права для интенсивного взаимообмена с иными правовыми системами (мусульманского – в странах Востока, обычного права народов Африки, традиционного права Юго-Восточной Азии, Латинской Америки), заимствование не только отдельных норм, но и институтов права привели к резкому ускорению темпов правового развития человечества в целом.

Буржуазное право нового времени впервые появилось в Европе. Оно сложилось в целостную систему на рубеже XVII-XIX вв. на территории Франции, Великобритании и США, а затем распространилось на все континенты. В эпоху нового времени буржуазное право существовало в двух основных разновидностях: романо-германская (континентальная) и англосаксонская (англо-американская) правовые семьи.

Dīi àí î-ââdî àí ñéàÿ í ðââîââÿ ñéñò àí à. Под романо-германской правовой семьей подразумевается группа национальных правовых систем, возникших в континентальной Европе на основе рецепции римского права (отсюда ее второе название – континентальная правовая система или семья). Заимствование методов и норм римского классического права, а также влияние канонического права католической церкви привело к тому, что еще в период средневековья в материковой части Западной Европы сложились сходные юридические традиции, принципы и учения. Под влиянием средневековых правоведов правовые нормы стали рассматриваться здесь как общие правила поведения, отвечающие

требованиям справедливости и морали, а не только как средство для разрешения в суде узкой группы судебных дел.

В романо-германской правовой системе с XIX в. господствующая роль отведена закону (в самом широком смысле этого слова). Он играет роль основного, а в ряде отраслей, например в уголовном праве, и единственного источника права. Другие источники права (обычное право) являются вспомогательными. Даже судебная практика в этой системе долгое время не признавалась полноценным источником права, поскольку считалось, что суд лишь находит право, но не создает его. Фактически решения судов, особенно высших, оказывают существенное воздействие на правотворчество и регулирование правоотношений.

Третья черта, характеризующая континентальное право, – это довольно строгая последовательность (иерархия) его источников: конституция, законы, подзаконные акты. Однако не всегда очевидна четкая граница между законами и подзаконными актами, издаваемыми высшими органами государственного управления.

Наконец, четвертой особенностью континентальной правовой системы является наличие кодексов по различным отраслям права. Это вызвано стремлением к унификации норм и единообразному решению всех вопросов правового регулирования общественных отношений в сфере материального и процессуального права.

Во всех странах романо-германской семьи четко разграничено право материальное и процессуальное, публичное и частное. Это деление носит самый общий характер, но, тем не менее, остается важной характеристикой структуры континентального права. К публичному праву относятся те отрасли и институты, которые определяют статус и порядок деятельности органов государства и отношения индивида с государством, а к частному – отрасли и институты, регулирующие отношения индивидов между собой.

Континентальная правовая система подразделяется на несколько автономных сфер (подсистем) – латиноамериканскую, скандинавскую, германскую и т.д., из которых классическим образцом является право Франции, где, собственно, и родилась романо-германская правовая модель нового времени.

Ἰδαίη Ὀδαίῳεε. Ἐπὶ ἰεεε ἰδαία. Правовая система Франции XIX – начала XX вв. сложилась в основных чертах в эпоху Великой французской буржуазной революции конца XVIII в. и правления Наполеона Бонапарта. Важнейшими правовыми памятниками, предопределившими направления дальнейшего развития права Франции, являются Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и пять кодексов, подготовленных под наблюдением и частично при личном участии Наполеона: Гражданский кодекс

1804 г., которому император впоследствии дал свое имя – Кодекс Наполеона, Гражданский процессуальный кодекс 1806 г., Торговый кодекс 1807 г., Уголовно-процессуальный кодекс 1808 г. и Уголовный кодекс 1810 г.

Кодификационные работы, проведенные при Наполеоне, по своему историческому значению сопоставимы с кодификацией Юстиниана, а по уровню юридического совершенства превосходят ее, ибо французские юристы подытожили опыт предшественников и позаимствовали все лучшее как из средневекового, так и из древнего (римского) права.

О качестве наполеоновской кодификации свидетельствует ее международное признание, выраженное в трудах ученых и в заимствованиях (вплоть до полной рецепции Гражданского кодекса отдельными странами). Но главное то, что пять кодексов Наполеона (с поправками и изменениями) действовали во Франции в течение полутора веков. Уголовный кодекс заменен новым в 1994 г., а первенец кодификации начала XIX в., о котором Бонапарт, уже находясь на острове Святой Елены, говорил, что слава его затмит память о сорока сражениях, выигранных императором, – Гражданский кодекс – действует доныне. Это обеспечило стабильность и преемственность правового развития Франции на протяжении XIX-XX вв.

Французский гражданский кодекс (ФГК) 1804 г. стал классическим памятником права нового времени. В августе 1804 г. для кодификации была создана комиссия, чей подход отличался консерватизмом и стремлением сохранить дух национально-правовых обычаев. После многочисленных дебатов 21 марта 1804 г. 36 законопроектов, посвященных отдельным подотраслям права, были собраны воедино и опубликованы под общим названием гражданского кодекса французов, тогда как все действовавшие прежде кутюмы, ордонансы и законы объявлялись утратившими силу. Главной особенностью ФГК 1804 г. стало переплетение кутюмов и римского права. В основу кодекса были положены королевские ордонансы XVIII в., сочинения известных правоведов – Ф. Буржона, Ж.Потье, К.Оливье, отчасти революционное законодательство и догматика.

ФГК 1804 г., построенный по институционной системе, состоял из трех книг: первая включала статьи о гражданстве, актах гражданского состояния, семейном и опекуном праве; вторая регулировала отношения собственности; третья – способы приобретения собственности, включая наследственное право и различные виды обязательств.

Многие статьи носили не правовой, но, скорее, поучающий характер, объясняя, что такое договор и как его правильно заклю-

чить, что такое движимое и недвижимое имущество. Ориентация кодекса на традиции французской цивилистики обусловила абсолютизацию частного права, ибо закон не мог вторгаться в сферу частных прав и соглашений.

Ἰδαίη μάλιστα αἰετὴ ἰσχύς. Основным институтом гражданского права было право собственности. Его понимание отличалось принципиальной новизной, ибо развитие частной собственности создало экономическую и правовую базу для утверждения идеала прав человека, принадлежащих ему от рождения. Большинство депутатов 1789 г. знали одно право человека, достойное эпитета «священное» – право собственности. Понимание собственности во ФГК 1804 г., как и в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., основанное на индивидуалистической концепции права, закреплено в ст. 544 Кодекса: «Собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом с тем, чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентами». Таким образом, ФГК ликвидировал феодальное деление имущества на родовое и благоприобретенное, представление об условности и «расщепленности» вещных прав. Частная собственность провозглашалась неприкосновенной и неотчуждаемой.

Важным новшеством в вещном праве стало широкое понимание режима собственности, исходя из абсолютного права присоединения.

В зависимости от субъекта права кодекс сформулировал три вида собственности: индивидуальная, государственная и общинно-коммунальная; ввел деление вещей на движимые и недвижимые.

Кроме собственности, к разряду имущественных прав был отнесен *узуфрукт*. Заимствованный из римского права узуфрукт понимался как особое право, приближенное к наследственной аренде дореволюционной эпохи. Права узуфруктария (продать свой узуфрукт, передать по наследству или завещать) охранялись даже перед собственником. Пользование имуществом составило еще одну разновидность вещных прав, однако в отличие от узуфрукта это право не могло быть передано другому лицу. Владение как самостоятельный вид вещных прав, хотя и охранялось законом, однако в кодексе не фигурировало.

К концу XIX в. понятие собственности социализируется: собственник – неабсолютный хозяин своего имущества, он должен выполнять общественно полезную функцию, если он ее игнорирует или выполняет ненадлежащим образом (не обрабатывает свою землю, не препятствует разрушению своего дома и прочее), государство вправе вмешаться и побудить собственника заботиться о

надлежащем использовании богатств, обладателем которых он является. Череда законов вводила раз за разом ограничения права земельной собственности в интересах новых видов эксплуатации земельных богатств, использования новых средств транспорта, связи, обеспечения обороны и т.п. После первой мировой войны законодательство изъяло из права частной земельной собственности земельные недра, пользование водной энергией, разрешило безвозмездный и беспрепятственный пролет над любым земельным участком, упростило порядок изъятия земель, например, для нужд городского строительства и прочего. Собственника лишили возможности свободно распорядиться своей землей даже в завещательном порядке: законами 1938 г. и 1961 г. для предотвращения измельчания сельских хозяйств и ферм их разрешено передавать только одному из наследников.

ФГК 1804 г. предусматривал 8 типичных договоров: купли-продажи, мены, найма вещей, работ и услуг, товарищества, ссуды, хранения, залога и вероятной прибыли.

Регулировавшие обязательственные отношения нормы ФГК 1804 г. отличались индивидуалистическим характером и представляли обширные и практически неограниченные права частным лицам. Основное внимание в кодексе уделено обязательствам, вытекавшим из договоров. Принцип свободы договора, ставший основополагающим в системе частного права Франции, означал, что никто не может быть принуждаем к заключению договора, содержание которого определяется только по воле всех сторон. Никакое вмешательство в сделку не допускалось, если она не противоречила общественному порядку, закону и добрым нравам. Важным принципом договорного права стало положение об обязательной силе соглашения, означавшее, что законно заключенные соглашения не могут быть расторгнуты в одностороннем порядке.

Закон упоминал и причинение вреда (деликта) как источника возникновения обязательств, что влекло за собой ответственность как в случае прямого умысла против чужой собственности, так и в случае небрежности либо непредусмотрительности.

Nai aei ia i daai. В области семейного права прослеживается преемственность с кутюмами Франции. ФГК воспринял институт семейного совета, решение которого требовалось при рассмотрении вопросов о заключении брака, воспитании, наказании жены и детей. Вместе с тем сфера брачно-семейных отношений претерпела существенную либерализацию, отражая победу светских начал в политике, государственном строительстве. Закон закрепил гражданский брак, заключавшийся государственными органами по правилам регистрации актов гражданского состояния. Церковный брак не имел

юридической силы, но мог быть проведен после светской церемонии. Брачный возраст был установлен с 18 лет для мужчин и с 15 лет для женщин. До достижения женщинами 21 года, а мужчинами 25 лет браки заключались с согласия родителей либо попечительского совета. Для вступления в брак до достижения брачного возраста необходимо было разрешение главы государства.

Право на развод, провозглашенное во время революции конце XVIII в., было закреплено ФГК. Развод допускался в случае супружеской неверности, грубого обращения или взаимных оскорблений, приговора одного из супругов к позорящему наказанию, взаимного согласия супругов, проживших в браке от двух до двадцати лет.

Вместе с тем брак оставался патриархальным. Гражданский кодекс 1804 г. гарантировал власть мужа и отца в семье. Неравенство мужчины и женщины, родителя и ребенка было последовательно проведено в нормах ФГК. Причина в том, что разделы о семейном праве сохранившие римские традиции, восходившие к институту *pater familia*, создавались при непосредственном участии Наполеона Бонапарта, который, не стесняясь, заявлял на заседаниях Государственного совета: «Народы Востока умнее и правильнее решают дело: они объявили женщину настоящей собственностью мужчины. И действительно, природа сделала их нашими рабынями. Женщины должны трепетать. Женщина дана мужчине, чтобы производить детей. Муж вправе сказать своей жене: «Мадам, Вы не выйдете на улицу. Мадам, Вы не пойдете в театр. Мадам, Вы не увидите с таким-то лицом. Одним словом, мадам, Вы мне принадлежите душой и телом!»».

Глава семьи должен был оказывать покровительство всем членам семьи в обмен на их послушание. Он обладал правом распоряжения имуществом несовершеннолетних детей и супруги.

В результате ФГК рассматривал жену в одном ряду с детьми и умалишенными. Неудивительно, что столетие Кодекса Наполеона парижанки отметили торжественным сожжением ненавистного сборника законов на Вандомской площади.

Лишь в 1893 г. жене, живущей отдельно от мужа, закон даровал дееспособность, равную мужской. В начале XX в. жены получили право самостоятельно распоряжаться своим заработком, а в 1920 г. им было позволено вступать в профсоюз без предварительного согласия мужа. Ряд других норм, сохранявших правовое неравенство супругов, оказался изъят законами 1975 и 1985 гг. В современной редакции ФГК 1804 г.ст. 216 гласит: «Каждый супруг обладает полной дееспособностью».

Подобную эволюцию претерпели и те нормы, которые регламентируют родительскую власть. Гражданский кодекс соединил

традиции обычного права Северной Франции с наследием римского права и создал практически неограниченную отцовскую власть. Согласно статье 373 отец один осуществлял родительскую власть во время брака.

Вслед за законами феодальной Франции Кодекс Наполеона 1804 г. закрепил за отцом право требовать для несовершеннолетнего ребенка (заметим, что совершеннолетие наступало в 21 год) тюремного заключения. Эта мера рассматривалась как чисто дисциплинарная и посему не требовала никакого письменного судебного производства. Если ребенку было меньше 16 лет, приказ об аресте выдавался судьей автоматически и не нуждался в мотивации. Только в том случае, когда отец желал арестовать детей в возрасте от 16 до 21 года, роль судьи повышалась, и он был вправе оценивать обоснованность родительской просьбы. Вдова, осуществляя родительскую власть, имела право действовать только в порядке жалобы (ст. 377), подаваемой судье с согласия двух ближайших совершеннолетних родственников.

«Деспотические формулировки» статей ФГК благополучно просуществовали 130 лет, пока не были смягчены в 1935 г. Полностью же родительское право применения дисциплинарного ареста оказалось отменено всего несколько десятилетий назад (!) – в 1958 г.

Таким образом, взаимоотношения родителей и детей юридически строились на основе власти и подчинения. И если закон считал нормальным такое положение детей, рожденных в браке, то нетрудно представить себе, каким ущемлениям подвергались так называемые незаконнорожденные (внебрачные) дети: вплоть до 1912 г. им запрещалось отыскивать своего отца. Потребовалась еще серия законодательных актов, чтобы внебрачные дети в 1980-х гг. уравнились в правах с «законнорожденными».

В целом за два века брачно-семейное законодательство Франции претерпело впечатляющие изменения. Нельзя не согласиться с метким наблюдением Альфонса Доде: «Семья – отражение государства. В настоящее время (речь идет о последней трети XIX в. – В.П.) французская семья демократизировалась. Некогда она была деспотической в духе Людовика XIV, затем стала монархической и конституционной». Однако фундамент правовой конструкции сохранился в неизменности: ФГК по-прежнему подходит к браку как к разновидности имущественного и личного договора сторон – ныне равноправных.

Закон закрепил изменения и в наследственном праве. Сохранились признанное ранее деление на наследование по закону и по завещанию. В целях защиты интересов законных наследников

ФГК ограничивал права завещателя при распоряжении своим имуществом. В зависимости от состава семьи завещатель мог распоряжаться от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ принадлежавшей ему собственности. Кодекс не устранил имущественное неравенство законных и внебрачных детей. Признанные при жизни отца получали лишь небольшую часть наследства, а непризнанные полностью устранялись от прав наследования.

Несмотря на ряд несовершенств и противоречий, ФГК 1804 г. имел исключительное значение; праведы называют его гражданской конституцией нового правопорядка, закрепившей частную и экономическую свободу и действующей до сих пор.

Àðàæäàí ñéí-í ðíöáííòáëüí úé êíäáéñ 1806 ã Появление ФГК 1804 г. обусловило необходимость привести в соответствие с нормами материального права гражданско-процессуальные нормы. В основу ГПК был положен Ордонанс о гражданском правосудии 1667 г., что предопределило характер кодификации. ГПК 1806 г. установил процесс, требующий выполнения сложных формальностей, составления множества документов, участия адвокатов в общих судах, что предопределило медлительность судопроизводства. В последующие годы кодекс мало изменился.

Òíðãáúé êíäáéñ 1907 ã Частное право Франции отличается дуализмом, так как торговое право составляет самостоятельную отрасль гражданского права. Торговый кодекс был архаичным, ибо в его основу с минимальными изменениями были положены ордонансы Людовика XIV о сухопутной торговле 1673 г. и морской торговле 1681 г.

Торговый кодекс состоит из 4-х книг: первая содержит нормы о торговле (о лицах, биржах, посредниках, векселях), во второй говорится о морской торговле, в третью включены положения о несостоятельности и банкротстве, четвертая посвящена торговой юрисдикции.

Поскольку торговый кодекс является лишь дополнением к ФГК, общие правила ФГК используются и в торговых сделках, когда отсутствуют специальные правовые нормы применительно к торговле.

Òãéíáííá íðááí. Франция первой из европейских держав кодифицировала свое уголовное право (в 1791 г.). УК Франции 1810 г. стал последним из пяти французских кодексов, разработанных и принятых в начале XIX в. Подготовительные работы по созданию УК Франции были начаты одновременно с ФГК в 1804 г., однако законопроект, представленный на рассмотрение Государственного Совета комиссией, возглавляемой Тарже, вызвал существенные разногласия. Самыми спорными оказались вопросы существования

суда присяжных и сохранения смертной казни. Несмотря на жесткое сопротивление части правоведов и политиков Франции, ссылавшихся на текст Декларации 1789 г., Тарже сумел отстоять смертную казнь в качестве одной из мер наказания. Лишь в 1808 г. было решено создать два кодекса: уголовный и уголовно-процессуальный. Оба вступили в силу 1 января 1811 г.

Ни революционный Уголовный кодекс, ни сменивший его Кодекс Наполеона 1804 г., который с поправками и дополнениями просуществовал до 1994 г., не оказали на право других стран такого влияния, как Гражданский кодекс. Но если текст французских уголовных законов не был заимствован другими нациями, то генеральные принципы, положенные в их основу, повлияли на правовые представления и законодательную практику мировой цивилизации.

Уголовное законодательство Франции в период нового времени исходит из принципа формального равенства всех граждан перед законом: только характер самого преступного деяния, а не происхождение или социальное положение лица определяли меру ответственности. Субъектом преступления признавалось любое лицо, ссылки на ограничения возрастного, социального и полового характера отсутствовали. Для преступников моложе 16 лет предусматривалось смягчение меры наказания, если было доказано, что у него отсутствовало четкое представление о последствиях содеянного. В этом случае их выдавали родителям на исправление либо заключали в исправительный дом до достижения ими 20 лет. Смягчение наказания предусматривалось и для лиц, достигших преклонного возраста (старше 70 лет). Полное освобождение от ответственности применялось в случае невменяемости обвиняемого в момент совершения преступления и необходимой самообороны, доказанной в ходе судебного разбирательства.

Кодекс предусматривал строгое следование принципу формальной законности. Преступление, которое не предусматривалось законом на момент его совершения, не подлежало наказанию. Это правило стало одним из основополагающих в новой уголовной доктрине, направленной на максимальное ограничение судейского произвола. Уголовно-правовая концепция содержала представление о преступлении как проявлении вредной направленности человеческой воли. Поэтому соучастие наказывалось так же, как и преступление, но без применения смертной казни.

Кодекс 1810 г. содержал принципиально иную классификацию преступлений, предполагавшую конкретные критерии наказуемости. Он поставил действующее уголовное право на уровень требований классической школы права, проповедовавшей идеал

умеренного законодательства. В основу изложенной в кодексе систематизации была положена одна из идей Просвещения о том, что все преступления могут иметь своим объектом только интересы общества либо личности.

О приоритете социальных интересов над частными свидетельствует тот факт, что на первое место выдвигались проступки и преступления против общественных интересов, разделенных на три подгруппы:

1) против внешней безопасности государства (вооруженные антигосударственные выступления и отношения с враждебными Франции государствами, способные повлечь вооруженный конфликт). Преступления этой категории наказывались смертной казнью;

2) против конституции (посягательства на избирательные права граждан, должностные преступления, пренебрежение административными и судебскими обязанностями). Преступления карались в основном позорящими наказаниями, преследовавшими цель общественного осуждения и порицания преступников;

3) против публичного мира (фальшивомонетничество, подделка госпечати и знаков оплаты, частных бумаг и взяточничество).

Вторую основную группу уголовных преступлений составляли преступления против частных интересов, подразделявшиеся на преступления против собственности и против личности. Особое внимание уделялось кодификации различных видов краж. На степень наказуемости оказывали влияние стоимость похищенного и различные объективные обстоятельства. Отдельную группу составили экономические преступления, многие из которых стали впервые предметом правового регулирования: контрафакция литературных произведений, предметов промышленного производства, раскрытие коммерческих секретов.

Наказания, предусмотренные УК 1810 г., подразделялись на уголовные (за преступления) и исправительные (за проступки). Уголовные наказания могли быть мучительными (смертная казнь, пожизненная и срочная каторга от 5 до 20 лет, депортация, тюремное заключение) и позорящими (поражение в правах, изгнание, выставление у позорного столба). Одним из наиболее тяжелых наказаний считалась депортация в отдаленные колонии Франции: в Новую Каледонию, Гвиану, на Мадагаскар. Это наказание было пожизненным, а самовольное возвращение каралось каторжными работами. Приговор к каторге либо депортации сопровождался полным поражением в правах избирательных, юридических и семейных. Назначение позорящих наказаний влекло временное ограничение политических и гражданских прав.

К исправительным наказаниям относились: временное заключение в исправительный дом на срок от 6 дней до 5 лет, штрафы, запрет пользоваться некоторыми гражданскими и политическими правами (быть присяжным и опекуном, носить оружие, участвовать в выборах). Конфискация имущества выступает дополнительным наказанием в случае совершения особо тяжкого преступления.

Хотя телесные и некоторые членовредительские наказания были отменены, в целом система наказаний, предусмотренная авторами УК Франции 1810 г., вряд ли может быть названа гуманной. Тем не менее в ней воплотился несомненный прогресс уголовного права. Так, Франция стала еще в 1789 г. первым государством, где смертную казнь стали рассматривать как способ лишения жизни преступника, а не как повод к его дополнительным мучениям. Изобретение доктора Гильотена (жертвой которого он и пал во время якобинского террора) было гуманным актом на фоне тех изуверских форм казни, которые сохранились в количестве двух десятков даже в самой передовой стране того времени – в Великобритании.

В последующем лучшие умы Франции десятилетиями боролись за полное изъятие этого вида наказания из арсенала юстиции. Их усилиями смертная казнь еще в XIX в. перестала быть зрелищем для толпы: ее прекратили проводить публично. Революционеры 1848 г. отменили применение смертной казни за политические преступления (этот запрет был опрокинут только накануне второй мировой войны). В 1981 г. Франция присоединилась к клубу держав, в которых смертная казнь была полностью ликвидирована. Эту поправку в старый Уголовный кодекс Франции провело левое большинство французского парламента – социалисты и коммунисты, а утвердил многолетний лидер соцпартии, президент Французской республики Франсуа Миттеран.

Закрепленная действующим Уголовным кодексом Франции система наказаний для физических лиц (людей), конечно, несравненно гуманнее той, что содержалась, например, в Кодексе Наполеона 1804 г. Максимальное наказание, которое предусматривалось за особо тяжкое умышленное убийство, состояло в пожизненном лишении свободы или тридцатилетнем тюремном заключении. Основными же мерами наказания за преступления стали: тюремное заключение на срок до десяти лет, штрафы и выполнение работ в общественных интересах.

Ни каторга, ни ссылка, ни тем более гражданская смерть (изошренное наказание, которое заключалось в признании живого человека как бы умершим, исключенным из сферы гражданско-правовых отношений с прекращением брака, родительских прав,

лишением имущества и т.д.), конечно, не известны современному французскому праву, история которого, однако, доказывает, что никакой народ, даже самый цивилизованный, не способен в одночасье преодолеть юридическое наследие средневековья.

Ἰδιόαῖνός ἐστι ἡ ἰδαιία. Через полтора месяца после штурма Бастилии французское Учредительное собрание произвело революцию в правосудии, когда первым среди законодательных органов провозгласило презумпцию невиновности (ст. 9 Декларации прав человека и гражданина): «Так как каждый человек предполагается невиновным до тех пор, пока его виновность не доказана, то в случае признанной необходимости его ареста закон должен позаботиться о полном устранении строгостей, не вызываемых необходимостью обеспечить суду его личность».

Затем – под прямым влиянием английского примера – во Франции были организованы суды присяжных по уголовным делам. Правда, в отличие от Англии революционное законодательство и пришедший ему на смену ФГК 1804 г. установили не состязательную, а смешанную состязательно-розыскную форму уголовного процесса. Ее основные черты таковы:

1) досудебное следствие и предание суду сохранили инквизиционный характер, исключаящую какую-либо состязательность обвинения и защиты, отличающийся ограничением прав обвиняемого, отсутствием гласности, письменной процедурой;

2) судебное следствие в целом построено на началах формального равенства сторон, ведется устно и непосредственно.

Дословный перевод названия Кодекса Наполеона 1804 г. – *Кодекс уголовного расследования*, поэтому немудрено, что процессуальный акцент сделан именно на досудебном, инквизиционном следствии. Оно потеряло большую часть своих средневековых атрибутов, но и без пыток положение обвиняемого было нелегким: вплоть до 1865 г. каждый обвиняемый, даже совершивший незначительное правонарушение, подвергался предварительному заключению, где, естественно, оказывался в зависимости от следственных властей. Недаром О. Бальзак как-то обмолвился: «Во Франции есть человек более могущественный, чем король, чем министр юстиции, более могущественный, чем парламент. Это следственный судья».

Но и в открытом судебном заседании, несмотря на его состязательный характер, права обвиняемого были ущемлены. Невзирая на провозглашенную в 1789 г. презумпцию невиновности, в суде ощущался явный обвинительный уклон. Прокуратура (обвинение) оставалась вплоть до 1958 г. главной стороной, а права защиты в процессуальном праве были значительно меньше.

Не в пользу обвиняемого также и наделение председателя суда огромными, практически неограниченными полномочиями, имеваемыми дискреционной властью. В статье 268 УПК 1808 г. было сказано: «Председатель наделен дискреционной властью, на основании которой он может предпринимать все, что он сочтет полезным для раскрытия истины; и закон полагается на его честь и совесть в том, что он приложит все усилия в целях ее обнаружения».

В определенной мере эти полномочия председатель суда сохраняет и после реформы процессуального права 1950-х гг.

Наряду со значительным укреплением процессуальных гарантий обвиняемого, УПК Франции 1958 г. ликвидировал во Франции традиционный суд присяжных. Новое уголовно-процессуальное законодательство заменило его судом ассизов, который состоит из трех профессиональных судей и девяти судебных заседателей, составляющих жюри. Эти 12 человек составляют единую судебную коллегию, отвечающую на вопрос о виновности подсудимого и принимающую решение о наказании большинством голосов. Иными словами, это тот же тип суда, что установили, например, в нашей стране в советское время, когда 2 народных заседателя и 1 судья имели равные процессуальные права; основное отличие здесь количественное: французский суд ассизов вчетверо шире по составу.

Слияние в одной коллегии профессиональных судей и не всегда сведущих в праве присяжных в некоторых случаях приводит к негативному результату: мнение профессионалов подавляет присяжных, лишает их самостоятельности при оценке выявленных в судебном заседании фактов. Вторым «минусом» в деятельности суда ассизов оказывается традиционная для судов присяжных медлительность процесса.

Для Франции, как и для многих других стран континентальной правовой системы, характерна развитая система специализированных судов, например торговых, по урегулированию трудовых споров и прочих. В 1945-1951 гг. были учреждены особые суды по делам несовершеннолетних.

Создание отдельной системы судов для несовершеннолетних несомненно способствовало гуманизации правосудия. Ведь большинство из осуждаемых ими подростков не являются закоренелыми преступниками и, подвергнутые мерам воспитательного характера, вернутся в общество без прохождения «тюремных университетов».

Í ðááî Ááðî áí èè. В конце XIX в. континентальная правовая семья пополнилась еще одной крупной кодификацией – Германским гражданским уложением 1896 г., оказавшим заметное влия-

ние на законодательство ряда европейских стран. Впервые в истории Германии, столь долго сохранявшей пережитки феодальной децентрализации, была проведена общенациональная кодификация права. Первичный вариант законопроекта, опубликованный в 1887 г., оказался неудачен, ибо основывался на старом общем праве, не соответствовавшем новым буржуазным социально-экономическим отношениям эпохи становления монополистического капитализма. В декабре 1890 г. в состав новой комиссии были включены адвокаты, промышленники, политики. После внесения некоторых изменений он обсуждался в рейхстаге и бундесрате, был утвержден 18 августа 1896 г., но вступил в законную силу лишь 1 января 1900 г., так как отдельным немецким государствам было нужно время для приведения своего законодательства в соответствие с ГГУ.

Äädi äi ñéîä ääæäi ñéîä öéîæäí èä 1896 ä (ÄÖÖ). Уложение, основанное на римском праве и содержащее положения германского права, построено по пандектной системе, согласно которой общие для всех институтов нормы содержатся в общей части (первой книге). Кроме того, ГГУ включает еще четыре книги: вторая посвящена обязательственным отношениям, третья – вещному праву, четвертая – семейному праву, пятая – наследственному. Одновременно с ГГУ был издан закон о введении его в действие, в котором содержались правила о времени вступления в силу ГГУ, нормы международного частного права, положения о взаимоотношении ГГУ с нормами старого имперского законодательства.

Отличительными чертами ГГУ являются отсутствие общих юридических определений, описательный характер, наличие специальной терминологии, каучуковых параграфов, ссылавшихся на понятия «доброй совести», «добрых нравов», содержащих не правовые, но моральные императивы.

По содержанию ГГУ объективно отражало свое время и утверждало более высокий уровень развития капитализма, нежели ФГК.

Особенностью ГГУ является признание наряду с физическим и юридического лица в качестве субъекта гражданского права. Этот институт оказался удобен для оформления и концентрации капитала и получил широкое применение в Германии конца XIX в. ГГУ называет два вида юридических лиц:

1. Ферейны – общества, союзы лиц, с которыми входящие в их состав лица связаны членскими правами и обязанностями. Эти союзы могут быть хозяйственными, то есть преследующими цели извлечения прибыли либо нехозяйственными, то есть преследующими культурные, научные и иные цели.

2. Учреждения, образуемые в силу волеизъявления частных лиц, выделяющих для достижения определенной цели известное имущество.

Вместе с тем нормами ГГУ не регламентировались акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью – важнейшие формы концентрации крупного немецкого капитала. Для них были созданы самостоятельные законы, установившие явочный порядок возникновения этих юридических лиц, благоприятствовавший их распространению. В целом ГГУ признает за юридическими лицами весьма широкую правоспособность, однако сохраняет право контроля за их деятельностью и лишения их правоспособности вследствие угрозы общественным отношениям.

ГГУ создал институт неправоеспособного союза – объединения, обладавшего отдельными чертами юридических лиц, но не отвечавшего всем установленным правилам и не признававшегося таковым. Как правило, это были рабочие союзы, которые законодатель и не мог игнорировать, и не желал признавать наравне с буржуазными союзами.

Вещное право ГГУ основано на делении вещей на земельные участки и движимые вещи, строго различая правовой режим движимых и недвижимых вещей. В § 94 под движимостью понимается все, что не связано с земельным участком и его принадлежностью, прочно связанной с почвой. Впервые в германском праве детально регламентирован институт движимых вещей, в частности, ценных бумаг, что объективно отражало возрастание их роли в гражданском обороте.

Уложение называет ряд вещных прав: право собственности, владение, пользование чужими вещами (земельный и личный сервитуты, узуфрукт, право застройки), право на получение известной ценности из чужой вещи (залог движимости, ипотека недвижимости), право на приобретение вещи (право преимущественной покупки, право охоты, рыбной ловли).

Право собственности – основной институт вещного права – Уложение в § 903 определяет: «...Собственник вещи может обращаться с вещью по своему усмотрению и исключать других от всякого воздействия на нее». Таким образом, ГГУ подчеркивает свободу частной собственности, как и иные буржуазные кодификации XIX-начала XX вв. Вместе с тем в отличие от ФГК 1804 г. Уложение содержит большое число ограничений прав собственника (прежде всего землевладельца), что вполне соответствовало духу времени. Например, § 905 ограничивает права землевладельца на недра и воздушное пространство пределами «интереса собственника»; ограничения такого рода стали значимы с развитием в

начале XX в. телеграфного сообщения и воздухоплавания; § 906 обязывает собственника земельного участка терпеть проникновение таких промышленных отходов, как газ, пар, дым, копоть, тепло, исходящих из соседнего участка, поскольку подобное воздействие не превосходит пределов обычного в данной местности. Это не означает, что кодекс безоговорочно ограничивает интересы крупного юнкерского землевладения в пользу промышленников и владельцев заводов, ибо § 907 гласит, что землевладелец вправе потребовать запретить такие сооружения, относительно которых достоверно можно предвидеть «недопустимое воздействие на его участок». По сути, § 906 и § 907 выражали компромисс между интересами Германии традиционной, земледельческой и новой, капиталистической, промышленной.

Для ГГУ характерно построение общих понятий, касающихся обязательственного права. Так, §241 содержит основные элементы общего определения обязательства: «...в силу обязательства кредитор уполномочен требовать от должника предоставления. Предоставление может состоять в воздержании».

Традиционно договоры являются наиболее распространенным способом возникновения обязательственных отношений. Договорные отношения строятся на принципе свободы договора. Хотя ГГУ не дает определения договора, исходя из §145 и §341 можно выделить существенные черты договора: юридическая связь, установленная между несколькими лицами; содержанием договора может быть как положительное действие, так и воздержание от такового.

Характерная особенность ГГУ – признание главного значения за волеизъявлением сторон в вопросе об обязательных условиях действительности договора. Поэтому оспаривание сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия допускается в течение года, под влиянием заблуждения – немедленно. По истечении 30 лет оспаривание сделки было исключено. Однако судебные органы наделены широкими полномочиями вплоть до признания сделок недействительными, если они противоречат социально-этическим критериям «доброй совести» и «добрых нравов» (§ 138).

Еще одной важной особенностью Уложения является существование абстрактных обязательств, не известных ФГК 1804 г. Их появление соответствовало интересам гражданского оборота и может быть рассмотрено как уступка законодателя немецкому грюндерству, крупной буржуазии. В § 780 этот вид договора определен так: «Договор, по которому должник обещает удовлетворение с тем, чтобы обещание послужило самостоятельным основанием обязательства». Предметом договора выступает само обещание, облеченное в письменную форму (чек, вексель). Абстрактный

характер договора состоит в том, что значения не имеют основания его заключения, выдача обязательств, обещание уплаты долга носит отвлеченный характер, что допускает возможность переуступки подобных обязательств.

ГГУ признает гражданские правонарушения основанием возникновения обязательств, по общему правилу ответственность несет лицо, виновное в причинении вреда. Уложение не признает имущественного возмещения неимущественного вреда, если оно прямо не предусмотрено законом. Особым видом обязательств кодекс считает обязательство из необоснованного обогащения, устанавливает его понятие и подробно регулирует.

Nai áéí íá í ðááí. Единственной законной формой брака признается гражданский брак по обоюдному согласию. Брачный возраст для женщин 16 лет, для мужчин – 21 год. Для несовершеннолетних требовалось согласие родителей. Заключению брака предшествует обручение – договор, из которого вытекает обоюдная обязанность вступления в брак. Нарушение обязательств наказывалось возмещением морального вреда и издержек, сделанных ввиду предстоящего брака.

Развод допускался в строго определенных законом случаях: злонамеренное оставление, посягательство на жизнь супруга, грубое нарушение брачных обязательств, бесчестное поведение, безнадежная душевная болезнь и прелюбодеяние. Только для германского законодательства характерен запрет вступления в брак супругу, совершившему прелюбодеяние, с лицом, участвовавшим в нем, если факт прелюбодеяния послужил основанием для развода.

ГГУ, закрепляя главенствующее положение мужа в семье, не провозглашает его власти над личностью супруги, предоставляя мужу лишь право преимущественного решения общесемейных вопросов. Замужняя женщина ограничено дееспособна: с согласия мужа она может заниматься промыслом, вести хозяйственное предприятие, имеет право на профессиональные занятия.

Имущественные отношения супругов определены брачным договором, и, если не установлено иное, то в качестве законного признается раздельная система управления и пользования семейным имуществом, при этом жена сохраняла самостоятельное управление собственным имуществом.

Взаимоотношения между родителями и детьми строились на принципе признания родительской власти за отцом, которая переходила к вдове либо жене лишенного родительских прав. Власть родителей была обширна.

Внебрачные дети занимают юридическое положение законных детей по отношению к матери и ее родственникам, однако

отец и незаконный ребенок не признавались состоящими в родстве, хотя такой ребенок мог требовать содержания сообразно социальному статусу матери до достижения 16-летнего возраста.

ГГУ закрепляло систему линий наследования, представлявших собой группу родственников, происходящих от общего предка: первую группу составляли нисходящие наследники, вторую – родители и их нисходящие родственники, третью – дед и бабушка и их родственники по нисходящей линии и пр. Таким образом, наследниками являлись родственники любой степени. В отличие от ФГК 1804 г. переживший супруг занимал более привилегированное положение и частично наследовал вместе с наследниками первой и второй линии, а в отсутствие таковых получал наследство полностью.

Наконец, устанавливая принцип свободы завещания, ГГУ ограничивает завещательную свободу обязательной доли в размере стоимости доли данного наследника при наследовании по закону.

Гражданско-процессуальный кодекс 1877 г. довольно велик по объему и состоит из 10 книг, включающих 1048 параграфов. Однако он отличается простой построения, лишен архаизмов, дает сторонам довольно широкие права в области предоставления доказательств и распоряжения своими процессуальными правами. Суд, напротив, оставляет пассивным, лишь воспринимающим и оценивающим представленный сторонами материал.

Уголовное уложение Северогерманского Союза 1871 г. состояло из трех частей.

1. Положения о разграничении преступлений, проступков и полицейских нарушений, об ответственности германских граждан за правонарушения, совершенные за границей.

2. Общие вопросы уголовного права о стадиях преступления, о соучастии, смягчающих и отягчающих вину обстоятельствах.

3. Особенная часть, содержащая нормы, касающиеся отдельных видов преступлений.

На первом месте среди преступлений стояли оскорбление императора и местных государей (курфюрстов), фальшивомонетничество, основание тайных организаций, участие в союзе, преследовавшем цель незаконного противодействия правоприменительной практике либо мероприятиям органов управления. Религиозным преступлениям была посвящена отдельная глава.

Среди полицейских преступлений уложение называет изготовление печатей, несоблюдение правил о выезде за границу, хранение оружия и пр. Каждый немец был обязан оказывать содействие полиции.

Германское уложение предусматривало довольно суровые наказания: смертную казнь, заключение в работном доме, тюрем-

ное заключение, помещение в крепость, арест, ограничение в правах, штраф. Наиболее сурово наказывались преступления, совершенные против государства, церкви и собственности.

В 1877 г. в дополнение к Уголовному кодексу 1871 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс, построенный на принципах состязательности, независимости следственного судьи от прокурора и допущения защиты на стадии предварительного следствия. По окончании предварительного следствия прокурор направлял дело в суд, который выносил решение по делу. В суде действовал принцип свободной оценки доказательств. Особенностью уголовного судопроизводства Германии являлось право потерпевшего присоединения к прокурору в качестве обвинителя.

Аí ãëî ñáëîî ï ñéàÿ ï ðàááí áàÿ ñéîòáí à. Различия между правом Англии и правом континентальной Европы возникли в период раннего средневековья, когда потомки англов и саксов отказались от широкомасштабной рецепции римского частного права. По имени родоначальников этой оригинальной правовой системы юристы европейского континента называли ее англосаксонской.

Главной чертой, которая выделяет англосаксонскую правовую систему, является особая роль суда в создании и применении правовых норм. По своему происхождению это право судебной практики. Поскольку важнейшая система прецедентного права именуется общим правом, то и правовую семью в целом нередко называют семьей общего права.

Уже в середине XVII в. англосаксонское право проникло в Ирландию, а в XVII-XIX вв. оно распространилось в других колониях Великобритании, включая североамериканские. Завоевав независимость, Соединенные Штаты Америки стали державой, чья национальная правовая система, как, впрочем, и правовая система Канады, приобрела собственные оригинальные свойства. Чтобы подчеркнуть наличие в семье общего права двух подгрупп – английской и американской, а также выделить ареал ее распространения, в современной юриспруденции все чаще используется третье название – англо-американская правовая семья.

Если до конца XVIII в. история общего права была связана исключительно с Великобританией и ее владениями, то к началу XXI в. оно в той или иной мере рецептировано во многих десятках стран мира (только в Британское Содружество входят 36 государств). Таким образом, англо-американское право образует вторую мощную ветвь на древе мировой юриспруденции. Несмотря на внешние различия, континентальная и англосаксонская правовые системы базируются на общем культурном фундаменте христианских ценностей, индивидуализме, либеральной демократии,

признании прав человека. В XX в. наметилась тенденция к их слиянию в единую евро-американскую систему.

Общее право является историческим ядром всех национальных правовых систем англо-американской семьи. Основные свойства прецедентного права остаются неизменными со времен английского средневековья. Оно черпает свою силу не в положительном волеизъявлении законодательной власти, а в том, что существует с незапамятных времен и уже многие века имеет силу закона без всякого парламента.

Общее право – по сути, право неписаное, хотя его нормы формируются судебными приговорами, которые, естественно, излагаются на бумаге и даже публикуются в судебных отчетах. Но ведь формально считается, что судебное решение – это не более чем формулирование и оглашение юридической нормы, которая существовала до него и помимо него. Задача применяющего общее право судьи сводится к тому, чтобы истолковать эти якобы вечно и независимо от судей существующие нормы применительно к обстоятельствам конкретного дела. Поэтому судья обязан использовать норму общего права, заключенную в более раннем судебном решении по аналогичному делу (прецедент). При этом нижестоящий суд связан решениями вышестоящего суда.

Правило обязательности прецедента придает системе общего права ту стабильность, которую в континентальной правовой семье обеспечивает закон. В результате действия прецедентов сложилась ситуация, которую английский профессор А.Л. Гудхарт охарактеризовал ярким афоризмом: «Английский судья – раб прошлого и деспот будущего, он связан решениями своих предшественников и связывает поколения судей, которые будут ему наследовать».

Прецедентное право как Англии, так и Соединенных Штатов Америки в XVII – начале XX вв. сочетает черты и косности, и гибкости. Оно консервативно и неподвижно, ибо всегда может быть применен возникший давным-давно прецедент. Но оно же эластично и прогрессивно, поскольку любой прецедент при необходимости можно истолковать в соответствии с потребностями того момента, когда этот прецедент применяется. Недаром на родине общего права, в Англии, судей окрестили «делателями права», хотя британские юристы по-прежнему утверждают, что они не творят право, а лишь отыскивают его нормы в правосознании народа и обычаях страны.

Эластичность, гибкость общего права, благодаря которым оно сохранило свою жизнеспособность, обеспечиваются тем, что вышестоящий суд может аннулировать решение нижестоящего су-

да, а в некоторых случаях и свои собственные решения и создать новую норму прецедентного права. Такое аннулирование решения следует отличать от отмены решения в результате пересмотра дела в порядке апелляции. Разница состоит в том, что первое касается нормы права, на которой основано решение, т.е. имеет общеобязательный характер, а последнее относится только к конкретному судебному делу.

Если прецедент был отменен вышестоящим судом, то считается, что он был основан на неправильном толковании норм права, а само правовое предписание, заключенное в отмененном прецеденте, никогда не существовало. Это вытекает из традиционной концепции общего права, согласно которой общее право никогда не изменяется, а его предписания лишь просто заново правильно декларируются. В связи с этим отмена прецедента, произведенная судом, имеет обратную силу.

Нормы общего права имеют обратное действие даже и без судебного пересмотра – в силу своей природы: момент оглашения судебного приговора, в котором норма формулируется фактически впервые, фиктивно считается только моментом практического применения давно якобы имевшегося юридического правила.

Такая изменчивость общего права придает его нормам потенциальную неопределенность. Например, уголовное право нового времени выдвинуло важнейший постулат: карающий закон не имеет обратной силы. И если закон надлежащим образом опубликован, никто не сможет отговориться его незнанием как причиной совершения преступления. Но к общему праву эти соображения совершенно не применимы. Поэтому с начала XIX в. в американском праве началось постепенное вытеснение прецедентного права из сферы уголовной репрессии. Круг деяний, рассматриваемых в качестве преступлений, в настоящее время в большинстве случаев определен законом.

В 1812 г. подобная позиция была впервые утверждена в уголовном праве федерального уровня, когда Верховный Суд США в одном из решений постановил, что федеральные суды не могут признавать деяние преступным, если оно не предусмотрено в качестве такового федеральным законом. К 1912 г. и уголовное законодательство крупнейшего тогда штата Нью-Йорк стало полностью писаным. К настоящему времени почти все уголовные кодексы в США запрещают судам наказывать за преступления, если те не включены в свод законов.

Как в Англии, так и в США прецеденты общего права неоднократно отменялись законом. Но в этом случае отмена прецедента не имеет обратной силы.

Третьей особенностью общего права, наряду с его неписанным характером и учением о прецеденте, остается казуистичность норм.

Общее право было создано судьями, разрешавшими споры между отдельными лицами; эту печать своего происхождения данная правовая система несет на себе до сего времени. Норма общего права менее абстрактна, нежели нормы права романо-германской правовой семьи, и направлена на то, чтобы разрешить конкретную проблему, а не сформулировать общее правило поведения на будущее.

Обычное решение суда состоит из следующих частей:

- 1) изложение фактических обстоятельств дела;
- 2) формулирование принципов и отдельных норм общего права либо судебное толкование законодательства применительно к решаемому казусу;

- 3) определение меры ответственности. Причем, когда говорится об обязательной силе судебного прецедента, то подразумевается не само решение дела, а именно формулировка нормы права, на которой оно (решение) основывалось. Остальные два элемента решения прецедентом не являются – это «попутно сказанное». Однако на практике от усмотрения судьи зависит, где провести границу между собственно нормой общего права, содержащейся в решении, и «попутно сказанным». Соответственно, любой прецедент можно перетолковывать согласно запросам дня, то сужая, то расширяя сферу факультативного (необязательного) и нормативного в используемом прецеденте.

Удельный вес нормы прецедентного права в национальных системах права англо-американской семьи с XIX в. неуклонно падает. Однако особенностью даже американской юриспруденции вплоть до середины XX в. оставалось то, что совокупность актов законодательных органов и правительственных инстанций не образовывала замкнутой системы: юридическое регулирование значительной сферы общественных отношений основывалось исключительно на судебных прецедентах.

В англосаксонских странах понятия «закон» и «право» не совпадают. Парламентский закон (статут) становится правом страны лишь в том случае, если он применен и истолкован судом. Значительную роль в качестве источников права играют конституционные соглашения и процедуры, широко применяющиеся в сфере осуществления государственной власти. Наконец, англосаксонскому праву не известно деление права на частное и публичное, строгое разграничение материального и процессуального права, отрасли права структурно не выделены, кодификация отсутствует; вме-

сте с тем ему свойственны особая терминология, наличие ряда институтов, не встречавшихся в праве других стран мира.

Í ðááí Ááèèéíáðèòáí èè. Особенностью права Англии является отсутствие кодифицированного законодательства, хотя одним из основных источников права является закон. В Англии с XIII в. было издано множество законов, но их не свели в какую-либо определенную систему. Немало старых законов действует и по сей день, но с помощью судов их содержание изменилось. Частное право Англии развивалось в форме судебного прецедентного права. Прецедентное право, однако, не имеет для судьи обязательной силы, так как в некоторых случаях судья может отклониться от прецедентов и вынести новое по своему содержанию решение.

Прецедентное право состоит из двух частей: общего права и права справедливости.

Уголовная юстиция Англии сохраняла исторические основы судоустройства с выделением судов суммарной юстиции, где незначительные дела решались королевскими судьями, судов с участием присяжных, высших судов общего права.

Реформированию судоустройства препятствовали исторически сложившееся судоустройство и принцип несменяемости судей. Самая низшая инстанция – суд магистратов мировых судей на местах. Они действовали в виде индивидуальных судов, малых сессий, городских судов в больших городах (позднее заменены полицейскими судами), а также в виде судов триместров.

Основная масса дел решалась в судах ассизов – традиционных разъездных судах общего права. В 1834 г. создан Центральный уголовный суд, который имел равнозначное с судом ассизов значение. Здесь разбирались дела Лондона и некоторых центральных графств. Высшие суды рассматривали особой важности или подсудности дела, а также обвинения от имени короны. К их числу принадлежали: особый суд коронной юрисдикции, суд королевской скамьи, суд казначейства, суд лорда – сенешала.

Наивысшей инстанцией оставалась палата лордов. Ей принадлежала привилегированная юрисдикция в отношении пэров по обвинениям в государственной измене и фелонии.

Уголовная юстиция Великобритании XVII–XIX вв. характеризовалась высокой продуктивностью и сохранением высокой степени репрессивности и жесткости санкций.

Обвинения возбуждались в основном частными лицами. Наиболее массовыми преступлениями в это время были: браконьерство, бродяжничество, нарушение законодательства о бедных, нарушение полицейских правил. Основными видами наказаний по низшей категории преступлений (мисдиминор) были штрафы, за-

ключение в тюрьму на срок до двух месяцев в исправительные школы. Применялись и телесные наказания, а также разнообразные полицейские исправительные меры, для особых видов преступлений – каторга, смертная казнь и телесные наказания.

Обновление уголовного права шло очень медленно. В основном оно двигалось по пути смягчения наказаний за незначительные преступления.

Гражданская юстиция Англии отличалась такой же запутанностью подсудности и длительным сохранением средневековой системы различий судов общего права и судов справедливости. Основой судебной реформы XIX в. стало создание судов графств (в 1847 г.), на которых возлагалась основная гражданская юрисдикция. В каждом округе организовывался суд в составе профессионального судьи и профессионального адвоката (барристера).

Высшие суды (исторически – суды общего права) сохранили свои основные полномочия. Суд королевской скамьи по преимуществу рассматривал дела, в которых одной из сторон была корона, и гражданские иски, возникшие вследствие уголовных преступлений. Суд общих тяжб рассматривал обычные судебные процессы. Суд казначейства – споры, связанные с королевскими доходами.

Гражданскую юрисдикцию, кроме того, составляли суды справедливости. В XVIII в. система судов справедливости ограничивалась только канцлерским. Для ускорения разбора дел существовал суд лорда-канцлера и суд апелляционной инстанции. Наивысшей инстанцией был суд палаты лордов. Важное значение имели специальные суды. Заново организованный суд пробата (1857 г.) получил исключительную компетенцию разбора дел о наследстве. В 1857 г. был создан суд по делам разводов. Существовали также воинские суды, морские, промышленные и лесные.

Одним из основных разделов гражданского права являлось вещное право. Еще в средние века сложилось деление на реальные вещи (земля, растения, здания и документы, устанавливающие права на земельные участки) и персональные вещи (все прочие предметы).

Все вещные права в Англии рассматриваются как разновидности права собственности. Среди вещных прав также можно выделить право аренды недвижимости, сервитута, доверительной собственности, обеспечительные вещные права.

Отдельными подотраслями гражданского права являются договорное право и обязательства, возникающие из правонарушений. Общего понятия обязательства нет.

Характерные черты английского договорного права – требование точного определения прав и обязанностей сторон, требования от должника добросовестного исполнения обязательств.

В семейном праве долго сохранялась церковная форма брака, гражданский брак стал возможен только с 1836 г. Личные отношения супругов были основаны на главенстве мужа. Лишь с 1882 г. установлена самостоятельность замужней женщины в совершении сделок.

До достижения 21 года сыновья и дочери находились под отцовской опекой. Признание внебрачных детей допускалось только в исключительных случаях и только при согласии парламента. Наследование было возможно по закону и по завещанию.

Í ðááí ÑŒÁ. Развитие прецедентного права в США отличалось от английского. Если бы законодатель XIX в. устранил обязательную силу обычая и прецедента в Англии, то от всей ее юридической системы остались бы жалкие обломки, тогда как в Соединенных Штатах никогда не было периода, на протяжении которого право формировалось бы исключительно судебными решениями. И в колониальный период, и после получения независимости основу правовой системы США составляли законы. Деятельность американских судов неразрывно связана с актами законодательства и администрации. Прецедентное право США исполняет функции, во-первых, толкования законов, во-вторых, восполнения пробелов в законодательстве. Вследствие разделения властей судебные решения никогда не конкурировали с законодательством непосредственно, как в Англии.

Еще одно отличие американского права от английского – это несколько иное, более свободное действие правила прецедента. Высшие судебные инстанции штатов и Верховный Суд США никогда не были связаны своими собственными прецедентами. Отсюда их большая свобода и маневренность в процессе приспособления норм общего права к изменяющимся условиям в зависимости от конкретных условий места и времени. Как определил Верховный Суд США в деле Хертц против Вудмэна (1910 г.), правило прецедента, хотя и направлено на установление единообразия судебных решений и достижение постоянства, но не является жестким. Следовать состоявшимся решениям или отходить от них – этот вопрос оставлен на свободное усмотрение суда.

История права США изобилует примерами кардинального изменения норм прецедентного права, в том числе толкующих законодательство. Один из ярких примеров последних десятилетий связан с постановлениями Верховного Суда США по вопросам смертной казни: в 1972 г. решение по делу Фурмена на время поставило смертную казнь по всей стране как бы «вне закона», по крайней мере, применительно к действовавшему законодательству. Однако с 1976 г., после решения по делу Грегга, смертная

казнь снова оказалась в числе наказаний, которые могут быть назначены американскими судами.

Как во всех англосаксонских странах, в США прецедентное право неразрывно связано со статутным, то есть с законодательством. Оно восходит своими корнями к 1607 г., когда первые английские поселенцы, обосновавшиеся в Северной Америке, привезли с собой и английские статуты (писанные законы). Однако право метрополии применялось в колониях с оговоркой: «...в той мере, в какой его нормы соответствуют условиям колонии» (т.н. казус Кальвина). Иные социально-экономические условия и порядки в колониях способствовали зарождению в XVII-XVIII вв. собственного (колониального) законодательства, содержание которого отражало и отсутствие развитых феодальных институтов, и наличие рабовладения, и пуританские нравы.

Необходимость в исторически короткие сроки наладить жизнь в колониях придавала особый вес писанным актам органов власти и обуславливала создание новых местных законов. Американская революция 1776-1783 гг. выдвинула патриотическую идею полного отказа от английского права. Принятие независимыми штатами писанных конституций, а затем и ратификация федеральной Конституции 1787 г. стали важнейшими шагами на этом пути. Хотя США и остались в семье общего права, но – в отличие от бывшей метрополии – с начала XIX в. используют кодифицированное законодательство (Англии кодексы континентального типа неизвестны и поныне). Отдельные штаты, прежде являвшиеся колониями Франции (Луизиана) или Испании (Калифорния и другие), даже приняли некоторые кодексы романо-германского типа. Наиболее ярким примером этого стала рецепция в 1825 г. Кодекса Наполеона в Луизиане. Однако в целом нормы общего права господствуют на территории США.

Для англо-американской правовой системы характерна специфическая связь судебной практики и законодательства: новые законы не могут функционировать самостоятельно до тех пор, пока в результате правотворчества судов они постепенно не «обращут» судебными прецедентами, раскрывающими или уточняющими не только их отдельные положения, но порою принципиально меняющими их направленность, смысл, содержание. Так, классическим можно считать пример с направленным против монополий федеральным законом Шермана («Акт для защиты торговли и коммерции от незаконных ограничений и монополий» 1890 г.). Будучи принятым под давлением мелких производителей и торговцев, чей бизнес душили монополистические объединения, этот акт оказался использован не столько против трестов (как задумы-

вали в Конгрессе), сколько против профсоюзов (как перетолковали закон судьи). Множество подобных случаев доказывает, что в американском праве писаная норма права является, скорее, определенной основой для создания норм судей. Решение судьи как бы завершает формирование закона, который применяется именно так, как он впервые был истолкован судьей.

Весьма вольное отношение американских судов к истолкованию и применению действующих в данный период времени норм права породило в конечном счете большой разрыв между теми нормами, которые изложены на бумаге, и теми, которых фактически придерживаются органы, их применяющие. Зачастую, чтобы установить содержание той или иной американской правовой нормы, нужно знать не то, как она записана в соответствующем документе, а то, как она толкуется судами, то есть требуется досконально изучить множество судебных решений по конкретному вопросу. Вот почему можно сказать, что законодательство одержало лишь пиррову победу над общим правом. Вместе с тем большие возможности судебного воздействия на законодательство не отменяют того факта, что законы имеют в правовой системе США больший вес, нежели статутное право в Англии.

Это связано с наличием целой системы писаных конституций, которые, в свою очередь, суть порождение американского федерализма. В рамках англосаксонской правовой семьи отличительной особенностью американской правовой системы является то, что она формировалась и развивалась в условиях федерализма. Помимо союзной конституции и законов, существуют конституции, законы и оригинальная судебная практика 50-ти штатов, федерального округа Колумбия и имеющего с 1952 г. статус «свободно присоединившегося к США государства» Пуэрто-Рико. То, что в одном штате считается нарушением моральных норм, может в другом рассматриваться как тяжкое преступление. Штаты различаются своим семейным, финансовым, государственным правом. В результате на территории США действуют, помимо федеральной, еще 52 достаточно автономные правовые системы. С другой стороны, это означает, что на территории каждого штата, в округе Колумбия и государстве Пуэрто-Рико, проявляется дуализм правовой системы, то есть одновременно действуют местные нормы и нормы федерального права. Как и во всех федерациях, многие вопросы о разграничении компетенции штатов и союзного центра не решены однозначно. Следовательно, сферы действия обеих правовых систем взаимодействуют, нормы дублируют друг друга, противоречат одна другой. Такое положение естественно для любой федерации и является оборотной стороной тех благ, ко-

торые она предоставляет нации. Однако факт остается фактом: федерализм значительно усложняет правовую систему и вызывает в процессе ее функционирования эффекты как негативного, так и позитивного свойства.

Конечно, правовые системы субъектов федерации не отгорожены друг от друга китайской стеной. Они составляют региональные подгруппы, сложившиеся исторически. Так, в праве американского Юга сказывается рабовладельческое прошлое этого региона, когда детально регламентировался статус говорящей собственности. Фермерские штаты Запада имели свои проблемы, а торгово-промышленные штаты побережья – свои, что также отражалось в содержании их юридических норм. Если судьи Нью-Йорка рассматривали и рассматривают немало дел о морском страховании, то континентальный штат Кентукки, естественно, имел гораздо меньше подобных казусов. Если для северо-западных штатов в XIX в. были актуальны законы об общественных землях, то один из основателей союза – маленький Род-Айленд – решил эти проблемы еще в колониальную эпоху. Однако по мере изживания исторических особенностей правовые системы штатов все более унифицируются. Этому способствует также и начавшееся после Гражданской войны 1861-1865 гг. усиление роли и удельного веса федерального законодательства.

Сложности, вызываемые дуализмом правовой системы в США, сочетаются с проблемой, характерной для всего человечества в XX века, – резким, скачкообразным ростом количества нормативных актов и правовых норм. В американских условиях трудности усугубляются свойственным англосаксонской правовой семье казуизмом в изложении юридических норм: по традиции, порожденной и поддерживаемой судами общего права, юридические правила описываются весьма обстоятельно, с перечислениями разнообразнейших нюансов ситуации и очень близких друг другу альтернативных решений.

Точное количество законодательных актов, действующих в США, неизвестно, но их число примерно составляет 10^6 . Только публикация федеральных законов занимает около 25 000 страниц мелкого шрифта. Помимо миллиона законодательных актов, существуют тысячи томов судебной практики, которые ежегодно пополняются 300 томами новых прецедентов (а ведь публикуются далеко не все судебные решения).

Обилие юридических предписаний затрудняет правовое регулирование и защиту интересов граждан, корпораций и других юридических лиц. В последние десятилетия проблему стараются решить с привлечением компьютерной техники, но не сбрасывают

со счетов и проверенный со времен Хаммурапи и Юстиниана способ систематизации и кодификации норм права.

Наличие кодексов является характерной чертой американской системы права, отличающей ее от права Англии. Правда, американские кодексы неидентичны европейским: заокеанские юристы видят в них способ систематизированного воспроизведения уже имеющихся норм, так как они сложились и истолкованы судебной практикой. Тем не менее уже в половине штатов существуют гражданско-процессуальные, во всех – уголовные, в некоторых – уголовно-процессуальные, а в нескольких – даже гражданские кодексы. Наиболее значительная кодификация была проведена в штате Калифорния: в 1872 г. его законодательное собрание одобрило 4 кодекса по всем перечисленным выше отраслям права, в том числе образцовый для Соединенных Штатов гражданский кодекс.

С 1880-х гг. в большинстве штатов осуществляется издание сводов местного законодательства. Эти сборники состоят по различным схемам и на разном уровне юридической техники.

Потребности торгового оборота и обеспечения внутреннего единства национального права вызвали к жизни еще одну перспективную форму кодификации – создание так называемых единообразных законов и кодексов в тех отраслях права, где это возможно и необходимо. Предшественником современных работ в этом направлении явилось заимствование небольшими штатами законов и кодексов наиболее развитых штатов – Нью-Йорка, Калифорнии и прочих, что происходило в конце XIX в. В 1920-х гг. стал функционировать созданный на частные средства Американский институт права, который вместе с Американской ассоциацией адвокатов, а позднее и с Общенациональной комиссией представителей всех штатов публикует проекты единообразных законов и примерных (образцовых) кодексов для принятия их законодательными собраниями штатов.

Типовые проекты кодексов формируют положения действующего в США права, но в обобщенной и рационализированной форме. Нередко в проекте содержится несколько вариантов одной и той же нормы, чтобы местные законодатели могли выбрать наиболее подходящий для их штата. Несмотря на энергичные усилия, за последние сто лет штаты одобрили не более двух десятков единообразных актов, в основном в области торгового права. Наиболее удачной общенациональной кодификацией считается Единообразный торговый кодекс из 400 статей, предложенный в 1952 г. и принятый в 1960-х гг. большинством штатов.

Впрочем, необходимо иметь в виду, что судебная практика штатов по-прежнему автономна, и при применении единообраз-

ные законы не так сходны между собой, как на бумаге. Партикуляризм (раздробленность) прецедентного права, как и встарь, препятствует единству правоприменения.

Éííñèòóóèíííúé éííòðíëÿ Соединенные Штаты возродили один из интереснейших институтов государственного права античного мира – конституционный контроль. Успех американского примера способствовал распространению их национального правового института по всему миру – сначала в страны Латинской Америки, всегда испытывавшие особый интерес к праву США, а после двух мировых войн – на европейский континент и в Японию.

Для американских юристов издавна является очевидным, что Конституция, будучи основным источником права, – это не такой закон, как «все другие». Если законодательство остается чем-то чуждым, инородным, внешним по отношению к общему праву, то основной закон страны находится на особом положении: общее право черпает в нем свою силу. Конституция – закон романо-германского типа – господствует над корпусом норм общего права как выражение общественного договора, объединяющего граждан и обосновывающего полномочия государственной власти.

Право конституционного контроля принадлежит, в силу американского варианта принципа разделения властей (система «сдержек и противовесов»), судам, причем обычным, а не специализированным органам конституционной юстиции, как в странах Западной Европы или в России. В реализации правомочий конституционного контроля задействованы все звенья судебной системы. Суды штатов вправе проверять конституционность как законов штатов, так и федеральных законов. Любой суд США при рассмотрении конкретного дела может отказаться применить тот или иной закон, объявив его противоречащим конституции. Но в центре системы конституционного контроля находится Верховный Суд США. Ему как высшей судебной инстанции принадлежит последнее слово. Он вправе отменить любое решение нижестоящего суда и только его – Верховного Суда – решение является общеобязательным для всех судов страны; только та норма лишается силы, которая признана неконституционной Верховным Судом США.

Судебный конституционный контроль в США возможен лишь в связи с рассмотрением конкретного судебного спора. Значит, закон не может быть объявлен неконституционным до его вступления в силу. И ни президент, ни Конгресс, ни другой орган или частное лицо не вправе запрашивать мнение Верховного Суда США о правомерности или понимании как действующего, так и предполагаемого закона. С другой стороны, Верховный Суд США не полномочен по своей инициативе высказываться о конституци-

онности той или иной нормы: он должен ждать, когда на ее основе возникнет юридический спор, конфликт интересов, и только при разрешении этого конкретного казуса получит возможность вынести постановление о несоответствии нормы Конституции законам или договорам Соединенных Штатов Америки.

Важно, что конституционный контроль в США состоит не только в проверке оспариваемых законов на уровне штатов или федерации, но и в проверке конституционности действий (либо, наоборот, отказа от действий) должностных лиц федерации и штатов. Ярчайшим примером этого стало уотергейтское дело об установке с ведома Президента США республиканца Ричарда Никсона подслушивающих устройств в расположении штаб-квартиры демократической партии в отеле «Уотергейт» («Водяные ворота»). В результате расследования Президент США был вынужден уйти в отставку (начало 1970-х гг.).

Точно так же Верховный Суд США производит контроль конституционности судебной практики, в частности установившихся прецедентов.

Конечно, «пропускная способность» Верховного Суда США, состоящего всего из 9 судей, невелика, и он берется рассматривать только принципиально важные казусы. Отсюда нередкие обвинения в адрес Верховного Суда США в том, что он предвзято подходит к отбору слушаемых дел и подчиняет свои решения не праву, а политике. В самом деле, одни и те же нормы Конституции Верховный Суд США на протяжении своей двухвековой истории толковал по-разному. Так, в 1896 г. он признал, что сегрегация (то есть разделение услуг, учреждений, школ и прочего по расовому признаку) не противоречит конституционному принципу равенства всех американских граждан, если только предоставляемые услуги остаются равными. Спустя 60 лет другой состав судей Верховного Суда США под председательством либерала Эрла Уоррена рядом решений запретил сегрегацию. Однако отделение судебных учреждений от политических влияний – задача трудно разрешимая. Иногда консерватизм, свойственный Верховному Суду США как высшему толкователю Конституции, оказывал благотворное воздействие на развитие общества, предотвращая революционные скачки.

При всем том знаменитый афоризм одного из председателей Верховного Суда США – «Конституция – это то, что о ней скажут судьи» – заставляет многих задумываться о природе столь обширных полномочий девяти должностных лиц, которые не избраны нацией, а пожизненно назначены исполнять свои священные обязанности решением Президента США и сената США. Ведь Кон-

ституция США не упоминает о конституционном контроле. Права Верховного Суда США определены только законом, утвержденным Конгрессом и подписанным Президентом США.

Таким образом, право конституционного контроля Верховного Суда США выглядит как самоограничение законодательной власти. Но в действительности этот институт государственного права представляет собой яркий пример неписаной конституционной нормы, которая восходит к колониальной эпохе, когда суды имели право нуллификации (отмены) тех постановлений законодательных ассамблей, которые, по мнению судей, вступали в противоречие с утвержденными английской короной хартиями колоний. Вошедший в привычку конституционный обычай был использован в начале XIX века главным судьей США Джоном Маршаллом при решении незначительного на первый взгляд казуса (дело Марбури против Мэдисона, 1801 г.) и затем закреплен рядом прецедентов.

В начале XX в. интенсивность использования Верховным Судом США права конституционного контроля резко возросла. К настоящему времени Верховный Суд США полностью или частично лишил юридической силы около полутора ста федеральных законов и около тысячи законов штатов или отдельных положений их конституций. Однако еще больше актов законодательства нашли поддержку у Верховного Суда США.

Судебная власть – одна из «священных коров» американской демократии. Судья, прокурор, адвокат – все это уважаемые и необходимые обществу профессии. Несмотря на огромное количество проблем и немалые недостатки, американская система правосудия остается одной из лучших в мире. Ее традиции и принципы заслуживают тщательного изучения и разумного заимствования (конечно, при условии учета особенностей и исторического пути конкретной национальной правовой системы).

Каждое общество прогрессирует постепенно. И США далеко не сразу стали образцом правовой процедуры и справедливого суда.

Так, тяжелым грузом для американской правовой жизни длительное время – с конца XVIII до начала XX вв. – оставался широко распространенный среди граждан обычай вершить суд самостоятельно, организованное внеправовое правосудие – суды «бдительных». Этот термин обозначает группу участников внеправового уголовного правосудия в форме линчеваний, т.е. казней, приводимых в исполнение возбужденной толпой. Линчевание получило свое название по фамилии полковника Чарльза Линча, который в 1779-1780 гг. ввел подобные казни в порядке общего террора в революционной Вирджинии.

Подобные нарушения правосудия давно отошли в прошлое, ибо уже в XIX веке законодательство США и нормы общего права

предусматривали совсем иное. Присоединенные к федеральной конституции в 1791 г. первые десять поправок («Билль о правах») являются своеобразным мини-кодексом судебной процедуры. Непосредственно Конституция США запрещает необоснованный обыск, арест и чрезмерный залог. Она гарантирует рассмотрение дел судом присяжных и защиту против незаконного заключения в тюрьму. Эти гарантии унаследованы американским правосудием от знаменитейшего документа английского процессуального права (Habeas Corpus Act, 1679 г.), им развиты и дополнены.

Для американской юстиции характерно учение о должной правовой процедуре. «...Никто не должен лишаться жизни, свободы или имущества без должной правовой процедуры», – зафиксировала V поправка к Конституции США. Принцип должной правовой процедуры задуман как средство ограждения интересов личности от незаконных притеснений государства. Ведь в правосознании широких слоев американского населения издавна укоренилось мнение, что власть всегда склонна к злоупотреблениям.

В американских судах принцип должной правовой процедуры толкуется с достаточной степенью неопределенности. Однако с его осуществлением связано представление как минимум следующих процессуальных гарантий: право обвиняемого ознакомиться с существом обвинения, право на защиту, право на скорое разбирательство дела правомочным и справедливым судом.

Как свидетельствуют нормы, суммированные в типовом УПК Соединенных Штатов Америки, еще в начале XX века жители США располагали защитой закона, обеспечивавшего им правовые гарантии на стадии задержания и предъявления обвинения.

Лишение свободы представляет собой чрезвычайную меру. Англосаксонская правовая традиция усвоила эту незамысловатую истину более трех столетий назад. Поэтому даже задержание заведомо опасного преступника обставлено особыми формальностями, несоблюдение которых делает его незаконным. Важнейший шаг в направлении расширения прав подзащитных был сделан в 1960-х гг. с помощью Верховного Суда США под руководством Э. Уоррена. Согласно постановлению Верховного Суда США по делу Миранда против Аризоны (1964 г.) полиция обязана информировать подозреваемого о его конституционных правах, включая право не отвечать на вопросы.

Образец предостережения Миранда.

1. Вы имеете право молчать.
2. Любое Ваше слово может быть истолковано против Вас в суде, действующем по нормам уголовного кодекса или (общего) права.

3. Вы имеете право на беседу с адвокатом и на его присутствие с Вами во время допроса.

4. Если Вы не можете себе позволить нанять адвоката, любой адвокат будет приглашен перед допросом, чтобы представлять Ваши интересы, если Вы хотите.

5. В любое время Вы можете решить использовать эти права и не отвечать ни на какие вопросы или не делать никаких заявлений.

Отказ от права.

После предостережений и для обеспечения права отказа следует задать следующие вопросы и получить утвердительный ответ на каждый из них.

1. Поняли ли Вы каждое из тех прав, которое я Вам объяснил?

2. Имея в виду эти права, готовы ли Вы говорить с нами сейчас?

До тех пор, пока соответствующий отказ и предшествующие ему предупреждения не продемонстрированы обвинением в суде, никакое свидетельство, полученное в результате допроса подозреваемого, не может быть использовано против него.

Не все дела о правонарушениях доходят в США до стадии судебного разбирательства. Одним из способов разгрузки судов от массы дел, которые на них сваливаются обществом, является институт «сделок о признании», не кажущийся идеальным даже американским юристам.

Сущность этого института, присущего прежде юстиции США, а ныне появляющегося и в Великобритании, состоит в том, что обвиняемому предлагается выбор: либо потребовать судебного разбирательства по предъявленному ему обвинению, либо признать себя виновным в менее тяжком преступлении.

Так, согласно ст. 220.10 УПК штата Нью-Йорк «обвиняемый может с разрешения суда и с согласия обвинителя признать свою вину в менее тяжком преступлении». Возможны и другие варианты сделки. Например, в обмен на признание им своей вины прокурор обещает обвиняемому, что он снимет некоторые пункты обвинения либо будет рекомендовать суду назначить менее суровое наказание.

В американском журнале «Ридерс Дайджест» в статье под характерным названием «Сделки о признании – серьезная угроза правосудию» приводятся, в частности, такие примеры: обвиняемому в трех ограблениях было предложено признать себя виновным в одном из них, и тот согласился; обвиняемому в вооруженном ограблении, приставившему нож к груди потерпевшего, было в результате сделки предъявлено обвинение лишь в мелкой краже, поскольку отнятая сумма не превышала 100 долларов; обвинение в умышленном убийстве, ограблении и убийстве при совершении фелонии было сведено к обвинению в одном только ограблении.

Следует подчеркнуть, что сделки о признании – не исключение, а преобладающий в американской юстиции способ разрешения уголовных дел. По различным оценкам, процент обвиняемых, которые соглашаются на сделку о признании, колеблется в пределах от 80% до 90% от общего числа лиц, предстающих в США перед судом. Причем совершаются такого рода сделки, как правило, очень быстро: после короткой беседы, в которой участвуют судьи, прокурор и адвокат, обвиняемому предлагают дать немедленный ответ, согласен ли он с выработанными условиями сделки. Например, в нью-йоркском суде судьи в среднем рассматривают по 300 такого рода дел за один присутственный день.

Очевидно, что при такой системе в наихудших условиях оказываются те обвиняемые, которые принадлежат к угнетенным и дискриминируемым слоям общества. До вызова в суд они чаще всего находятся в тюрьме, и отказ признать себя виновным означает для них перспективу дальнейшего пребывания там в долгом ожидании судебного разбирательства.

Особенности американской судебной процедуры таковы, что во многих случаях обвиняемые, несмотря на совершенные ими преступления, были бы оправданы: требования к уровню доказательств в американском суде очень высокие. Кроме того, общество экономит при этом огромные денежные суммы. Подлинное правосудие – чрезвычайно дорогое приобретение западной цивилизации.

Дороговизна юстиции и невероятная перегруженность судов приводят к тому, что большинство дел рассматривается в процессе так называемого «суммарного производства» (в среднем по минуте на одно дело, где каждый обвиняемый – не более чем номер в списке назначенных к слушанию десятков дел за день). Но наиболее важные дела все-таки рассматриваются судом присяжных, который в США используется гораздо интенсивнее, нежели в Англии.

Подводя итог, следует подчеркнуть: не существует совершенных правовых систем. Тем не менее институты американского права во многих случаях являются классическими и могут быть образцом для подражания в тех государствах, которые стремятся построить общество либеральной демократии.

ГЛАВА 3. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В бурных потрясениях XX века Великобритания осталась практически единственным «островом стабильности», избежавшим диктатуры, иностранной оккупации, смены политико-правового режима. Однако перемены в экономическом укладе и социальной структуре Великобритании, распад Британской империи, демократизация общественной жизни на протяжении XX-начала XXI вв. существенно изменили традиционную двухпартийную систему.

Экономическое и политическое положение Великобритании после первой мировой войны значительно изменилось. Ее финансово-экономические позиции были ослаблены. Промышленное производство сократилось, на нужды войны растрочена треть национального богатства страны. Если до войны Англия являлась кредитором США, то после войны Англия задолжала Соединенным Штатам 4 миллиарда долларов.

Дальнейшее развитие государственно-монополистического капитализма вызвало усиление позиций крупных предпринимателей и ослабление земельной аристократии, расслоение промежуточных между рабочими и предпринимателями групп населения. Поляризация социальных сил отчетливо обозначилась сразу же после завершения войны. Обострилась борьба различных течений внутри самого рабочего движения. Большую активность проявляло движение «меньшинства» – революционная оппозиция в английских профсоюзах.

Yâîëpöëÿ ñëñòàì ù îîëëòè:âñëëõ îâðòëé. У власти в Англии после окончания войны находилось коалиционное правительство Ллойда Джорджа, куда входили либералы, консерваторы и лейбористы. В 1918 г. парламент принял «Акт о народном представительстве», на основе которого была проведена парламентская реформа. В результате право участвовать в выборах получили женщины, достигшие 30-летнего возраста. Число избирателей сразу возросло с 8 до 21 млн. человек. Однако классовые противоречия заставили лейбористское руководство выйти из правительства. На выборах в парламент 14 декабря 1918 г. большинство мест в нижней палате получили консерваторы и либералы, и правительство вновь возглавил Ллойд Джордж как наиболее опытный политический деятель.

В январе 1924 г. формирование правительства впервые было поручено лидеру лейбористской партии Р.Макдональду. Правительство лейбористов провело в жизнь ряд важных мер в интере-

сах трудящихся: разработан и принят план увеличения субсидий на жилищное строительство, повышены размеры пособий по безработице, увеличены размеры пенсий для стариков и инвалидов, снижен акцизный налог на сахар и другие продовольственные товары. Победа лейбористской партии и переход в ее руки правительственной власти встревожили правящие круги, однако руководящие посты в первом лейбористском правительстве заняли правые лидеры партии, внешняя и внутренняя политика которых отвечала интересам крупной буржуазии. Это вызвало недовольство рабочего класса «национальным правительством» Р. Макдональда. В августе 1924 г. движение «меньшинства» провело общеанглийскую конференцию, на которой призвало трудящихся к сопротивлению лейбористскому правительству. В ноябре 1924 г. лейбористский кабинет подал в отставку. «Мы были в правительстве, но не у власти», – оправдывались лейбористские лидеры, в том числе и бывший премьер-министр Р. Макдональд, ссылаясь на то, что в парламенте не было их большинства.

24 октября 1924 г. на парламентских выборах консерваторы вернули себе власть, получив абсолютное большинство мандатов. Новое правительство возглавил лидер консерваторов С. Болдуин, который заявил, что «все рабочие нашей страны должны согласиться на снижение заработной платы». В ответ началась всеобщая стачка. Правительству пришлось отступить. На очередных выборах победу вновь одержали лейбористы. Макдональд сформировал так называемое «национальное правительство», в которое вошли кроме лейбористов консерваторы и либералы. Основное завоевание лейбористской партии состояло в том, что она прочно заняла место в парламенте. С 1923 г. уже не консерваторы и либералы, а консерваторы и лейбористы сменяют друг друга в правительстве Великобритании.

В годы второй мировой войны правительство Великобритании бесменно возглавлял лидер консервативной партии У. Черчилль. Весной 1945 г., в дни Потсдамской конференции стран-победительниц, проходили очередные парламентские выборы, на которых консерваторы были оттеснены на второе место и вынуждены были уступить лейбористской партии. У. Черчиллю пришлось уйти в отставку, хотя консерваторы надеялись на него как на известного политического и военного деятеля. Новое правительство сформировал лейборист К. Эттли, прибывший в Потсдам вместо У. Черчилля для дальнейших переговоров на конференции. С этого времени завершилось окончательное становление двухпартийной системы в том виде, в каком она действует в Великобритании и в настоящее время.

Правительство К. Эттли стремилось вывести страну из тяжелого послевоенного положения с помощью американских займов. В декабре 1945 г. США выделили Великобритании экономическую помощь в 4400 млн. долларов. В последующие годы Великобритания преодолевала послевоенный кризис при помощи «плана Маршалла», получив от США еще 2321 млн. долларов в виде поставок и 337 млн. долларов в качестве займов.

В модифицированной двухпартийной системе Великобритании среди двух главных партий только одна была буржуазной – консервативная. Консервативная партия (наследница тори) организационно оформилась в середине XIX в. Особый вклад в укрепление позиций партии внес У. Черчилль, возглавлявший правительство в годы второй мировой войны. Около 40% избирателей традиционно голосовали за консерваторов на выборах в парламент и органы местного самоуправления.

Вместе с тем период послевоенного лейбористско-консервативного консенсуса, на основе которого создавалось и поддерживалось государство всеобщего благоденствия, остался позади. Британская доля в мировой торговле, составлявшая в 1899 г. 1/3, а в 1950 г. – 1/4, уменьшилась к концу XX в. до 1/20. На протяжении 1950-1996 гг. Британия отставала от большинства европейских соседей и от США по средним темпам производственного роста. Заговорили даже о национальном упадке родины индустриализма.

Длительное нахождение консерваторов у власти (с 1979 по 1997 гг.) и жесткий курс Маргарет Тэтчер, ориентированный на ценности свободного предпринимательства и саморегулирующегося рынка, на переход от кейнсианства к монетаризму, дали сильный импульс структурным реформам в экономике: приватизации, ликвидации малопроизводительных производств, либерализации рынка труда, уменьшению налоговых ставок и пр. В конце 1990-х гг. ее экономика была признана одной из наиболее динамично развивающихся в Европе.

Уже при преемнике «железной леди» – Джоне Мэйджоре – консерваторы смягчили «новый правый курс», увеличили социальный бюджет. Перейдя в оппозицию, партия в последние годы пытается переработать свои подходы к социальной политике и ценностям солидарности, оперирует идеями «одной нации», «сострадабельного» и «гражданского» консерватизма. Однако все эти коррективы и акценты не спасли консерваторов от самых сокрушительных поражений на общенациональных выборах 1997 и 2001 гг.

Либеральная партия, созданная в середине XIX в., чей лидер Ллойд Джордж возглавлял кабинет министров в 1916-1922 гг., по-

степенно утратила статус правящей партии – альтернативы консерваторам, лишилась социальной базы и политических позиций. Часть ее членов вместе с отколовшимися социал-демократами в 1988 г. образовали социал-либеральную партию, выступившую с программой парламентских реформ и расширения гарантий гражданских свобод.

С 1920-х гг. значение политического противовеса консерваторам приобрела лейбористская партия, объединившая профсоюзы и несколько организаций социалистической ориентации. В 1918 г. в устав партии был включен пункт о создании общественной собственности на средства производства, любое расширение деятельности государства рассматривалось как путь к социализму. Хартия 1947 г. закрепила идею «построения государства всеобщего благоденствия». Устав 1950 г. предполагал более оформленную партийную организацию; индивидуальное и коллективное постоянное членство (главным образом, тред-юнионы) обеспечило массовость партийных рядов лейбористов.

Лейбористы, прошедшие в 1980-х гг. период резкого полевения и раскола, в 1990-х гг. консолидировались на качественно переработанной политической платформе. Под руководством Тони Блэра – политика новой формации – партия порвала с традиционным этатизмом, взяла на вооружение разнородные идеи последних десятилетий и сконструировала концепцию «третьего пути». Это идея, выдвигаемая Тони Блэром и немецким канцлером Генрихом Шредером, – одна из самых амбициозных социал-демократических заявок на стратегию обновления западной демократии. В более общем смысле идеология «нового лейборизма» и правление кабинетов Тони Блэра ознаменовалось провозглашением курса на широкомасштабную модернизацию британского общества и государства, включая территориальное устройство и многовековые конституционные устои Соединенного Королевства. В программу конституционной реформы входят реформирование парламента и изменение баланса сил в отношениях исполнительной власти и палаты общин в пользу последней, введение региональной автономии, переход к пропорциональной избирательной системе и изменение законодательства по правам человека.

Намерение осуществить деволюцию стало одним из главных отличий лейбористской программы от консервативного курса, обеспечившего победу Тони Блэра на выборах. В 1998-1999 гг. начали свою работу парламент Шотландии, Ассамблеи Северной Ирландии и Уэльса. В девяти регионах Англии созданы агентства регионального развития – структуры в основном экономического профиля, планируется проведение референдумов о введении ре-

гиональной автономии и избрании региональных ассамблей. Однако, как показывает опыт начала XXI столетия, перспективы этих реформ и их многообразные последствия далеко не просты и не ясны. Хотя принцип парламентского суверенитета остается неизменным в теории, целый ряд правительственных инициатив (создание парламентов в Шотландии и Уэльсе, органов самоуправления с особым статусом в Лондоне, присоединение к Европейской конвенции по правам человека и др.) подрывает парламентские позиции в конституционной сфере.

Соперничество трех партий – консерваторов, либералов и лейбористов – в период между двумя мировыми войнами сменилось во второй половине XX в. так называемой «2,5 системой». В качестве третьей политической силы, не претендующей на статус правящей партии, но оказывающей влияние на парламентское противоборство, выступают как либералы (6 млн. голосов на выборах 1974 г.), так и националистические движения, выступающие за независимость своих регионов: Шотландская национальная партия, партия «Свободного Уэльса», ирландские националисты.

Основополагающим мотивом деятельности поочередно правящих партий консерваторов и лейбористов была полная поддержка существующих государственно-правовых институтов: это конституционные партии, которые вели борьбу за преобладание в парламенте и право формирования кабинета министров.

Реформирование существовавшей партийной системы связано, во-первых, с официальным признанием статуса «оппозиции Его Величества» в начале XX в. (участие в обсуждении бюджета, 29 дней для вопросов, обсуждаемых в интересах оппозиции в каждой из сессий, согласование некоторых ключевых политических вопросов с ее лидерами), во-вторых, приобретением оппозицией статуса государственного института (введение оплачиваемых должностей лидера оппозиции по Закону о министрах короны 1937 г., парламентских «кнутов» с 1964 г.), в-третьих, закрепление конституционным обыкновением «теневого» кабинета в составе лидера оппозиции, его заместителя, парламентского «кнута», 12 «теневых» министров, которые обязательно находятся в курсе важнейших государственных дел страны.

Ἰ ἀδέϊαι αἰ ὀ. В новейшее время парламент сохранил традиционное положение и формы деятельности. Эволюция парламентаризма выразилась в изменении соотношения полномочий палаты общин и палаты лордов, а также во взаимоотношениях парламента с правительством.

Палата общин в начале XXI века состоит из 650 депутатов: 523 – от Англии, 72 – от Шотландии, 38 – от Уэльса, 17 – от Се-

верной Ирландии. Депутаты работают на профессиональной основе и с 1911 г. получают постоянное жалование.

Палата лордов более многочисленна: 1195 пэров в начале 1990-х гг. На протяжении XX в. она оставалась оплотом консерваторов. В состав палаты входят светские и духовные пэры. К светским пэрам и пэрессам относятся наследственные пэры (потомки старинной земельной аристократии, пожизненные пэры, имеющие титулы, пожалованные в XIX в.; лорды по апелляциям, назначенные для осуществления судебных полномочий палаты лордов). К числу духовных пэров относятся архиепископы и епископы. Важной особенностью верхней палаты стало увеличение до 1/3 числа назначенных (пожизненных) пэров, что использовалось кабинетом министров (прежде всего лейбористами) для укрепления своих позиций.

Эволюция вестминстерской модели парламентаризма в XX в. обусловлена возрастанием роли палаты общин в сравнении с палатой лордов как следствия, во-первых, объективного процесса демократически избранных депутатов, отражающих позиции массовых партий, во-вторых, целенаправленной законодательной политики. Актом о парламенте 1911 г. установлен законодательный приоритет палаты общин: не требовал одобрения палаты лордов законопроект, признанный палатой общин финансовым либо одобренный коммюнерами на трех сессиях подряд. Право законодательного вето палаты лордов было отменено, она лишь вправе с 1949 г. отсрочить введение закона на 1 год. После второй мировой войны законодательные полномочия верхней палаты подверглись дальнейшим ограничениям. С 1945 г. палата лордов обязана утверждать любой билль (за исключением актов делегированного законодательства), принятый палатой общин во исполнение предвыборной программы правящей партии, победившей на общенациональных выборах. Это отразило принципиальный поворот от признания парламентского суверенитета к приоритету национального, народного суверенитета. Наконец, акт о пэрстве 1963 г., установивший право отказа от титула в пользу возможного членства в палате общин, подтвердил относительное снижение политического веса палаты лордов. Однако и по сей день она сохраняет большое влияние и способна оказывать сильное политическое давление.

Развитие избирательного права на протяжении XX-начала XXI вв. отмечено демократизацией и введением всеобщего избирательного права. Согласно акту о парламенте 1911 г. срок полномочий палаты общин сокращен до 5 лет. Законом 1918 г. избирательные права предоставлены всем мужчинам старше 21 года и частично женщинам (старше 30 лет, владеющим недвижимостью с доходом 5 фунтов в год). В 1928 г. избирательные права мужчин и

женщин были уравнены. Наконец, в 1945 г. основания ограничения активного избирательного права были упрощены. Избирательных прав были лишены несовершеннолетние, пэры, душевнобольные, осужденные и не отбывшие наказание, осужденные за избирательные преступления, шерифы – уполномоченные по выборам. Ограничения пассивного избирательного права более обширны и включают также лиц, получающих пенсии от короны, банкротов и др. В 1969 г. возрастной ценз был снижен до 18 лет (до 21 года – для пассивного права).

Изменения коснулись и избирательной системы. К 1948 г. были изжиты остатки корпоративного представительства и введено территориальное равенство. От избирательного округа (70 тыс. избирателей) выдвигается один депутат, получивший относительное большинство поданных голосов. С 1985 г. право участвовать в выборах получили британцы, проживающие за границей.

Взаимоотношения парламента и правительства характеризовались постепенным сокращением влияния парламента на министров в текущей деятельности. Лишь дважды – в 1924 и 1979 гг. – парламента выносил вотум недоверия кабинету министров. На основании акта о борьбе с терроризмом 1974 г. в практику вошло требование «спешности» обсуждения публичного билля – практически без прений. «Закрытие прений» по тому или иному вопросу применялось достаточно часто.

В 1967 г. появился новый конституционный институт, значимый для координации взаимоотношений парламента и правительства, – омбудсмен – парламентаский уполномоченный по делам администрации. Омбудсмен назначается правительством по согласованию с парламентом и занимается проверкой деятельности министерств в отношении соблюдения гражданских прав. Институт уполномоченного расширил парламентаский контроль за деятельностью правительства и способствовал упрочению связи парламента с избирателями.

Главой государства Великобритании является монарх. Он считается верховным носителем исполнительной власти, главой судебной системы, верховным главнокомандующим армии, светским главой англиканской церкви.

Ī ðààèò àéüñò âĭ. Среди государственных институтов Великобритании XX в. особое место занимает кабинет министров. Должность премьер-министра приобрела самостоятельный конституционный статус. К середине XX в. было общепризнанно, что премьер-министр представляет главу правительства и не возглавляет конкретных ведомств. На протяжении новейшего времени сложился конституционный обычай: монарх выбирает премьер-

министра только из членов палаты общин. Премьеру как лидеру парламентского большинства в палате общин принадлежит право решать вопрос о роспуске парламента, обычно монарх следует его просьбе. Премьер-министр определяет персональный состав правительства, по его личному представлению производятся присвоение монархом пожизненного пэрства по закону 1958 г., награждение орденами, титулами и пр.

Состав правительства в течение XX века вырос количественно (до 90-100 человек, из них 20-22 человека традиционно составляют кабинет министров). Правительство структурно делится на четыре категории:

- 1) главы ведомств, то есть государственные секретари и лорды;
- 2) министры «без портфеля» и лорды специальных поручений;
- 3) государственные министры – заместители глав ведомств;
- 4) младшие министры или парламентские секретари.

Развитие государственного строя Великобритании в XX в. сводится к усилению исполнительной власти.

В 1914 г. было приостановлено действие Habeas Corpus Act и принят Акт о защите государства, передававший правительству на время войны всю полноту власти. После окончания войны закон был отменен, но отдельные положения продолжали применяться.

В 1920 г. принят Закон о чрезвычайных полномочиях, согласно которому правительство от имени короля могло объявлять чрезвычайное положение. В 1939 г. парламентом закреплен новый акт о чрезвычайных полномочиях, предоставляющий исполнительной власти полномочия на издание таких предписаний, какие правительство считает необходимыми для обеспечения общественной безопасности.

Предоставляя правительству чрезвычайные полномочия, парламент передал ему и законодательную власть. Так появился институт делегированного законодательства, то есть право правительства издавать конкретные законоположения на основании общего законодательного поручения парламента. Специальным актом 1946 г. делегированное законодательство было преобразовано в постоянный конституционный институт; вопросы государственной безопасности, борьбы с терроризмом, обеспечения «жизненно важных функций» государства были признаны постоянным предметом законодательных распоряжений правительства.

Центральная администрация на протяжении XX века существенно разрослась. В начале XXI столетия насчитывается около 15 крупных министерств: внутренних дел, обороны, иностранных дел и по делам Содружества, финансов, торговли и промышленности, занятости, здравоохранения и социального обеспечения, образования и науки, по делам окружающей среды и др.

ром внутренних дел централизованно. Согласно Акту о полиции 1964 г. министр внутренних дел вправе проводить слияние полицейских формирований, определять размер субсидий местным выборным органам для содержания местной полиции. Особое положение военно-полицейского аппарата характерно для Северной Ирландии в связи с вооруженным конфликтом двух религиозных общин. Так, в 1872 г. установлен режим «прямого управления» из Лондона.

Полномочия полицейских служб неуклонно возрастали на протяжении XX в. Акт о возбуждении недовольства 1934 г., акт о правопорядке 1906 г. существенно расширили возможности полиции относительно проведения обысков, применения силы и запрещения манифестаций. Преступные действия ИРА и террористических мусульманских организаций, взрывы и жертвы среди мирного населения (например, взрывы на станциях лондонского метрополитена в 2005 г.) потрясли общественность и стали объективными основаниями для серии актов о предотвращении терроризма 1974, 1975, 1979 гг., закона о полиции 1986 г., предоставившего почти неограниченное право произвольных арестов «подозрительных лиц» и «лиц, заинтересованных в терроризме».

Ἀδὲ οὐαί ηἰτῆ ἀπ᾽ ὀβραίων αἰ ἰαὸεέ. Чрезвычайно важно, что в начале XX века британские политики обладали и идеей, и базой для создания новой ассоциации на основе империи. Позиция для отступления в виде Содружества была подготовлена. Первоначально под термином «Содружество» имелась в виду общность интересов, сложившаяся между Соединенным Королевством, Канадой, Австралией, Новой Зеландией и Южной Африкой. Она касалась экономических связей, религии, общественного устройства, единых юридических норм, системы образования, языка, а также политических, культурных и бытовых традиций. Важным стало и военное сотрудничество этих государств в годы первой (а впоследствии и второй) мировой войны. В 1931 г. Вестминстерским статутом было оформлено существование Британского Содружества наций. Первым «цветным» претендентом на членство в этом англоязычном клубе «белых» доминионов под суверенной властью британского монарха стала Индия. Правда, после провозглашения в 1949 г. бывшей колонии республикой британский король Георг VI был признан не главой индийского государства, как прежде, но «символом свободной ассоциации государств-членов и главой Содружества».

Непосредственными стимулами к формированию нового направления имперской политики «колониального развития» стали освободительная борьба народов Индии, волнения на Золотом Берегу и на плантациях Вест-Индии, мировой экономический кризис

1930-х гг., следствием которого стал выросший спрос на британские товары.

Проведение политики «колониального развития» выразилось в двух масштабных мероприятиях: принятии актов о развитии и благосостоянии колоний и реформах колониального управления. Суть перемен заключалась в отказе от так называемого двойного мандата лорда Лугарта, предусматривавшего принцип двух управлений: племенных вождей и британской колониальной администрации.

Разработка Акта о колониальном развитии и благосостоянии была завершена к началу 1940 г. новый билль обязывал министерство колоний обеспечивать долговременное планирование и ассигнования в сумме 5 млн. фунтов стерлингов, что при огромных размерах империи оборачивалось для каждой колонии небольшим вкладом. По замыслу авторов билля, денежные средства должны были стимулировать развитие местных ресурсов и обеспечить расширение системы образования, здравоохранения, улучшение условий труда. Следующий аналогичный билль прошел через парламент весной 1945 г. и предусматривал ассигнование 120 млн. фунтов стерлингов сроком на 10 лет, прежние приоритеты – расходы на социальные нужды и образование – были оставлены. Развитие колониальной промышленности не поощрялось.

С 1940 г. в британской прессе появился термин «неоколониализм», относящийся к концепции «колониального развития» и призванный подчеркнуть наличие позитивных моментов в колониальной стратегии в целом.

Многолетняя деятельность британского миссионерства наряду с другими факторами смягчила и деколонизацию. Примечателен тот факт, что благодаря усилиям англиканских миссионеров и при поддержке государственной Церкви Англии в пределах Британской империи сложилось Англиканское содружество, существующее в настоящее время параллельно с политическим Содружеством. Возглавляя Содружество, Великобритания продолжала опираться на англиканские и иные христианские церкви, действующие в странах этого политического объединения.

С середины 1950-х гг. и лейбористы, и консерваторы, находившиеся у власти с 1951 по 1964 г., признали приоритет политического прогресса и необходимость отказа от имперского контроля. Но имелись две группы колоний – переселенческие и колониальные базы, для которых вопрос независимости долгое время оставался открытым. В 1963 г. распался последний форпост колониализма в Африке – Центрально-африканская федерация, включавшая три колонии с «белыми общинами» – Северную и Южную Родезии и Ньясаленд. Отступление Лондона в данной области означало, что

расовая проблема на всех этих территориях была решена в пользу чернокожего населения. Для укрепления Содружества Великобритании пришлось жертвовать привилегиями, а иногда и благополучием своих соотечественников.

В отношении колоний-баз политика метрополии вплоть до 1960 г. оставалась неизменной. Считалось, что ни одна территория не может быть оставлена Британией, если это угрожает имперской стратегии.

Хотя Лондон пытался маневрировать, используя разногласия в освободительном движении и военную силу, деколонизация стала реальностью в 1956 г. с поражением Англии в Суэцкой войне и получением независимости Золотым Берегом. В январе 1960 г. речь премьер-министра консерватора Г. Макмиллана о «ветре перемен» означала ускорение и бесповоротность деколонизации. 1960 г. вошел в историю как «год Африки», так как в течение этого года 17 колониальных стран добились независимости.

Уход Англии с имперских территорий стал достаточно болезненным процессом для британского общества, а внимание ООН и антиколониальная политика двух сверхдержав – Советского Союза и США – еще больше усугубляла положение метрополии. Часть своих намерений метрополия не успела осуществить, что-то было обречено на неудачу из-за традиций азиатской и африканской цивилизаций: представительные институты Запада, перенесенные на индийскую или африканскую почву, так и не смогли стать инструментами демократического устройства общества.

В результате деколонизации Великобритания потеряла не только империю. Утратил свою актуальность миф об англосаксонском превосходстве – стержень имперской идеи. Однако британцы доказали свое умение менять тактику управления и уходить с зависимых территорий, не приобретая новых врагов. Содружество как наследие колониального прошлого Великобритании существует и в начале XXI века.

Áäëéîáðèòáíëÿ â íà:äëá XXI ääéà. Великобритания – одна из наиболее высокоразвитых стран, участница «большой восьмерки», глава Британского Содружества, постоянный член Совета Безопасности ООН, обладательница стратегического ядерного потенциала, привилегированный партнер США, влиятельный член НАТО, Европейского Сообщества и других западноевропейских институтов.

На протяжении столетий Англия находится в авангарде мировых процессов социального преобразования. Ей принадлежит первостепенная роль в становлении общественной системы Запа-

да. Она представляет собой показательный образец принципов и тенденций эволюции этой социальной модели.

Британия является той частью Старого Света, которая стала «колыбелью» рационалистического индивидуализма и либеральных ценностей, торгово-промышленного капиталистического хозяйства, парламентаризма и представительной демократии. Она по праву считается олицетворением устоев гражданско-либеральной политической культуры и одним из классических примеров западного «государства-нации».

Здесь наглядно проявилась смена различных моделей хозяйственного регулирования – рыночного, корпоративного, государственного.

В традициях английской внешней политики и внешнеполитической мысли ярко воплотились глобальные устремления Запада с их внутренними противоречиями между экспансией, самоутверждением, преследованием собственных либо блоковых интересов, с одной стороны, и универсалистской идеологией свободы, равенства, демократического самоопределения – с другой.

В начале XXI века перечень главных британских институциональных особенностей весьма внушителен: отсутствие единого конституционного документа, наследственное пэрство и неизбираемая верхняя палата парламента, заменяющие законы государственно-правовые обыкновения (так называемые конвенции), последовательно мажоритарный принцип власти и сосредоточение огромных возможностей в руках правящего большинства, прежде всего, кабинета министров, неопределенность ряда конституционных положений (например, о референдумах), обычное право. Более того, британское общество известно своей исключительной приверженностью собственным традициям и исторически сложившимся институтам.

Незлоупотребление властью и баланс между ее ветвями обеспечиваются здесь не столько формальными установлениями, сколько сакральностью либеральных представлений и самоограничением политических субъектов.

Своеобразие Британии определяется ее промежуточным положением в рамках западной цивилизации. Она находится между континентальной Европой и Северной Америкой не только географически, но и в культурном, экономическом и политико-правовом отношении. Дилемма – особые связи с США или интеграция в Европейское Сообщество. Исторически сложившаяся двойственная принадлежность Британии к европейскому и англосаксонскому мирам придает современным дискуссиям экзистенциальный оттенок. Показательно, что ни лейбористам, ни консерва-

торам не удалось избежать внутреннего раскола на евроскептиков и евроэнтузиастов.

Схожесть подходов к государственному вмешательству в экономику, характеристики рынка, относительная слабость профсоюзов, гибкость рынка труда объединяет США и Великобританию. Результатом реформ «сверху» стало сближение с США, но это во многом противоречило британским традициям. Англо-американская модель «нескоординированной либеральной рыночной экономики», обладающей высокой конкурентоспособностью, сохранится в Великобритании в долгосрочной перспективе. Параллельно наблюдается сокращение различий между англо-американским укладом и «координированной рыночной экономикой», характерной для континентальной Европы и Японии.

Пока Великобритании удастся балансировать между Европой и Америкой, играя роль «стержня», скрепляющего обе стороны Атлантики. Однако с превращением ЕС в подлинного субъекта мировой политики перед ней встанет проблема выбора приоритетов и уточнения своего места в западном сообществе.

ГЛАВА 4. ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ АНГЛОСАКСОНСКОГО ПРАВА В XX-НАЧАЛЕ XXI вв.

Новейший период истории зарубежных стран отмечен существенной демократизацией политических систем и конституций, государственного права современного постиндустриального общества, а также заметным преобразованием всей его правовой системы.

В праве буржуазных стран отчетливо проявились новые черты, не свойственные ранним этапам развития капитализма. Постепенно видоизменяются некоторые классические правовые принципы и постулаты, казавшиеся в прошлом естественными и неоспоримыми. Так, характерный для права XVII-XIX вв. индивидуализм сменился в XX в. активной социально-правовой политикой.

Фундаментальное предназначение права в современных условиях состоит в том, чтобы, сохраняя демократические традиции, эффективно регулировать трансформацию сложившейся социально-политической структуры постиндустриального общества в соответствии с новыми социальными потребностями. Потому изменения в праве современных стран проявляются не столько в классовых, сколько в общесоциальных и общерегулятивных функциях права, связанных с объективным отражением в нем более высоких форм общественного сознания, с глобализацией проблем экологии, демографии и международного терроризма, борьбы с болезнями, принявшими характер пандемий и т.д.

Процесс развития права в одних регионах характеризовался высокой степенью правовой преемственности (мусульманская правовая система), в других он ознаменовался крупными реформами законодательства (западно-европейское право). Но в целом всем правовым системам современного мира присущи расширение сферы общественных отношений, требующих правового регулирования, увеличение правотворческой активности государственных органов, возрастание роли юридической формы социальных отношений, ориентация на право как на общепризнанную и самостоятельную ценность (идея правового государства).

Демонстрируя более высокую (по сравнению с политическими системами и государством) степень стабильности и преемственности, право XX-начала XXI вв. отличается большой гибкостью, способностью регулировать общественные отношения при смене государственных режимов либо политического курса правящей элиты отдельных стран.

Εὐὸ ἰ:ί ἐέε ἢ ἄδᾶί ἀί ί ί ἄἢ ἰ δᾶᾶᾶ. Резкое увеличение нормативно-правового материала, новые тенденции в развитии правовых

систем привели к изменениям и в источниках права. На смену старым кодексам, принятым в XIX в., пришли новые, в большей мере соответствующие потребностям современного монополистического капитализма: в 1986 г. во Франции принят новый Гражданско-процессуальный кодекс, а Кодекс Наполеона 1804 г. был усовершенствован и заменен в 1858 г., в Испании УК 1870 г. был заменен УК 1932 г. и пр. Крупные кодификационные работы проводились не только в странах континентального права, но и англосаксонского права: в США в 1926 г. был составлен (регулярно обновляется и переиздается) Федеральный свод законов. Значительно обновлено парламентское законодательство Великобритании (Акты о краже 1968 и 1978 гг., акт 1981 г. о подлогах и фальшивомонетничестве, Акт об уголовном праве 1967 г. и пр.).

Существенные изменения произошли в соотношении источников права. Изменению в соотношении закона и подзаконных актов способствовал рост удельного веса актов исполнительной власти, что нашло конституционное закрепление, а законодательные полномочия парламента были ограничены определенными предметными рамками (например, ст. 34 Конституции Франции 1958 г.). Правительственное нормотворчество получило развитие в виде делегированного законодательства по уполномочию парламента и при его официальном контроле. Правительственные и иные административные акты во всех странах Запада стали важным инструментом приспособления содержания правовых норм к быстро меняющимся общественным реалиям. Административные решения исполнительных органов власти привели к созданию административных прецедентов, за которыми фактически признается нормативная сила.

Возрастает также и значение судебной практики, оказывавшей все большее воздействие на развитие правовых институтов в тех странах континентальной правовой системы, где исторически судебный прецедент не признавался источником права, но решения высших судов по своему фактическому значению приобретали свойства прецедента. Наивысшую правотворческую роль играет судебное решение, выносимое в связи с толкованием законов.

Особое место среди источников права заняли решения конституционных судов, созданных под влиянием США после второй мировой войны во многих странах Европы и Азии (Италии, Японии, ФРГ, Индии, странах Латинской Америки и др.). Институт судебного конституционного контроля и созданные в процессе его осуществления конституционные доктрины способствовали «правлению права», укреплению либерально-демократических устоев политической жизни общества.

***ŸáîëþöëŸ ñèñòàì ù ñîáðàì áííîáî èàìèòàèèñòè÷áñéîáî
íðàáà.*** Четыре тенденции характеризуют развитие системы права современных стран. Первая проявляется в дифференциации системы законодательства и дроблении традиционных отраслей права (гражданского, административного и др.) и появлении новых отраслей законодательства: семейного, патентного, авторского, банковского, страхового и т.д.

Другая тенденция заключается в тесном переплетении гражданско-правовых (диспозитивных) и административных (императивных) методов правового регулирования, что означало стирание четких граней между административным и гражданским правом, различий между публичным и частным правом.

Необходимость единообразного регулирования всей совокупности сложных экономических отношений привела к появлению комплексных отраслей права: «экономического права» во Франции и Бельгии, «делового права» в США, «хозяйственного права» в Германии. В юридической литературе входят в употребление новые правовые конструкции: предпринимательское право, хозяйственное право, деловое право, экономическое право, право торгового оборота и т.д.

Третья тенденция заключается в сближении региональных правовых систем, отражая объективные потребности развития мирового хозяйства, прежде всего, транснациональных компаний (ТНК), заинтересованных в единых правовых подходах при регулировании аналогичных экономических, финансовых отношений во многих странах мира. Интеграционные процессы в экономике породили усиление единообразия в праве разных регионов, привели к ослаблению контрастов между мировыми правовыми системами – континентальной, англосаксонской, мусульманской, индусской и пр.

Четвертая тенденция (особенно после второй мировой войны) заключается в значительном воздействии норм международного права на внутреннее право отдельных стран, их конституционное законодательство и всю правовую систему в целом, что было обусловлено глобализацией права, возникновением и распадом социалистического лагеря, активизацией национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки, а также развитием традиционного права в развивающихся национальных системах. В послевоенный период сложились новые геополитические условия, в которых было невозможно обособленное существование замкнутых государственных образований. Вторая мировая война явилась катализатором в процессе создания межре-

гиональных экономических корпораций и общественно-политических объединений. Дипломатическая практика предвоенного периода показала, что противостоять агрессивным внешнеполитическим устремлениям отдельных государств либо их союзам могут только мировое и региональные сообщества. Поэтому после окончания второй мировой войны возникла объективная необходимость в создании надгосударственных структур, способных осуществить функции гаранта политической стабильности в регионе и в мире в целом. Эффективным средством достижения этой цели стало межгосударственное и межнациональное законодательство, отразившее тенденцию глобализации правового развития.

Реализация (имплементация) норм международного права осуществляется различными путями: ратификацией и официальной публикацией соответствующего международного договора (Франция), изданием специального нормативного акта (Великобритания). Конституции ряда западноевропейских стран, особенно принятые в послевоенный период, исходят из принципа верховенства ратифицированного международного договора над внутренним законодательством.

Немаловажную роль в процессе унификации законодательства играют международные экономические и политические сообщества современных стран (общий рынок и т.п.), в рамках которых вырабатываются многосторонние договоры, на основе которых государства-участники договора принимают либо корректируют соответствующее национальное законодательство (акционерное, патентное, антимонопольное и т.д.). Учредительные нормы международных политических и экономических сообществ нередко входят в национальное право стран-участников в силу самой ратификации договора, то есть без принятия соответствующих нормативных актов (например, Римского договора 1957 г. о создании ЕЭС).

Итак, организационное становление европейского права относится к послевоенному периоду. Его история восходит к древнеримскому праву, которому было присуще деление на «право народов» и «цивильное право». В средние века идея европейской интеграции воплотилась в форме многочисленных политических союзов между монархами Европы, созданных в целях предотвращения внешнеполитических конфликтов. В начале XIX в. И. Кант сформулировал идею создания европейской федерации как средства обеспечения мира на республиканских, демократических, правовых основах. В 1923 г. большой резонанс среди европейского сообщества вызвал лозунг Соединенных штатов Европы.

Современное европейское право осуществлялось сначала в рамках Организации Объединенных Наций. Его основы были сформулированы во Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей новые международные стандарты в области права. Государства, входившие в ООН, принимали на себя юридические обязанности по отношению к своим гражданам. В дальнейшем межгосударственная концепция прав человека уточнялась в международных конвенциях и пактах. На современном этапе в качестве неотъемлемых прав человека, признанных на международном уровне, рассматриваются: право на жизнь и личную безопасность, свободу мысли, религии и ассоциаций, право на невмешательство государства в личную жизнь своих граждан, запрет на бесчеловечное обращение, жестокие наказания, принудительный труд. Ко второму поколению прав человека относятся такие социальные гарантии, как право на образование и социальное страхование, право на обеспечение психического и физического здоровья, на равноправие мужчин и женщин. На общеевропейском уровне был признан запрет на любые проявления дискриминации на национальной, расовой, религиозной, возрастной почве. В настоящее время дискутируется необходимость легитимного закрепления дополнительных прав, соблюдение которых должно гарантироваться европейскими государствами: право на мир, свободное развитие и здоровую среду обитания.

На современном этапе основным носителем европейского права является созданный в 1992 г. в Маастрихе Европейский Союз. Объединяя 25 европейских государств¹, ЕС представляет собой конфедеративную организацию с постоянно действующими выборными учреждениями: Советом ЕС, Европарламентом и Еврокомиссией. Европейское Сообщество обладает судебными функциями. В соответствующих судебных инстанциях рассматриваются дела о невыполнении обязательств по Договорам сообществ, о причинении вреда со стороны организаций Евросоюза, даются разъяснения отдельным национальным судам по вопросам содержания и сферы применения права Сообщества. Европейское право включает следующие группы нормативных документов: договоры первичного учреждения Сообществ, включая договоры присоединения, общие принципы права, нормы обычного права, международные конвенции, документы Европейского суда, его общие и индивидуальные решения, договоры между госу-

¹ С 1 января 2007 г. число стран-участниц Европейского сообщества увеличится еще на два государства.

дарствами-членами Союза, судебные решения по вопросам выполнения условий этих договоров.

Европейское право включает в себя и совокупность экономических законодательных нормативных актов, предусматривающих общие принципы осуществления экономического сотрудничества и регулирования интеграционных процессов, что отражает процесс конституирования общего экономического и правового пространства в регионе.

К концу XX в. сложилось понятие «общепризнанных прав человека», законодательно закрепленное более чем в 80 международных универсальных договорах, разработанных в рамках ООН. Межгосударственное сотрудничество в области прав человека приобрело универсальный характер, детерминированное принятием Устава ООН и утверждением в качестве принципа международного права признания прав человека. В рамках ООН сложилась и развивается концепция межгосударственного сотрудничества в области прав человека, наиболее полно отраженная в Венской декларации и Программе действия, принятой Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 г.; создана широкая сеть международных механизмов и процедур, накоплен массив международных стандартов в области прав человека, то есть конкретных обязательств государств международно-правового характера. Некоторые виды нарушения прав человека стали рассматриваться как международные преступления – совершаемые государствами тяжкие нарушения современного международного права, угрожающие международному сообществу в целом (геноцид, апартеид), а рассмотрение в международных органах нарушений прав человека (Страсбургский суд по правам человека и пр.) превратилось в эффективное средство давления на государства, совершающие подобные нарушения.

Наконец, стало активно развиваться региональное сотрудничество в данной области, наиболее разработанными системами такого сотрудничества являются европейская и межамериканская системы. В 1969 г. страны американского континента утверждают Американскую конвенцию о правах человека; африканские страны – члены ОАЕ – в 1981 г. приняли Африканскую хартию прав человека и народов; в 1994 г. в рамках Лиги арабских государств создана Арабская хартия прав человека.

Однако каждый регион имеет свои особенности по сравнению с международным законодательством. Например, Европейская конвенция предусматривает создание эффективной системы международного контроля за соблюдением прав человека в стра-

нах-участницах конвенции. В африканскую хартию включены так называемые коллективные права. Система межамериканского контроля распространяется не только на участников Конвенции, но при определенных условиях и на членов ОАГ, не присоединившихся к конвенции. Важный элемент исламского подхода заключается в том, что права человека, являющиеся «составной частью всего исламского порядка», имеют божественное происхождение, а потому «никакое правительство, никакая власть не могут ограничить, отменить или нарушить права человека, данные Аллахом, так же как никто не может поступиться ими». Азиатско-Тихоокеанский регион является единственным из определенных ООН географических регионов, в котором отсутствует собственная система защиты прав человека, ибо в силу обширности и неоднородности региона в нем отсутствует региональная политическая группировка типа ОАГ в Америке, Совета Европы в Европе, Африканского Союза в Африке.

Γμή ίαί ύά ό αί άάί όέέ δαçaèòèÿ èì óυαño άάί ί ύό è άί άάί ð ί ύό ί ό ί ί θ αί έέ ά άά ð ί ί άέñέί ί ί δάάά ΧΧ άάέά. Основной тенденцией развития гражданского права в XX веке являлись возрастание роли государственного регулирования и повышение значения институтов и конструкций частного права. В результате некоторые области гражданско-правовых отношений переносятся в сферу конституционного права, ибо это соответствует интересам и потребностям общества в целом, ограждает от чрезмерного государственного вмешательства.

В большей степени эта тенденция коснулась вещного права. Собственность претерпела трансформацию из индивидуальной (абсолютной и никем не ограниченной) в социальный институт. Социализация собственности была реализована в правовых системах Англии, Франции, Германии и США.

XX век привнес в источники права дифференциацию в право собственности по объектам и субъектам. В связи с этим различают публичную и частную собственность. Субъектами права публичной собственности выступают: государство, субъект федерации, муниципалитет, коммунальная община. Публичная собственность неделима и носит коллективный характер. В современных гражданско-правовых источниках исключительной государственной собственностью являются национальные парки, прибрежная полоса, пляжи, ценные природные ископаемые и пр. Под защитой государства, как правило, находится вода, почва, флора и фауна. В первой половине XX века и после второй мировой войны в Европе широко распространилась практика национализации. В первую

очередь это было характерно для периодов социалистических революций, а также в процессе создания социалистического лагеря. Кроме радикальных вариантов национализации, имели место и более умеренные, осуществленные государствами буржуазной демократии. Так, в Англии была проведена программа национализации общественно значимых, но убыточных отраслей: угольной, транспортной и электроэнергетической. Основным методом проведения национализации стал выкуп государством этих отраслей у прежних владельцев, а также создание общественных корпораций, в управлении которыми участвовали и представители профсоюзов. В качестве обязательных условий национализации современные законодательства европейских стран называют общественные интересы, законодательное закрепление, обязательную компенсацию, судебный порядок возмещения стоимости имущества в случае возникновения имущественных споров и претензий.

Дальнейшее развитие получил институт траста – доверительной собственности, возникший в Англии. Траст предполагает, что лицо, учредившее доверительную собственность, передает ее в управление другим лицам. Эта юридическая конструкция используется в целях защиты интересов недееспособных лиц, замужних женщин, а также благотворительных и иных учреждений. На основе трастов создаются различные инвестиционные объединения. В случае отчуждения доверительной собственности закон защищает права и интересы бенефициантов. Однако они лишь получали определенные выгоды, гарантированные правом справедливости, и не могли подавать иски для защиты своих прав. Таким образом, траст предусматривает расщепление собственнических прав между собственником (бенефициантом) и управляющим. Вещное право развивалось под влиянием корпоративного предпринимательства, что обусловило становление акционерного (корпоративного) права. По мере развития рыночной экономики и интеграционных процессов возросло значение в праве юридических лиц. В системе общего права отсутствует понятие юридического лица. Фактически им являются акционерные общества. В послевоенный период обозначилась демократизация акционерного капитала, то есть юридически закрепленная возможность распространения ценных бумаг среди широкого круга лиц.

Важнейшие изменения произошли в сфере договорного права. В романо-германской правовой системе обязательственное право рассматривается в качестве центрального раздела гражданского права. Обязательство трактуется как обязанность одного лица совершать или не совершать какое-либо действие в интересах

другого лица. Они могут возникать из закона или из деликта. Распространяется практика возмещения ущерба за угрозу возникновения деликта.

В современном праве расширяется и детализируется перечень убытков, подлежащих возмещению. В рамках германского права было разработано понятие «фиктивные убытки». В этом случае исчисляются не только фактические убытки, но и потенциальные. Легитимно закрепляется новый вид обязательств – из необоснованного обогащения.

Важное значение продолжают сохранять обязательства из договоров. В юридической практике закрепляется правило, суть которого заключается в том, что обязательство не должно ущемлять интересы третьих лиц.

Несмотря на то, что в общем праве отсутствует дефиниция «обязательственное право», оно становится важнейшим элементом гражданского права Англии и США. Принцип свободы заключения договоров закреплен на конституционном уровне. Основным источником регулирования договорных отношений становится законодательство штатов. Закон закрепил новую разновидность договора – лизинг, сочетающий аренду-продажу товара. Новацией стал и договор о передаче научно-технической информации, обладающей коммерческой ценностью. Значительным изменениям подверглись традиционные договоры купли-продажи. Появилась продажа в кредит, с рассрочкой платежа, с аукциона и пр.

Вместе с тем в сферу гражданско-правовых отношений вторгаются нормы императивного характера, что было обусловлено широким распространением административных договоров.

Î ñî ïáí ùá èçì áí áí èÿ â ñàì áéí ïì ï ðàáá ñî áðàì áí í é Ááðí-í ù. Семейное право традиционно рассматривается в качестве важнейшего института частного права. Поэтому источниками регулирования правоотношений в этой области являются гражданские кодексы или иные акты гражданского законодательства, а также судебная практика по семейно-имущественным делам. В Германии и Испании функционируют унифицированные нормы брачно-семейных отношений. В Англии и США параллельно сосуществуют несколько систем правовых норм, регулирующих данную сферу отношений. Это обусловлено многоуровневой системой национального законодательства. Так, в США функционируют как общенациональные нормы, так и законы отдельных штатов, где наблюдаются значительные различия. С точки зрения источников, регулирующих семейные отношения, можно выделить страны, где эти нормы включены в гражданские кодексы, и те, где функционируют обособленные законы о браке и семье.

Основной тенденцией развития брачно-семейного законодательства стала его демократизация. В 1960-1970-х гг. во многих европейских странах были осуществлены реформы семейного права. Это стало результатом социальной и политической активизации молодежи и женщин, а также следствием охватившего Европу феминистского движения. Спор между гражданским и церковным браком закончился в пользу последнего.

Законодательство многих европейских стран подчеркивало, что брак является светским, а не религиозным институтом. В современном праве доминирует представление о браке как договоре, который в силу определенных обстоятельств может быть признан недействительным (например, когда один из супругов ввел другого в заблуждение относительно своего материального положения).

В юриспруденции распространено мнение о том, что брак – это правоотношение, порождающее юридический статус. Данный тезис используется для обоснования государственного вмешательства в эту сферу гражданского права. Возраст брачного совершеннолетия в разных странах колеблется в значительных пределах: от 21 года для мужчин (в некоторых штатах США) до 12 лет у женщин (в Испании).

Повсюду запрещены браки между родственниками по восходящей и нисходящей линиям, а также между братьями и сестрами. Законодательство различных европейских стран отличается разной степенью консерватизма. Так, в Швеции запрещены браки лишь между ближайшими родственниками. А в Ирландии запрет касается 28 степеней родства. Важнейшим условием заключения законного брака является ставшее традиционным для Европы требование к супругам не состоять в другом браке. В последнее время в законодательстве ряда европейских стран выдвигаются нетрадиционные требования к брачующимся, например, принадлежность к разному полу вступающих в брак. Это требование нашло отражение в английском брачном законодательстве. В Голландии, напротив, законодательно разрешено заключение однополых браков. В законодательстве ряда стран встречаются требования и ограничения относительно состояния здоровья вступающих в брак. В ряде американских штатов сохраняются ограничения временного характера на вступление в повторный брак обвиненного в супружеской неверности (если это стало причиной развода).

Новацией в XX в. стало признание равного статуса в браке мужчин и женщин. Супруги стали рассматриваться как полноправные партнеры. Наиболее отчетливо тенденция либерализации проявилась в практике расторжения брака. Доказательств винов-

ности одной из сторон не требуется. Хотя в некоторых штатах это правило действует до сих пор. В целом современное законодательство признает свободу развода. В Италии возможность развода была признана лишь в 1970 г., в Португалии – в 1976 г., а в Испании – в 1981 г.

В некоторых странах для получения развода достаточно заявления об этом обоим или даже одного из супругов. Примером такого подхода может служить Швеция, где в случае одностороннего заявления развод оформляется по истечении 6-месячного срока, даже если у супругов имеются несовершеннолетние дети. Однако и это ограничение не применяется, если супруги не проживали вместе в течение двух лет. В большинстве стран основанием для развода служит распад брака, признаками чего являются раздельное проживание супругов, разногласия между ними, супружеская неверность, жестокое обращение, злоупотребление алкоголем, уход из дома одного из супругов и пр. Во Франции брак может быть расторгнут вследствие прекращения семейной жизни, когда супруги не живут вместе в течение шести лет или когда один из супругов в течение такого же срока страдает психическими заболеваниями. Это так называемые «безвинные» основания для развода, к которым относится и несовместимость характеров. Непосредственное решение о разводе принимают либо суды, либо органы регистрации актов гражданского состояния. В современной юридической практике существует понятие судебной сепарации (разлучения) супругов. Основанием разлучения могут являться брачные правонарушения: супружеская неверность, жестокое обращение и пр. В Англии и Франции решение о сепарации нередко используется в качестве промежуточной меры перед оформлением развода.

Расторжение брака влечет целый ряд юридических последствий для бывших супругов и их детей, затрагивающий раздел имущества и содержания. На регламентацию алиментирования повлияла утрата представлений о разводе как меры наказания за вину. Поэтому во многих европейских странах устанавливается одинаковый размер материальной помощи, которую должны оказывать супруги друг другу. При этом учитываются состояние здоровья, возраст, длительность брачных отношений, материальные нужды и потребности разведенных, наличие несовершеннолетних детей.

Уравниваются имущественные права супругов. Закон уделяет внимание регулированию как личных, так и имущественных отношений супругов. Наиболее обстоятельно регулируются вопросы режима имущества супругов, порядка управления им и предостав-

ления содержания. В современном европейском праве существуют три вида правового режима имущества супругов: общности владения, раздельного владения и смешанный тип, который часто называют режимом «отложенной общности». Юридическим основанием применения того или иного режима являются брачный контракт либо соответствующие статьи закона (легальный режим). Средством защиты личных имущественных прав супругов стал рассматриваться брачный контракт, который регламентирует статус добрачного имущества мужа и жены, режим имущества, нажитого в браке, а также имущественные санкции в случае развода. Легальный режим общности имущества предусмотрен в законодательстве Франции, Испании, некоторых американских штатов. Режим раздельного владения доминирует в ФРГ, Финляндии, Швеции, Дании и Норвегии.

Права и обязанности супругов регулируются по-разному в различных европейских странах в зависимости от степени либеральности семейного права. Так, в Англии господствует традиционное представление о том, что обеспечение жены всем необходимым и предоставление ей содержания является основной обязанностью мужа.

Демократизация коснулась и сферы отношений между детьми и родителями. Происхождение ребенка, рожденного в браке, устанавливается путем регистрации новорожденного с указанием его отца и матери по обоюдному согласию супругов. Установление родителей детей, рожденных вне брака, осуществляется их легитимацией путем вступления в брак родителей после их рождения, а также на основании добровольного заявления мужчины о признании отцовства. Законом допускается практика установления отцовства в судебном порядке. Несмотря на улучшение статуса внебрачных детей, между ними и законнорожденными сохраняются различия. Наиболее четко это проявляется в сфере наследственного права. Многие европейские государства не присоединились к международной Конвенции о правах детей, рожденных вне брака, от 1975 г. Этот документ декларировал равные права детей независимо от статуса законнорожденных или незаконнорожденных.

Комплекс прав и обязанностей родителей связан с их взаимным алиментированием. Как правило, алименты на содержание детей выплачиваются родителями, проживающими отдельно, до достижения детьми совершеннолетия. После этого дети в свою очередь в предусмотренных законом случаях обязаны содержать родителей.

Во многих правовых системах устанавливается юридическая ответственность родителей за противоправные действия несовершеннолетних детей. Законодательное признание получают права детей на гуманное обращение, на среднее образование и пр. Их нарушение со стороны родителей влечет уголовную ответственность последних.

Ðàçàèòèá ñïöåàëüíîé è òðîáîðîòîâ çàèíîâàòåëüíîé ï-âåðñòèè òðóäîâîãî çàêîíîäàòåëüñòâà. Социальное и трудовое законодательство уходят своими корнями в XIX столетие – время бурного развития промышленной индустрии и становления новой социальной структуры общества, связанной с индустриализацией. Тогда рабочие впервые осознали потребность в законодательной регламентации и защите своих прав. В XX веке конституционное признание и закрепление получили социально-экономические и культурные права граждан: на труд и свободный выбор профессиональной деятельности, на социальное обеспечение, на отдых, на безопасные условия труда, на защиту материнства и детства, на забастовку, на образование и пр. Подобные гарантии впервые декларировались в социалистических конституциях, а затем широко распространились в конституционном праве Германии, Франции, Испании, Италии и Португалии.

В 1948 г. социально-экономические права были признаны на международном уровне, что отразилось в тексте Всеобщей декларации прав человека. Они были детализированы в последующих документах европейского сообщества.

К послевоенному периоду относится формирование «третьего поколения» прав человека: на здоровую окружающую среду, на достойный уровень жизни, на пользование природными национальными богатствами и многие другие.

Важнейшей задачей социального законодательства является поддержание социальной стабильности и гражданского мира посредством предотвращения потенциальных социальных конфликтов. Необходимость социальной интеграции для эффективного эволюционного развития общества воплотилась в концепции солидаризма. Ее положения закреплены в новейших конституциях европейских стран. Принципиальной новацией стало введение понятия социального государства, что предполагает государственную поддержку определенных слоев населения.

Основа современной социальной политики – это распределение бремени социальных проблем между личностью и государством.

Òðîáîðîòîâ çàèíîâàòåëüíîé ï-âåðñòèè òðóäîâîãî çàêîíîäàòåëüñòâà. В начале XX в. трудовое законодательство стало формироваться как самостоятельная отрасль

трудового права. Первоначально трудовые отношения регулировались путем подписания договора (соглашения) между наемным работником и работодателем. Государство практически не вмешивалось в отношения, возникавшие между работником и предпринимателем. В 1920-1930 гг. под давлением рабочего движения и под влиянием распространившейся социал-демократической доктрины создается система социального страхования, отличавшаяся тогда примитивизмом. Страховки предусматривались только в случае болезни, нетрудоспособности и инвалидности. В рамках этой тенденции в США были приняты законы Вагнера 1935 г. и Тафта-Хартли 1947 г., регламентировавшие содержание коллективных трудовых договоров, правовой статус профсоюзов, продолжительность рабочего дня; предусматривались также меры по охране труда женщин и подростков.

Значительная демократизация трудового законодательства наблюдалась в послевоенный период, когда принимались законы об уравнивании оплаты труда женщин и мужчин, о профсоюзах, профессиональном обучении, компенсациях. Быстрыми темпами развивается социальное обеспечение, важнейшим элементом которого стало пенсионное законодательство, претерпевшее эволюцию от установления пенсий в случае получения производственных травм или увечий до всеобщего пенсионного обеспечения.

Интересно проследить основные этапы становления американского социального законодательства, так как наблюдаются существенные различия между предметом социального законодательства в Европе и США. Так, в англосаксонском праве приоритетное значение имеют личные и политические права, а в европейском континентальном праве традиционно большее внимание уделяется социально-экономическим правам. В юридической литературе обоснованно констатируется факт неприсоединения США к ряду важнейших международных пактов по правам человека. Это связано не с пренебрежением американского законодателя к общечеловеческим ценностям, а с тем обстоятельством, что интерпретация социальных законов Верховным Судом США привела к превращению социальных прав в фундаментальное право страны.

В США на рубеже XIX-XX вв. большинство законодательных предложений, предусматривавших позитивную реализацию социально-экономических права, были отвергнуты как несоответствующие конституции. В стране господствовало представление о том, что реализация социально-экономических прав зависит не от принятия новых законов, а от уровня экономического развития. Следовательно, гарантии не имеют юридического характера и не могут обеспечиваться средствами судебной защиты.

Американская концепция прав человека отрицала социальные права, поскольку было невозможно их точно определить и создать эффективный механизм защиты. Американскими юристами и политиками утверждалось, что права и свободы в американской традиции – это сферы деятельности индивида, свободные от вмешательства государства. В большей степени права человека рассматривались как естественное и субъективное право. Однако уже тогда этот подход стал пересматриваться. Профсоюзы приобрели легальный статус, принимается закон об охране окружающей среды, неограниченная ранее свобода предпринимательской деятельности ставится под контроль общества. Постепенно приходит осознание того, что конфликт между экономикой и правом существует. Это стало отправной точкой развития социального законодательства в США.

Уголовное право в XX столетии было вызвано изменившимися общественно-политическими и экономическими условиями, демократизацией, появлением новых форм собственности, усложнением процессуальных норм и пр. Во многих европейских странах основной тенденцией развития уголовного права стала его дальнейшая систематизация. В результате были разработаны новейшие уголовные кодексы – УК ФРГ 1975 г., Примерный УК США, УК Франции 1994 г., УК Испании 1995 г. В каждой из этих стран сложилась своя концепция наказуемого поведения, собственные дефиниции преступления, принципы трактовки таких понятий, как «самооборона», «крайняя необходимость», «невменяемость», «неосторожность» и «соучастие».

Изменилась структура предусмотренных законом преступлений. На первое место по тяжести вышли преступления против личности. Многие законодательные акты предусматривают преступления против человечества: геноцид, депортацию, массовые казни без суда и следствия, репрессии, пытки, акты жестокости и пр. Современный законодатель предусматривает уголовную ответственность за проявление сексуальной агрессии, проведение биомедицинских экспериментов над человеком без его согласия, за посягательство на его частную жизнь. Важной новацией стало введение уголовной ответственности юридических лиц: предпринимательских объединений и территориальных единиц. Законодательство новейшего времени ввело уголовную ответственность за терроризм, производство и сбыт наркотиков, компьютерные преступления и др.

Существенные изменения произошли в уголовном праве англосаксонской системы. В Англии отменяется существовавшее ве-

ками традиционное деление на фелонии и мисдиминоры. На территории США оно сохранено, но вводится новая классификация преступлений.

Одна из основных тенденций заключается в либерализации карательной системы, в основе которой лежит стремление законодателя к гуманизации и оптимизации. В центре внимания юридической и политической общественности стоит проблема применения смертной казни. Во многих европейских странах в 1960-х гг. произошла фактическая отмена смертной казни, а некоторые штаты и вовсе приняли закон об ее отмене. Верховный Суд США предусматривает возможность применения этой меры наказания при совершении тяжкого убийства, но присяжные должны иметь возможность выбора между смертной казнью и пожизненным заключением преступника. На современном этапе смертная казнь предусмотрена законодательствами 36 американских штатов, а также федеральным законом при совершении тяжких государственных, воинских и уголовных преступлений.

Современная система наказаний ориентирована на защиту интересов общества и социальную адаптацию преступников.

Значительному реформированию подверглись судебная система и уголовный процесс. В качестве гарантии от судебного произвола рассматривается суд присяжных. В США его статус закреплен 7-й поправкой к конституции. Важным элементом судебной системы суд присяжных рассматривается и в Англии. Подбор присяжных становится централизованным, отменяется имущественный ценз, снижается возрастной ценз. Во Франции допускается участие в суде не 12, а 9 присяжных заседателей, их единогласное решение не является обязательным. В Англии суд присяжных рассматривает исключительно уголовные дела.

Функционирование суда присяжных остается одной из наиболее спорных проблем юриспруденции. Одни настаивают на необходимости его применения как гарантии от судебного произвола, ссылаясь при этом на национальные традиции. Другие подчеркивают низкий профессиональный уровень принятых ими решений, а также длительность судебного разбирательства и большие финансовые затраты.

Показателем уровня демократизма современной уголовно-процессуальной системы являются: предварительная санкция суда на арест подозреваемого, обыски и другие следственные действия, подразделение доказательств на допустимые и недопустимые (полученные незаконным путем), а также право на защиту и презумпция невиновности.

Важным аспектом сближения уголовного законодательства является заключение международно-правовых конвенций по борьбе с уголовными преступлениями. Они создаются в целях борьбы с международными преступлениями (угонами воздушных судов, фальшивомонетничеством, наркобизнесом и пр.). Государства-участники подобной конвенции обязуются предусмотреть в своем национальном законодательстве соответствующие уголовно-правовые нормы. Таким образом, однотипные меры начинают функционировать в законодательстве стран романо-германской, англосаксонской и мусульманской правовых систем.

Несмотря на относительно общие закономерности и тенденции развития современного уголовного права, сохраняются значительные расхождения как концептуального, так и национально-правового характера. В концептуальном плане существует множество спорных вопросов, касающихся теории уголовно-процессуального права и практики применения этих норм. Современные исследователи подчеркивают, что, несмотря на то, что мир соткан из локализованных систем уголовной юстиции, начинают усиливаться и противоположные тенденции.

В качестве доказательства самобытности и национальной специфики существующих уголовно-правовых систем можно рассмотреть уголовное право современных США и Германии.

Действующее американское право отличается сочетанием общего и статутного прав. Однако в отличие от английской правовой системы с ее консервативным стремлением сохранить старые нормы и институты американское общее право пошло по пути «гибкого правотворчества». Не менее значимой особенностью стало отсутствие единой уголовно-правовой системы, что обусловлено спецификой американского федерализма. На территории США функционируют 53 самостоятельные правовые системы: общегосударственная, 50 штатов, округ Колумбия, свободно присоединившееся государство Пуэрто-Рико. Таким образом, правовой дуализм продолжает сохраняться и в XX столетии. В США нет общегосударственного уголовного кодекса. Актом Конгресса от 25 июня 1948 г. основная масса ранее действовавшего законодательства была пересмотрена и включена в состав 18-го раздела Свода законов США «Преступления и уголовный процесс». Казуистика, описательный характер правовых норм, наличие архаичных положений послужили причиной острой критики этого источника со стороны юридической и политической общественности. Многочисленные отзывы сводились к признанию того обстоятельства, что свод непригоден для использования и несправедлив. Были пред-

приняты несколько попыток реформирования источника, но все они оказались безуспешными.

Большую роль в регулировании уголовно-правовых отношений на федеральном уровне играют подзаконные акты, издаваемые президентом, министерствами и ведомствами федерального правительства. Как правило, они детализируют и конкретизируют содержание федеральных законов. Но иногда и они предусматривают меру ответственности за совершение того или иного деяния. Так, согласно исполнительному приказу президента Р.Рейгана в 1986 г., изданному против Ливии, те американцы, которые не покинули территорию этой страны, могли быть подвергнуты тюремному заключению сроком до 10 лет и штрафу в размере 50 тыс. долларов.

Действие федерального уголовного законодательства ограничено, так как оно применяется в случае совершения преступлений с «федеральным элементом», то есть в отношении федеральных должностных лиц, если затронуты интересы нескольких штатов; в случае посягательства на федеральные учреждения или службы либо США в целом (измена, шпионаж). Оно также может применяться в случае совершения любого преступления, но произошедшего на территории федерального значения: в национальных парках, заповедниках, в суде, на военных объектах, на судах, плавающих под американским флагом. Федеральные уголовные законы имеют более широкую компетенцию. Главный принцип функционирования местного и общегосударственного законодательства заключается в том, что первое не может противоречить конституции страны. Большое внимание вопросам наказания уделяется и в конституциях штатов.

Необходимость реформирования уголовного права была осознана американской юридической общественностью. В результате в 1962 г. был опубликован окончательный вариант проекта Примерного уголовного кодекса. Этот документ явился итогом тщательного анализа и обобщения норм статутного права и общего с учетом уголовно-правовой доктрины. По мнению американских правоведов, этот документ стал приглашением к правовой реформе, а не догматическим утверждением единственно правильного решения. Не случайно он был назван «Примерным» уголовным кодексом. К настоящему времени реформировано уголовное право большинства американских штатов, где были разработаны и приняты новые уголовные кодексы.

Широко распространенной в штатах является практика регулирования уголовно-правовых отношений подзаконными актами.

В основе германской доктрины уголовного права лежит принцип, закрепленный в Основном законе, в соответствии с которым деяние подлежит наказанию, только если его наказуемость установлена законом до его совершения. Эта формулировка имеет три важных аспекта. Во-первых, из нее следует, что наказание не может быть основано на обычае либо прецеденте. Во-вторых, закон не имеет обратной силы, если он ухудшает положение обвиняемого. В-третьих, никакое деяние не подлежит наказанию по аналогии с Уголовным кодексом. Так, незаконное присвоение электроэнергии не может наказываться как кража, потому что объектом кражи может быть только «вещь», то есть нечто, имеющее три измерения.

В отличие от американского права в Германии уголовно-правовые нормы унифицированы и кодифицированы, что исключает их множественность и дуализм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучая историю Англии, следующую за революциями 1640-х гг. и 1688-1689 гг., следует обратить внимание на особый характер и способы политических и правовых преобразований. Здесь, за исключением кратковременного существования Орудия управления 1653 г. О.Кромвеля, не было (и нет до сегодняшнего дня) конституции как единого писаного документа. Английскую конституцию составляют акты далекого прошлого, например Великая хартия вольностей 1215 г., Habeas Corpus Act 1679 г., а также установившаяся и изменяющаяся со временем практика государственной работы. Фактически помимо закона образуется и функционирует кабинет министров, действует правило его заседаний в отсутствие монарха. Право короны наложить абсолютное вето на билль парламента трансформировалось в так называемую «спящую норму». Также вне рамок закона современный парламент определяет основные направления деятельности кабинета министров, на смену персональной ответственности министров придет солидарная ответственность кабинета министров как единого органа государственной власти, в политическую лексику практику войдет понятие ответственного правительства и т.д.

Переход к демократии и конституционной парламентской монархии осуществлялся в Великобритании с помощью реформ, растянувшихся на двести лет. Особенно заметно такие характерные черты реформ, как постепенность, компромисс, бережное отношение к приобретенным правам, частичное внедрение новых институтов под прикрытием старых форм. Важнейшим условием такого пути было существование легальной и уважаемой оппозиции Его Величества, способной воспринять лучшее из прошлого и в иных формах продолжать поступательное движение. Принимаемые решения не претендовали на логическую завершенность, но они служили устранению недостатков, оказывались единственно возможными на пути эволюционных преобразований.

Компромиссы и взаимные уступки, бережное отношение к приобретенным правам, частичность, постепенность изменений, удержание старых, традиционных форм юридических институтов – все это имело и отрицательную сторону, позволяя в течение длительного времени сохраняться архаическим пережиткам, сохранившимся со времен средневековья. Однако такой метод государственно-правовых преобразований имел неопределимое преимущество, ибо позволил Соединенному Королевству избежать революционных потрясений XIX-XX вв., столь характерных для многих стран Европы (Франция, Германия и др.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аксельрод Р. Западный опыт создания сильной законодательной власти США // Экономика. Политика. История.– 1991. – №2.
2. Александренко В.Н. Английский Тайный Совет и его история.– СПб., 1888-1890. – Т. 1.
3. Алексеев А.А. К учению о парламентаризме. – СПб., 1908.
4. Антонова К.А. Британское завоевание Индии в XVIII в. – М., 1959.
5. Барлова Ю. Е. Дискуссии по вопросу о реформировании парламента в Англии, 1779-1785: дисс. ... к.и.н. – Ярославль, 1999.
6. Беджгот В. Государственный строй Англии. – М., 1905.
7. Бекназар-Юзбанцев Т.Б. Партии в буржуазных политико-правовых учениях. – М., 1988.
8. Бихари М. Парламентаризм. Мир политики. – М., 1992.
9. Благож Й. Формы правления и прав человека в буржуазных государствах. – М., 1985.
10. Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. – СПб., 1895.
11. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. В 3 т. – М., 1992. – Т.1.
12. Бромхед И. Эволюция британской конституции.– М., 1978.
13. Буцинский П.Н. Основные черты английской политики в XVIII в. – Харьков, 1904.
14. Быков Г. И. Очерки по истории социальных движений в Англии 1764-1836 гг. – М.-Л., 1934.
15. Валлич Э.И. Законы о бедных в английской публицистике XVIII века и теория нищеты Чарлза Холла / Отв. ред. К.Н.Андерсон. – М., 1990.
16. Верховенство права. – М., 1992.
17. Виноградов К.Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. – Л., 1958.
18. Виноградов П.Г. Вступительное замечание / Сидней Л. Государственный строй Англии. – М., 1910.
19. Вызинский Г.В. Англия в XVIII столетии. Публичные лекции. Т.1,2. – СПб., 1860-1861.
20. Гессен В. Основы конституционного права. – СПб., 1918.
21. Государственное право буржуазных и освободившихся стран / ред. Б.А.Стародубского, В.Е.Чиркина. – М., 1986.
22. Государственное право Германии: в 2 т. / под ред. Й.Йзензее, П.Киркхофа. – М., 1994.

23. Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав / под ред. Н.М. Коркунова. – СПб., 1895.
24. Грин Дж. Р. Краткая история английского народа. – М., 1897.
25. Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. – М., 1960.
26. Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. – М., 1984.
27. Дэйси А. Основы государственного права Англии. – М., 1905.
28. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. – 1994. – №3.
29. Дарендорф Р. Дорога к свободе // Вопросы философии. – 1990. №9.
30. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1992.
31. Дерюжинский В.П. Очерки политического развития современной Англии. – СПб., 1911.
32. Дробышевский С.А. О содержании теоретических моделей наилучшего государства и планов их реализации // Проблемы теории и истории государства и права: сб. науч. статей / Отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Дробышевский, к.и.н., доц. О.П. Подосенов. – Красноярск, 2001.
33. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. – М., 1908.
34. Дюприе Л. Государство и роль министров в Англии. – СПб., 1906.
35. Ерофеев Л.А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII веке. – М., 1964.
36. Ерофеев Л.А. Очерки по истории Англии 1815-1917 гг. – М., 1959.
37. Ерофеев Л.А. Промышленная революция в Англии: пособие для учителя. – М., 1963.
38. Загиддулина Г.Н. Политическая борьба в Англии и французская буржуазная революция. 1789-1794 гг.: дисс... к.и.н.- М., 1980.
39. Законодательство Английской буржуазной революции 1640-1660 гг./ сост. Н.П.Дмитревский – М.-Л., 1946.
40. Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология: Сб. ст. – М., 1981.
41. Из истории европейского парламентаризма. Великобритания: сборник статей. – М., 1995.
42. Ильинский И.П., Мишин А.А., Энтин Л.М. Политическая система современного капитализма. – М., 1983.

43. Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX в. – СПб., 1908.
44. Историко-правовые исследования: Россия и Англия. – М., 1990;
45. Авдентова Н.С. Очерки по истории Англии: учебное пособие для студентов IV-V курсов. – Курск – Горький, 1973.
46. История буржуазного конституционализма XVII-XVIII вв. / под ред. В.С. Нерсесянца. В 3 т. – М., 1983. – Т.1.
47. История XIX века. – М., 2000. – Т.7.
48. История Европы. Т. 4. Европа нового времени (XVII-XVIII века). – М., 1994.
49. Кареев И.И. Происхождение современного народно-правового государства. – СПб., 1908.
50. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т.3: Восемнадцатый век и французская революция; Т.4: XIX век: консульство, империя и реставрация. – СПб., 1894.
51. Кареев Н.И. Лекции по новой западноевропейской истории. – СПб., 1885.
52. Керимов А.Д. Французский парламентаризм: конституционно-правовое исследование: дисс. ...д.ю.н. – М., 1999.
53. Кертман Л.Е. География, история и культура Англии XVII-XIX вв.: учебное пособие. – М., 1979.
54. Кин Дж. Демократия и гражданское общество. – М., 2001.
55. Ковалевский М.М. История Великобритании. – СПб., 1911.
56. Ковалевский М.М. Английская конституция и ее историк. – М., 1880.
57. Ковалевский М.М. Государственное право Англии. – СПб., 1907.
58. Ковалевский М.М. История аристократии: курс лекций, читанных на экон. отделении СПб. политехн. ин-та. – СПб., 1914.
59. Ковалевский М.М. История монархии и монархических доктрин. – СПб., 1912.
60. Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. – М., 1906. – Т.1.
61. Ковалевский М.М. Что такое парламент. – СПб., 1906.
62. Козлихин И.Ю. Право и политика. – СПб., 1996.
63. Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. – М., 1980.
64. Кондильяк Э.Б. Сочинения: в 3 т. – М., 1982.
65. Конституции государств Европейского Союза. – М., 1997.

66. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 2 т. / ред. Б.А.Страшун. – М., 1996. – Т.1.
67. Котелевская И.В. Современный парламент // Государство и право. – 1997. – №3.
68. Крутоголов М.А. Парламент Франции. Организация и правовые аспекты деятельности. – М., 1988.
69. Крылов Б.С. Критика современных буржуазных теорий парламентаризма // Советское государство и право. – 1962. – №1.
70. Крылов Б.С. Парламент буржуазного государства (политическая сущность парламентаризма и правовые формы парламента и парламентаризма на современном этапе): автореф.... д.ю.н – М., 1963.
71. Крылова И.С. Парламент Великобритании: автореф. ... к.ю.н. – М., 1962.
72. Крылова Н.С. Английское государство. – М., 1981.
73. Культура эпохи Просвещения. – М., 1993.
74. Куриев М.М. Герцог Веллингтон. – М., 1995.
75. Лабутина Т.Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского просвещения (1689-1714 гг.). – М., 1994.
76. Лавровский В.М. Исследование по аграрной истории Англии XVII-XIX вв. – М., 1966.
77. Лисневский Э.В. Парламент Великобритании (1870-1917 гг.): автореф. дисс. ... к.ю.н. – М., 1967.
78. Лоу С. Государственный строй Англии. – СПб., 1908.
79. Лоуэлль А.Л. Государственный строй Англии. – М., 1915.
80. Луковская Д.И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. – Л., 1985.
81. Маклаков В.В. Парламенты стран-членов Европейского союза. – М., 1994.
82. Мамут Л.С. Народ в правовом государстве. – М., 1999.
83. Медушевский А.Н. Идея разделения властей // Социологический журнал. – 1994. – №1.
84. Мижув П.Г. Парламентаризм и представительная форма правления в главных странах современной Европы. – СПб., 1906.
85. Милль Дж.Ст. Размышления о представительном правлении. – СПб., 1863.
86. Мишин А.А. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости. – М., 1976.
87. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. – М., 1996.
88. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. – М., 2001.

89. Моро Ф. В защиту парламентаризма. – СПб., 1908.
90. Мортон А. История Англии. – М., 1950.
91. Общественная жизнь Англии. Религия, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи в их историческом развитии с древнейшего периода до настоящего времени. В 6 т. – М., 1896-1999. –Т. 5.
92. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. – 1989. – №3-4.
93. Острогорский М. Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека. – Петроград, 1916.
94. Очерки истории Англии. Средние века и новое время: пособие для учителя / под ред. Г. Р. Левина – М., 1959.
95. Очерки парламентского права. Зарубежный опыт. – М., 1993.
96. Перегудов С.Н. Политическое представительство интересов // Полис. – 1993. – №4.
97. Петрушевский Д.М. Очерки из истории Английского государства и общества в средние века. – М., 1937.
98. Плешков В.Н. Внешняя политика США в конце XVIII века // Очерки англо-американских отношений / под ред. Я.Я.Фурсенко. – Л., 1984.
99. Пономарева В.В. Парламент и политическая элита Великобритании XVIII века. – Красноярск, 2002.
100. Пономарева В.В. Британский парламентаризм XIII – начало XIX вв.: истоки и эволюция. – СПб., 2000.
101. Пономарева В.В., Шинкевич В.Е. Технология избирательных кампаний: историко-правовой опыт и современные проблемы. – Красноярск, 2002.
102. Просветительское движение в Англии / под ред. Н.М.Мещеряковой. – М., 1991.
103. Разделение властей и парламентаризм. – М., 1992.
104. Разделенная демократия: сотрудничество и конфликт между Президентом и Конгрессом: пер. с англ. / под ред. проф. Дж. Тарбера. – М., 1994.
105. Романов А.К. Правовая система Англии. – М., 2000.
106. Ромашов Р.А. Современный конституционализм: теоретико-правовой анализ: дисс. ... д.ю.н. – СПб., 1998.
107. Россия и Британия. Вып. 2. – М., 2000.
108. Рюде Дж. Народные низы в истории 1730-1848. – М., 1984.
109. Савин А.Н. История Англии в новое время. – М., 1912.
110. Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов. – Самара, 1995.

111. Сидней Л. Государственный строй Англии. – М., 1910.
112. Современная историография Великобритании / под. ред. В.В. Согрина. – М., 1991.
113. Современное буржуазное государственное право: Критические очерки: В 2 т. Т.2. Основные институты. – М., 1987.
114. Соколов А.Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI – XVIII вв. – Ярославль, 1992.
115. Соколов К.Н. Парламентаризм. – СПб., 1912.
116. Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма: Очерк-эссе. – М., 1996.
117. Тарле Е.В. Французская революция и Англия. Соч. в 12 т. – М., 1957-1959. – Т.7.
118. Тахтарев К. От представительства к народовластию. – СПб., 1907.
119. Татаринова К.Н. Очерки по истории Англии 1640-1815 гг. – М., 1958.
120. Терентьев Л.П. Внутриполитическое положение Англии и борьба партий тори и вигов в годы войны за испанское наследство 1701-1714 гг.: дисс. ... к.и.н. – СПб., 1982.
121. Тревельян Дж.М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. – М., 1959.
122. Федоров М.И. Традиционализм как антиреформизм // Полис.– 1996. – №2.
123. Фримен Э., Стеббс В. Опыты по истории английской конституции. – М., 1880.
124. Фримен Э. Развитие английской конституции с древнейших времен. – М., 1905.
125. Хайек Ф.А. Общество свободных. – Лондон, 1990.
126. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. – М., 1981.
127. Хубнер Е. Парламентаризм и представительная система // Полис. – 1992. – №3.
128. Черняк Е.Б. Вековые конфликты. – М., 1988.
129. Черняк Е.Б. Массовые движения в Англии и Ирландии в конце XVIII – XIX вв. – М., 1962.
130. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. – М., 1998.
131. Чиркин В.Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. – 1994. – №1.
132. Чиркин В.Е. Очерки парламентского права. – М., 1993.
133. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. – М., 1866.

134. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). – М., 1999.

135. Шкляж И.М. Знаменитые политические и общественные деятели Англии XVIII – XIX вв.: Материалы к лекциям в помощь изуч. курс «Всемирная история» и «История религии и атеизма». – Одесса, 1994.

136. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Шмитт К. Политическая теология. – М., 2000.

137. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. – №1.

138. Энсон У. Английская корона, ее конституционные законы и обычаи. – СПб., 1914.

139. Энсон У. Английский парламент, его конституционные законы и обычаи.– СПб., 1908.

140. Энтин Л.М. Разделение властей. Опыт современных государств. – М., 1995.

141. Эсмен А. Общие основания конституционного права. – СПб., 1909.

142. Яковлев Н.Н. Британия и Европа. – М., 2000.

143. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991.

Валерия Владимировна Пономарева
**Великобритания XVII – начала XXI вв.: государ-
ство и право**
Монография

Печатается в авторской редакции
Технический редактор М.Н.Киценко

СЭЗ № 24.49.07.953 П 000315.07.03 от 21.07.2003

Подписано в печать _____
Формат Р 60x84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл.печ. листов 7,25 (6,7 авт.л.).
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.